

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2011

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 4 (Том 1)'2011
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор;
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

О. В. Мамуркина

Формы проявления авторского начала как источник художественного нарратива в путевой литературе второй половины XVIII века 8

Л. Н. Духанина

К поэтике психологизма Л. Н. Толстого (герои с обсессивной структурой личности в «Войне и мире») 17

В. С. Малых

Творчество Н. С. Гумилева: проблемы мировоззрения и поэтики 25

Н. С. Бандурина

«Электрический» Арлекин В. Шершеневича: мотив ожившей куклы 35

О. И. Налдеева

Стихотворная миниатюра в жанровой системе современной лирики Республики Мордовия 41

А. С. Карасева

«Пошли мне небожителя...»: тема двойника у Бродского и Достоевского 48

Д. В. Спиридонов

Нарратив массовой литературы в пространстве повседневности: диегесис как мимесис 54

С. Д-Н. Малзурова

Национальная картина мира в романе Григория Ходжера «Конец большого дома» 64

А. И. Дудкина

Образ автора в позднем творчестве В. Галека 71

С. М. Тиллоева

Национальная языковая картина мира и ее проекция в поэтическом тексте газели Амира Хасана Дехлави «Мухаммад» 78

Е. Г. Кириловская

Шопоголизм как состояние женского сознания (на примере романов Софи Кинселы) 86

ЛИНГВИСТИКА

Н. В. Козловская

Имя собственное в философской интерпретации Павла Флоренского 92

Е. В. Богданова

О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике 100

С. И. Буглак

Наречия модально-эвиденциальной семантики в английском языке 109

Е. А. Ошева

Антропоцентричность картины мира (на материале фразеологизмов) 114

<i>Е. А. Снеткова</i>	
Семантическое поле «грусть» и «печаль» в произведении В. Астафьева «Царь-рыба»	120
<i>Е. А. Горло</i>	
Проблема исследования прагматического значения с позиций лингвистической прагматики.....	125
<i>А. Е. Волкова</i>	
Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности	134
<i>А. А. Соколова</i>	
Диалектология и гуманитарная география	142

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

<i>И. П. Лапинская</i>	
Организация стиля в художественном тексте	147
<i>О. Г. Дубровская</i>	
Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации контекста.....	155
<i>Е. В. Филиппова</i>	
Влияние прагматических пресуппозиций на выбор форм обращения в современном англоязычном публичном дискурсе	162
<i>А. А. Самохина</i>	
Теоретические аспекты функционирования термина в художественном тексте.....	167
<i>И. И. Бакланова</i>	
Образ адресата рекламного текста с точки зрения постулатов речевого общения.....	177
<i>Т. С. Оганезова</i>	
Причины имплицирования информации в процессе коммуникации	187
<i>П. В. Серeda</i>	
Политический анекдот как средство реализации речевой многозначности в английском и русском языках.....	194

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Л. В. Топка</i>	
Межъязыковое и национально-культурное пространство речеповеденческой ситуации	201
<i>М. И. Кысылбаикова</i>	
Языковая репрезентация ядра и периферий концепта культура в языковом сознании носителей якутского и английского языка	211
<i>Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина</i>	
Стихотворение Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...» в русских переводах XIX – начала XX века	219
<i>И. Ю. Мишинцева</i>	
Грамматические особенности внутрифразовых переключений кодов в художественном произведении	229

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

Л. Н. Семячко

Влияние риторики на школьные программы
по русскому языку (XIX-XXI вв.)237

И. Л. Роляк

Обучение польских специалистов русскому языку делового общения
в свете новых тенденций Совета Европы245

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. А. Кучина

Тема творчества в молитвенной лирике А. С. Пушкина.....252

Сведения об авторах255

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

O. Mamurkina

Manifestation of the Author as the Source of Literary Narrative
in Russian Travelogue of the Latter Half of XVIII century..... 8

L. Duhanina

To Poetics of Tolstoy's Psychologism (Characters with the Obsessive
Personality Structure in «War and Peace»)..... 17

V. Malykh

Gumilev's Creative Work: Problems of World Outlook and Poetics 25

N. Bandurina

V. Shershenevich's «Electric» Harlequin: Motive of a Puppet Brought to Life 35

O. Naldeeva

Poetic Miniature in the Genre System
of Modern Lyrics in Republic of Mordovia..... 41

A. Karaseva

«Send me a God...»: Theme of Doubles in Brodsky and Dostoevsky 48

D. Spiridonov

Mass Literature Narrative in the Quotidian: Diegesis as Mimesis..... 54

S. Malzurova

National Picture of the World in the Novel by
Gregory Khodzher «End of the Big House» 64

A. Dudkina

Image of the Author in Late Prose of V. Hálek 71

S. Tilloeva

National Linguistic Picture of the World and its Manifestation
in the Poetical Text of Amir Hasan Dechlavi's Gazelle «Muhammad» 78

E. Kirilovskaja

Shopogolism as a Form of Woman's Consciousness in Sophie Kinsella's Novels.. 86

LINGUISTICS

N. Kozlovskaja

The Proper Noun in Philosophical Interpretation of Pavel Florensky 92

E. Bogdanova

On Some Aspects of the Investigation of Idiolect in Russian
and Foreign Linguistics..... 100

S. Buglak

Adverbs of Modal and Evidential Semantics in English 109

E. Osheva

Anthropocentrism in the Picture of the World
(on Materials of Phraseological Units) 114

E. Snetkova

Semantic Field of «Sadness» and «Sorrow» in the Text
of W. Astafiev «Kingfish» 120

J. Gorlo

The Problem of Pragmalinguistical Study of Pragmatical Meaning..... 125

A. Volkova

Indirect Motivation Terms in Statements of Different Categorical Degrees..... 134

<i>A. Sokolova</i>	
Dialect Lexicography and Human Geography	142

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

<i>I. Lapinskaja</i>	
Style Organization in a Literary Text	147
<i>O. Dubrovskaya</i>	
Cognitive and Discourse Approaches to Context as a System of Knowledge to Interpret Discourse Activity	155
<i>E. Filippova</i>	
Influence of Pragmatic Presupposition on the Choice of Address Forms in Modern English Public Discourse	162
<i>A. Samohina</i>	
Theoretical Aspects of Term Functioning in Literary Text	167
<i>I. Baklanova</i>	
Image of the Addressee of an Advertising Text from a Perspective of Gricean Maxims	177
<i>T. Oganeseva</i>	
Reasons for Presentation of the Information in an Implicit Way.....	187
<i>P. Sereda</i>	
Political Anecdote as an Implementation Means of Speech Polysemy in British, American and Russian Languages	194

INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>L. Topka</i>	
Intercultural and National-cultural Interspace of Speech-behavioral Situation.....	201
<i>M. Kysylbaikova</i>	
Language Representation of the Core and Peripheries of the Concept Culture in Language Consciousness of Yakut and English Language Speakers.....	211
<i>D. Zhatkin, T. Yashina</i>	
The Poem of Thomas Moore «Oh! Breathe not his Name...» in Russian Interpretations of the XIX and the Beginning of the XX century	219
<i>I. Mishintseva</i>	
Grammatical Peculiarities of Intraphrase Code-switching in Fiction	229

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

<i>L.N. Semyatchko</i>	
Influence of Rhetoric Ideas on the Secondary School Russian Language Programs (XIX - XXI centuries).....	237
<i>I. Rolak</i>	
Teaching Business Russian to Polish Specialists in the Light of New Tendencies of the European Council	245

REVIEWS AND ESSAYS

<i>E. Kuchina</i>	
Theme of Creativity in A.S.Pushkin's Prayer Lyrics	252
About authors	255

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

УДК 821.161.1

О. В. Мамуркина

Формы проявления авторского начала как источник художественного нарратива в путевой литературе второй половины XVIII века

В статье на материале текстов путешествий с главенствующим документальным началом анализируется специфика элементов художественного нарратива в русской литературе XVIII века. Показано, что многообразие проявлений категории автора обеспечивает отбор и организацию событий, формирующих травелог как эстетически осмысленное целое.

The paper examines the specification of author's manifestation in the fictional-documentary travelogue in Russian literature of XVII century. It is shown that these manifestations provides narrative selection and organization of the text taken as aesthetic whole.

Ключевые слова: художественно-документальная литература, жанр, нарратив, путевая литература, травелог, автор, нарратор, портрет, пейзаж.

Key words: fictional documentary literature, genre, narrative, travelogue, author, narrator, portrait, scenery.

Роль креативной повествовательной инстанции, чья нарративная интенция определяет логику организации текста, является структурообразующей как в произведениях художественной, так и в образцах документальной литературы, причем в последнем она выступает определяющей. Логика организации любого нарратива как последовательности особым образом структурированного событийного ряда, предполагает, прежде всего, отбор фрагментов бытийного континуума. На селекцию событий влияет не только субъективизм автора, но и специфика жанра как модели текстопорождения.

Литература с главенствующим документальным началом имеет неоднородную жанровую систему: мемуары, эпистолярный, травелог, автобиография, различные записки и т.д. Качественный и количественный прирост текстов указанных жанров наблюдается в русской литературе на протяжении XVIII столетия, актуализируясь во второй его половине. Особое место в системе текстов документальной литературы принадлежит путешествиям. Множественность номинаций – (путевые) заметки, записки, дневники, журналы – отражает композиционную и содержательную неоднородность нарративов. «Олитературивание» жанра путешествия, включение его в ка-

ноническую повествовательную парадигму позволяет говорить о наличии элементов художественности в текстах путевой литературы.

В рассматриваемых нами текстах путешествий можно условно выделить три тематические группы: морские путешествия; путешествия по России и Европе; путешествия по Востоку.

К первой тематической группе могут быть отнесены следующие тексты: 1. Журнал Ю. Ф. Лисянского 1783-1800 гг. [8]; 2. Записки Н. Полубояринова 1762-1765 гг. [12]

Путешествия по России и Европе (неразделенные в силу единичности маршрута, проделанного одними и теми же путешественниками) отражены в 3. Дневнике А. Г. Бобринского 1779-1786 гг. [2]; 4. Дневнике А. У. Болотникова, Н. Я. Озерецковского 1782-1783 гг. [3]; 5. «Описаниях двухлетней петербургской жизни» Р. М. Цебрикова [15]; 6. «Дневнике путешествия неустановленного лица по немецким землям» 1786 гг. (возможный автор – А. Г. Бобринский) [4].

Путешествия ориентальной тематики зафиксированы в 7. «Дневнике очевидца» Р. М. Цебрикова [14]; 8. «Объяснениях» Хрисанфа Неопатрасского [13]; 9. «Цареградских письмах» П. А. Левашова [7]; 10. «Плене и страдании россиян у турков» П. А. Левашова [6]; 11. «Странствованиях» Ф. Ефремова [5]; 12. «Нещастных приключениях» В. Бараншикова [1].

Наряду с неоднозначностью жанровых номинаций во всех анализируемых текстах наблюдается характерная для документальной литературы тенденция к отсутствию границ между различными формами текстов. Если доминирующей жанровой парадигмой является травелог, то побочными нарративными структурами, полностью или частично включенными в текст, является письмо, вставная новелла, справка, свидетельство, отзыв.

Во всех рассматриваемых текстах ключевой категорией является повествовательная инстанция автора в ее нарративной нерасчлененности. Автор осуществляет отбор событий для организации нарратива и их структурирование в соответствии с определенной матрицей, в качестве которой выступает маршрут. Внешние формы проявления авторского начала отчетливее всего реализуются именно в композиции. Прежде всего, следует отметить, что все рассматриваемые реализуют разные жанровые модели и соответственно разные композиционные и нарративные схемы.

Памятуя о том, что целевым назначением текста путешествия является фиксация непосредственных впечатлений от перемещений в пространстве с их последующим (иногда факультативным) осмыслением, отметим, что жанровая модель травелога реализуется в форме дневника (1, 2, 3, 4, 6, 7), автобиографии (12), записок (5, 10, 11), эпистолярия (8, 9).

Маршрут (актуальный, перспективный или ретроспективный) является структурообразующим элементом композиции и определяет отбор событий для организации нарратива. Как правило, путешественники фиксируют выдающееся, необычное, незнакомое. В текстах 1, 2 наблюда-

ется превалирование этнографического и натурального описания над прочими, а навигационные термины отражают специфику деятельности автора дневника.

В текстах 3 – 5 отражена специфика интенции путешественников – отправляясь в «ученое путешествие» для ознакомления с жизнью своего государства и сравнения его с европейской моделью жизни, авторы прежде всего фиксируют непосредственные впечатления от успехов промышленности, регулярности/ нерегулярности планирования городов, патриархального уклада жизни крестьян, быта малых народов, и на контрасте или продолжении – те же особенности быта европейцев.

Ориентальные путешествия по Востоку детерминированы спецификой исторической ситуации в указанном регионе – русско-турецкие войны, поиск союзников, заговоры против врагов. В связи с этим в текстах 7 – 11 ключевыми событийным узлами являются не только встречи с представителями чужеземных народов, но стратегическая оценка их оборонного потенциала, военные действия, авантюрные поступки с той и другой стороны. Авантюрный сюжет лежит в основе текста 12, сочетающего красочные этнографические описания с отражением полной драматических событий жизни автора в плену.

Формы повествования в рассматриваемых произведениях – перволичные (за исключением текста 12, а после редакторской правки – текста 1), что соответствует употреблению грамматических форм местоимений и глаголов первого лица единственного числа. Авторская фокализация, тем не менее, не является единственной формой точки зрения в рассматриваемых текстах. Если анализировать категорию автора с позиции соотношения разноплановых повествовательных инстанций, то следует констатировать, что биографическая личность автора (конкретный автор в терминах нарратологии), сумма «знаков присутствия» или абстрактный автор (В. Шмид) и нарратор представляют собой слабо дифференцированные ипостаси одной и той же категории поэтики. Прежде всего, специфика отбора материала обусловлена социальным положением и ролью создателя текста: о трудности морских переходов повествуют капитан 1 ранга Ю. Ф. Лисянский и мичман Н. Полубояринов, внешний взгляд на события осады Очакова дает переводчик Р. М. Цебриков, в ученое путешествие по России отправляются выпускник кадетского корпуса граф А. Г. Бобринский, один из его лучших соучеников А. У. Болотников и будущий естествоиспытатель Н. Я. Озерецковский, донесения о военной ситуации в Турции шлет в Петербург митрополит Хрисанф Неопатрасский и дипломат П. А. Левашов, волею судеб оказывается в плену храбрый защитник Оренбурга Ф. Ефремов, совершает головокружительное путешествие мещанин В. Баранщиков.

Автор-нарратор в текстах путешествий зачастую «делит» точку зрения с актерами: это и включение в текст нарратива сведений, полученных

от посторонних лиц, грамматическими конструкциями «говорят, что...», «слышно, что...», «слышал, что...», и цитирование, и смена ролей (перволичная наррация студента Л. В «Описаниях двухлетней петербургской жизни» Р. М. Цебрикова).

Наиболее ярко автор проявляется в многообразных формах оценки, схема которой достаточно инвариантна. Так, критическому осмыслению подвергаются нравы иноземных жителей («дикость», «варварство», «диво»), отсутствие прогрессивных тенденций в крестьянском укладе жизни, жестокость войны. Наиболее полными и законченными являются описания индусов в текстах 2, 3; бухарцев и киргизов в текстах 8, 10, 11; турков в текстах 8 – 12. Этнографический портрет нации включает в себя не только подробное изложение обычаев, нравов, верований, но и оценку восточного уклада жизни в сопоставлении с западным, понимание Востока не только как сокровищницы культуры, но как стратегического врага.

Образцом путевого дневника, соответствующего канонам современного путеводителя, является анонимный «Дневник путешествия по немецким землям». В характерном ряду описаний достопримечательностей следует отметить стремление автора в широкий историко-культурный контекст. От коллективных описаний авторы дневника переходят к индивидуальным, впрочем, портретное мастерство создателей травелога или не реализовано до конца, или не является столь выдающимся. Из всех перечисленных текстов особо показательны портретные описания женщин, приведенные в текстах 5 и 9. Любопытно, что Р. М. Цебриков стремится вписать портрет своей возлюбленной в сентименталистские каноны изображения женщины, сочетая описания с осмыслением изображаемого: «Удивительно, как бодрость и бдение могут поддерживаться приятными шутками. Мадам, скинувши лишния свои одеяния, казались в наиприятнейшем быть виде. В уборах женщина представляется нам важною и много ежели любезною, но в спальном платье более прелестною. Она в то время пленительную являла живость в разговорах своих, с отменною приятностию шутила, но так, что шутка, казалось, достигали до очаровательной резвости» [15, с. 73-74]. «Поутру, вошедши в ея покои, застал ее сидящую на постели. Белая грудь ея не была покрыта, волосы длинные распущены по плечам и нежной шее, что придавало белезне оной пленяющая тени» [15, с. 75].

В этом же тексте встречается и более показательное описание возлюбленной студента Л., сравнивающей свою ученицу с античными богинями как по внешним качествам, так и по свободному отношению к любви: «Она сидела на штофном, розоваго цвету канапе в самом восхитительном положении и велела мне подле себя сесть. Бросаемая ею на меня ярких глаз лучи взволновали мою кровь, и я как бы электрическою матерью был весь напоен. Нежная ея грудь, дыша сластолюбием, привлекла на себя мой взор. Розовая ея уста казались быть царством амуров. На играю-

ших румянцом ея щеках владычествовали грации. <...> Она была тогда Венера, готовая принять Юпитера в объятия нежные» [15, с. 85].

Описанная П. Левашовым в «Цареградских письмах» любопытная восточная красавица воплощает типичные черты женщины Востока: «Госпожа сия была вся унижена жемчугами и разными цветными камнями, в горностаевой шубе, покрытой индейскою парчею, имела глаза большие, брови черные, длинные и широкие, волосы черные же, заплетенные во множество кос, ресницы весьма густо насурмленные, ногти крашенные, собою дородна и бела и по виду казалась быть лет около сорока» [7, с. 64].

Примечательно, что женские образы в травелогах тяготеют к портретному описанию, мужские – к характеристике через поступки. В ряду прочих довольно лапидарных описаний мужчин любопытен образ светлейшего князя Потемкина-Таврического, конструируемый на основе описаний «Дневника очевидца» Р.М. Цебрикова. Храбрость, гневливость, щедрость, безрассудство, благородство – все эти качества формирует модель поведения князя, бесстрастно зафиксированную Цебриковым.

Дескриптивные элементы реализованы не только в портретных, но и в пейзажных описаниях. Сравнительный анализ фрагментов природоописаний показывает, что наиболее распространены дескрипции топонимического характера. Можно выделить и две тематические группы описаний: населенные пункты и дорожные пейзажи. Во всех без исключения текстах города/ села/ деревни оцениваются по принципу регулярности/ нерегулярности постройки, что, вероятно, соответствует господствующей в тот период классицистической идее иерархического порядка: «Строением весьма дурен, лежит по большей части на ровном месте при озере того же имени, окружен отовсюду почти довольно высокими холмами» (о Переяславле) [3, с. 281]. Концепт камня как базиса реализован в предпочтении этого строительного материала всем прочим. «Строение заводов деревянное и уже не в весьма хорошем состоянии, для чего и намеряются строить каменные» (о тульских оружейных заводах) [3, с. 287].

Подробные описания Санкт-Петербурга (текст 5), Константинополя (тексты 9, 10), Лейпцига, Очакова (тексты 6, 7) не только максимально детализированы, но и «оживлены» забавными эпизодами, имеющими иллюстративный характер. Так, в «Цареградских письмах» П.А. Левашова в подтверждение идеи двойственности Царьграда («...сколь приятен и великолепен сей город снаружи взору представляется, так внутренность оногo нимало не соответствует его внешности» [7, с. 41]) приводится вставной эпизод: «Сказывают, что некоторый англичанин, приезжавший смотреть сей город, видел его только с корабля, а на берег нарочно сошел ночью и пробыл на квартире своей одни сутки, никуда не выходя, потом, сев на корабль так же ночью, обратно в Англию уехал, сказав, что он видел все, что было достойно видеть» [7, с. 41].

Пейзажные описания помимо своей несомненной самоценности являются и источником философских обобщений, типизации и типологизации. Так, в «Дневнике очевидца» Р. М. Цебрикова пейзаж полностью соответствует сентименталистским канонам и является базой для размышлений о скоротечности жизни: «Я <...> сел на самой крутизне, свися ноги вниз по оной и разсуждал от самого человека зачатия в утробе матерней – проходя все степени его лет, его образования к нравственности, к искусствам, глубоким наукам, его разныя рода страстей, приверженностей и тленности, разныя его обращения с разными людьми и их в его душе впечатления» [14, с. 173]. Автор «Дневника путешествия по немецким землям» каждый пейзаж «примеряет» конкретному живописцу: «Городок Тьеры получил свое наименование от находящегося там на одной высоте обветшалаго пустаго замка, о коем жители уверяют, будто в нем поселился нечистый дух, который ночью бывает весьма неугомонен. <...> С обеих сторон здешних мостов показывающиеся виды заслуживают пера славного Лиля» [4, с. 431]. В дополняющих «Журнал» Ю. Ф. Лисянского «Инструкциях для различных гаваней» пейзаж имеет не только практическую значимость, но и эстетическую ценность: Бухта Роуз-Бей «с очень узким выходом в море <...> представляет собой низкий песчаный мыс, <...> который идет на запад между островом и основной частью суши. На острове много песчаных холмов и очень низких деревьев. Земля к востоку также низкая и покрыта небольшими деревьями. Земля к востоку также имеет песчаные холмы, ее можно было принять за остров Роуз-Айленд, если бы не ее расположение. <...> Берег земли к западу от Пенсакола не песчаный, на острове много деревьев, растущих группами, но эти скопления деревьев недостаточно густые и не мешают видеть воду с верхушки мачты» [9, с. 189].

Природоописания формируют особый дискретный топос, в целом характерный для анализируемых текстов, равно как и локальное «личное время», маркированное датировками, иногда дублированными (через соотнесение даты с каким-либо праздником или памятным для автора событием). Дискретность хронотопа обуславливает и специфику авторского восприятия «значимого времени», иногда перерывы между записями достигают нескольких месяцев, а подчас и лет. Способ фиксации путевых заметок также примечателен как характеристика авторского осмысления пережитого: некоторые тексты, очевидно, велись исключительно для себя, и их публикация является скорее вторичным фактором. К такому самоописанию тяготеет нарративная структура текстов 3 и 4, первый из которых, дневник графа Бобринского, на протяжении первых четырех лет велся исключительно как необходимая форма самодисциплинирования. С другой стороны, качественный прирост впечатлений по выходу из Сухопутного кадетского корпуса отражает эволюцию авторского сознания (дневник

становится сначала удобной формой фиксации путевых впечатлений, а затем – необходимым воображаемым собеседником (идеальным реципиентом), помогающим автору разобраться в своей любовной истории). Тексты 8-11 строятся как (агентурные) донесения или обращенный в удобную эпистолярную форму этнографический материал, публикация которого была скорее признанием их художественной ценности, чем практической значимости. В ряду перечисленных текстов показательна редакторская правка «Странствований» Филиппа Ефремова, в связи с вмешательством биографа А. Кондырева из яркого фрагмента биографии превратившаяся в каноническое историко-географическое бытописание.

Публикация текста – вопрос принципиально открытый, но весьма любопытный с точки зрения анализа второй части схемы повествовательных инстанций. Выше было установлено, что категории конкретного и абстрактного автора-нарратора в текстах травелогов дифференцированы слабо. Категории нарратора, абстрактного и конкретного читателя также специфичны: если за исходную точку принять написание текста для себя, то идеальным реципиентом является сам автор (за исключением текстов с посвящениями и обращениями 8 – 10), и лишь в случае явной олитературенности нарратива (произведения Р. М. Цебрикова) явно рассчитаны на широкий круг читателей. В любом случае, анализируемые травелоги сюжетно необычайно занимательны, повествуют о неизвестном, увиденном «своими очами», осмысленном, пережитом.

Таким образом, в рассматриваемых образцах путевой литературы уже во второй половине XVIII столетия обнаруживается накопление элементов художественности, с неизбежностью связанной с категорией автора. Креативная творческая интенция появляется на уровне отбора значимого, необычного, интересного, его композиционной организации, оценки, типизации на основе портретных и пейзажных дескрипций, а также определенной редакторской правки и стилистической обработки. Все перечисленное работает на расширение повествовательной емкости пока еще дискретного хронотопа и появления жанровой формы «маленького романа» (Т. В. Мальцева), реализованного как в авантюрных «Несчастных приключениях» В. Баранщикова, так и вне рассматриваемых текстов – в «Пригожей поварихе» М. Д. Чулкова [11, 12].

Список литературы

1. Баранщиков В. Несчастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 гг. // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная литература РАН; Школа-Пресс, 1995. – [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Baransikov/frametext.htm>.

2. Бобринский А. Г. Дневник. 1779-1786 // С.А. Козлов. Русский путешественник эпохи Просвещения. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. – Т. 1. – С. 356 - 447 (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

3. Болотников А. У., Озерцовский Н. Я. Дневник. 1782-1783 // С. А. Козлов. Русский путешественник эпохи Просвещения. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. – Т. 1. – С. 277 – 355 (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

4. Дневник путешествия неустановленного лица по немецким землям // С. А. Козлов. Русский путешественник эпохи Просвещения. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. – Т. 1. – С. 428 – 156 (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

5. Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова, российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда, чрез Англию в Россию, писанное им самим в Санкт-Петербурге 1784 года // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная литература РАН; Школа-Пресс, 1995. – [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Efremov/frametext1.htm>.

6. Левашов П. А. Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных им в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну и многих странных, редких и любопытных путешествий». В Санкт-Петербурге, 1790 // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная литература РАН; Школа-Пресс, 1995. – [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Lewaschow/frametext1.htm>.

7. Левашов П.А. Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии войск, о Цареграде и всех окрестностях оного, о Султанском Серале или Хареме, о обхождении Порты с послами и Посланниками иностранными, о любовных ухищрениях турков и турчанок, о нравах и образе жизни их, о Дарданеллах, проливах и проч.; о Царедворцах, о Султанах и их важных делах от самого начала монархии и поныне, с обстоятельным известием о славных Кастриотовых подвигах; о державе их; о различных народах, поработанных игу их и о их вере, языке и проч.; о Греческих патриархах и избрании их; о гражданских, духовных и воинских чинах и о многих иных любопытных предметах». Санкт-Петербург, 1789// Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная литература РАН; Школа-Пресс, 1995. – [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Lewaschow/text21.phtml?id=813>; <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Lewaschow/text22.phtml?id=814>.

8. Лисянский Ю. Ф. Журнал. 1783-1800 // Путевые записки Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна 1793-1800 гг. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2007. – С. 56 - 180.

9. Лисянский Ю. Ф. Инструкция для различных гаваней // С. А. Козлов Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793 – 1800 гг. Предыстория первого путешествия россиян вокруг. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2007. – С. 180 - 194.

10. Мальцева Т. В. «Маленький роман» в литературе XVIII века // Жанры в историко-литературном процессе: сб. научн. ст. / под ред. Т. В. Мальцевой. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – С. 7 – 12.

11. Мальцева Т. В. «Нешастные приключения Василья Баранщикова»: художественный нарратив в русской литературе второй половины XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – СПб.; Самара, 2011. – Вып. 15. – С. 248 – 258.

12. Полубояринов Н. Записки. 1762 – 1765 // С. А. Козлов Русский путешественник эпохи Просвещения. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2003 (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова). – Т. 1. – С. 26 - 277.

13. Хрисанф Неопатрасский. Объяснения // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная литература РАН; Школа-Пресс, 1995. – [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Hrisanf/frametext.htm>
14. Цебриков Р. М. Дневник очевидца // С. А. Козлов. От Лейпцига до Очакова: дневниковые записки Р. М. Цебрикова. 1785 – 1788. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. – С. 126 – 197.
15. Цебриков Р. М. Описания двухлетней петербургской жизни // С. А. Козлов. От Лейпцига до Очакова: дневниковые записки Р. М. Цебрикова. 1785 – 1788. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. – С. 62 – 125.
16. Шачкова В. А. «Путешествие как жанр художественной литературы»: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – №3. – С. 277 – 281.
17. Шмид В. Нарратология. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2008.

**К поэтике психологизма Л. Н. Толстого
(герои с обсессивной структурой личности в «Войне и мире»)**

В статье рассматривается проблема психологической типизации героев романа, «диалектика души» литературных героев, Николая Андреевича Болконского и Бориса Друбецкого, с учетом современных научных разработок в области психологии (психоаналитического понятия «структура личности»).

In the article the author examines the problem of psychological typization of the characters. *The dialectics of the soul* of the characters Nikolay Andreevitch Bolkonsky and Boris Drubetsky is thoroughly studied in the article according to modern scientific research in the field of psychology (psychoanalytical term personality structure).

Ключевые слова: психологизм, психологический анализ, диалектика души, структура личности (обсессивная структура личности), портретная характеристика, портретные черты, внутренний конфликт, контроль, психологический объект, ущемление эмоций.

Key words: psychologism, psychological analysis, dialectics of the soul, personality structure (obsessive personality structure), portrait characteristic, portrait features, internal conflict, control, psychological object, infringement of emotions.

Психологизму в творчестве Л. Н. Толстого посвящено много литературоведческих трудов, начиная с работ его современников и заканчивая исследованиями последних лет. Отмеченные еще Н. Г. Чернышевским принцип «диалектики души» и способность Толстого «смотреть на людей пронизательным взглядом» [8, с. 426] послужили отправной точкой для дальнейших изысканий критиков и литературоведов. По словам Л. Гинзбург, «психологический анализ Толстого есть вскрытие бесконечной дифференцируемой обусловленности поведения героев» [1, с. 314]. Гинзбург обращает самое пристальное внимание на то, насколько важна для Толстого детерминированность поведения и характеров героев. «Совмещение противоречивых элементов» [1, с. 319] – так характеризуется суть толстовских героев критиком. Гинзбург интуитивно понимает, что Толстой «совмещал несовместимое» отнюдь не произвольно или следуя исключительно своим авторским замыслам; в противном случае созданные Толстым характеры не поражали бы читателя исключительной степенью правдоподобия. Однако суть толстовских принципов «совмещения несовместимого» Гинзбург до конца не раскрывает, так как это невозможно сделать без методологии психологии. Впервые осуществил попытку интеграции психологии и литературоведения профессор Саратовского университета И. В. Страхов («Методика психологического анализа характеров в художественном произведении / Психологический анализ портретов-

характеров в романе Л. Н. Толстого "Война и мир"», 1977). Но Страхов обходит вопрос, из чего же складывается характер и что это вообще такое, обращая внимание на динамику характеров у Толстого и объясняя развитие героев в основном воздействием внешних обстоятельств.

Сегодня мировая психологическая наука накопила новые знания о личности человека, и уже западными литературоведами осуществляются первые попытки органического соединения литературоведческой и психологической методологий (например, книга Д. Ранкура-Лаферьера «Русская литература и психоанализ»). В своей работе Ранкур-Лаферьер использует понятие структуры личности, считая структуру личности Пьера Безухова нарцисстической («Пьер Безухов. Психобиография»).

Наиболее авторитетным исследователем личностных структур в настоящее время является Нэнси Мак-Вильямс, американский психоаналитик, доктор философии по психологии личности. Если мы обратимся к ее классификации, то обнаружим такие понятия-характеристики, как нарцисстическая структура личности, депрессивная, истерическая, обсессивная и другие структуры личности. Классификация строится на отслеживании психотравм, полученных ребенком в раннем возрасте (теория драйвов), что впоследствии формирует представление о собственном «эго» (самопрезентацию), самоощущение: например, у депрессивных — «я виноват», у нарциссов — «я лишний, недооцененный», у истериков — «я маленький и беспомощный», у обсессивных — «я должен быть правильным». Для ослабления внутренних психологических конфликтов психика создает защитные механизмы, например, защиты нарциссов — идеализация и обесценивание, истериков — вытеснение (забывание), депрессивных — интроекция (желание делать другим то, что хотели бы получить сами), обсессивных — интеллектуализация (перевод проблемы из частной в общую).

Толстой, не имея понятия о психоанализе, в его время только-только зарождающемся, тем не менее, настолько глубоко и верно разбирался в феноменологии человеческой психики, что основные изображенные им персонажи (характеры) отлично подпадают под современную психоаналитическую классификацию личностных структур. На наш взгляд, обсессивной структуре личности в романе соответствуют Николай Андреевич Болконский и Борис Друбецкой.

Как это всегда бывает у Толстого, личностная структура героя начинает проявляться уже при первом его появлении на страницах романа. Так мы узнаем, что генерал-аншеф в отставке Николай Андреевич Болконский, по прозвищу «пруссский король», безвыездно живет в деревне; в имении его «строгий порядок», и «ему никого и ничего не нужно». Старик Болконский находит «только два источника людских пороков: праздность и суеверие» и две добродетели: «деятельность и ум» [7, I, с. 108-109]. Портрет обсессивной личности уже набросан, и даже прозвище «пруссский король» отвечает сути героя. Заметим, что «добродетели» старика Болконского ни-

коим образом не принадлежат к этической категории: речь не идет не о добре, не о совести, не о морали. Обсессивные личности склонны определять нравственные принципы в терминах и системах контроля. По сути, все внутренние проблемы и конфликты решаются одним очень простым способом: держанием себя и других в строгой узде. «С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно требователен... и возбуждал к себе страх и почтительность» [7, I, с. 109], — говорит автор о Болконском. Если у обсессивной личности есть набор нравственных ценностей, интернализированный чаще всего от родителей, то индивид следует этим принципам просто потому, что «надо», одними волевыми усилиями. Чаще всего наивысшую нравственную ценность для обсессивных личностей составляют такие понятия, как «честь» и «долг». Так, для старика Болконского гораздо важнее фамильная честь и сохранение этой самой фамильной чести на военной службе, чем его сын князь Андрей и его жизнь. «— Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: — А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! — взвизгнул он» [7, I, с. 134], — читаем мы в романе. Все, что не соответствует данным понятиям, пускается в полное игнорирование и подавление. Обсессивные личности не задаются вопросами «почему честь» и «зачем долг», они сосредоточены не на абстрактных рассуждениях, а на реальном воплощении этих принципов в свою жизнь и жизнь окружающих. По сути, обсессивные личности постоянно пребывают в состоянии жесточайшего самоконтроля и экспансируют свой контроль на окружающих. Совершенно естественно для Николая Андреевича перлюстрация писем взрослой дочери и просмотр книг, которые ей присылают. «Еще два письма пропущу, а третье прочту, боюсь, много вздору пишете» [7, I, с. 110], — говорит старик Болконский Маше.

Давящая, бескомпромиссная атмосфера, которая царит на «уроках математики», которые дает отец, повергает княжну Марью в постоянный страх. Однако отец совершенно не замечает, что «страх помешает ей понять все дальнейшие толкования» и что «у княжны мутилось в глазах» [7, I, с. 109-111]. Эмоциональное состояние объекта — в какой бы степени внутренней близости этот объект ни находился — абсолютно не улавливается, а если улавливается, то не учитывается обсессивными людьми. Свои и чужие эмоции чаще всего рассматриваются только как помеха в делах. Страх княжны Марьи для старика Болконского — это не повод посочувствовать дочери и постараться держаться с ней мягче, это повод проявить гнев по поводу того, что Марья не может обуздать свой страх, и эмоции мешают ей добиться успеха в деле. «Старик выходил из себя: с грохотом отодвигал и придвигал кресло, на котором сам сидел, делал усилия над собой, чтобы не разгорячиться, и почти всякий раз горячился, бранился, и иногда швырял тетрадь» [7, I, с. 111], — вот типичная реакция в ответ на

Машино состояние, вместо попыток разобраться, что собственно происходит. Обсессивные личности вследствие своей низкой эмпатичности и эмоционально-этической глухоты чаще всего крайне плохо ориентируются в чувственной стороне любой ситуации, они предпочитают делать вид, что никаких чувств на свете вообще не существует, разрешая себе полноценно проявлять одну-единственную эмоцию — гнев (канализация гнева — саморегуляция психики, чтобы подавленные эмоции не разрушили организм на физическом уровне).

Так как основной движущий принцип обсессивных личностей — «думанье и деланье» («деятельность и ум» по словам Болконского), то и главной ценностью является то, что способствует успеху в делах и правильных мыслях, а именно порядок. «Так как главное усилие для деятельности есть порядок, то и порядок в его образе жизни был доведен до последней степени точности. Его выходы к столу совершались при одних и тех же неизменных условиях, и не только в один и тот же час, но и минуту» [7, I, с. 109], — пишет Толстой. Любовь к порядку — еще одна разрешенная «эмоция» обсессивных личностей, порядок — предмет не просто сильной внутренней потребности, а нечто вроде культа. Даже прощание с сыном, уезжающим на войну, не может нарушить распорядка дня старого князя. Порядок проявляется не только в четком расписании дня, а еще и в привычках, и в мелочах жизни, которые оказываются гораздо ценнее, чем любые объектные отношения, например, с сыном. Так, Болконский прерывает князя Андрея на полуслове криком «белый! белый!» [7, I, с. 123], что означает: Тихон подал ему не тот жилет. Такая аффектация кажется неуместной всем, кроме обсессивной личности. «Не тот жилет» делает продолжение разговора совершенно невозможным. Любовь к порядку проявлена и во внешнем облике старика Болконского: он всегда аккуратен, в белом халате, в «тщательно напудренном парике», «напудренный и выбритый». Аккуратность, как и все остальные черты характера обсессивных личностей, эспандируется: так, например, и слуга Тихон тоже обязан носить напудренный парик. Та же самая любовь к порядку помогает обсессивным личностям добиваться успехов в любого рода деятельности. В выполнении определенной работы, где депрессивными движет любовь к людям, нарциссами — честолюбие, истериками — желание произвести выгодное впечатление, обсессивными движет исключительно любовь к самой работе: делать свое дело хорошо необходимо ради самого дела. Деловитость — самая развитая черта старика Болконского (вспомним усадьбу князя и образцовое умение вести хозяйство). «Служба — превыше всего!» [7, I, с. 132], — говорит старый князь. Он уже действительно послужил Отечеству, но и в отставке «...был постоянно занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением над постройками, которые не прекращались в его имени» [7, I, с. 109], — перечисляет Толстой

дела Болконского. Когда возникает необходимость, деятельность Болконского принимает куда более обширный характер. «В 1806 году старый князь был определен одним из восьми главнокомандующих по ополчению. ... Эта вновь открывшаяся деятельность возбудила и укрепила его. Он постоянно бывал в разъездах по трем вверенным ему губерниям; был до педантизма исполнителен в своих обязанностях, строг до жестокости со своими подчиненными и сам доходил до малейших подробностей дела» [7, I, с. 401], — рассказывает автор. Эти постоянные занятия поддерживают Болконского в тонусе. «Нездоровы бывают только дураки да развратники», — считает старый князь. Сам про себя он говорит: «С утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров» [7, I, с. 122]. Постоянной занятостью князь поддерживает не только здоровье, но и жизненные силы. Он ощущает себя моложе своих лет. Одна из его устойчивых портретных черт — глаза: «оживленные, блестящие, строгие глаза» [7, I, с. 124], «блеск умных и молодых блестящих глаз» [7, I, с. 09], «быстрые глаза» [7, I, с. 133].

Одной из самых главных психологических проблем обсессивных личностей является их постоянное стремление к ущемлению эмоций. Эмоции не только не признаются, как нечто, имеющее самоценность, но и относятся к бесспорно вредным человеческим проявлениям. Ущемление собственной эмоциональности связано с тем, что эмоции мешают индивидам с обсессивной динамикой постоянно контролировать себя на предмет соответствия выбранным ими нравственным рамкам. В случае со стариком Болконским, проявленные эмоции «мешают» оставаться верным исключительно долгу и чести, а также тормозят развитие двух добродетелей («деятельности и ума»). Эмоции приравниваются к слабостям, поэтому должны быть непременно раздавлены в самом зародыше. Ущемление эмоций старого князя видно не только в его жестком обращении с княжной Марьей. В этом плане очень показательна, например, сцена проводов князя Андрея в действующую армию. Получив последнее напутствие, что главное для Болконских честь, князь Андрей просит оставить сына в имени, а не отдавать жене, в случае, если его убьют. «Они молча стояли друг против друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены в глаза сына. Что-то дрогнуло в нижней части лица старого князя. — Простились!.. ступай! — вдруг сказал он. — Ступай! — закричал он сердитым и громким голосом, отворяя дверь кабинета» [7, I, с. 134], — завершает сцену Толстой. Как только эмоция предъявила права на проявление («что-то дрогнуло в нижней части лица»), так старик Болконский немедленно подавил ее развитие, превратив выражение любви и сострадания к сыну в выражение гнева. Точно такая же подмена эмоций происходит, когда старый князь получает известие о смерти князя Андрея. «— Получил известие. В числе пленных нет, в числе убитых нет. Кутузов пишет, — крикнул он пронзительно, как будто желая прогнать княжну этим криком, — убит! ... Мерзавцы! Подле-

цы! Губить армию, губить людей! За что?» [7, I, с. 351]. Мы видим, что теперь выраженный гнев подменяет глубочайшую душевную боль.

Несмотря на все недостатки старого князя и холодную давящую тяжесть, которую будто аккумулируют вокруг себя обсессивные люди, и дочь, и сын любят и уважают отца, гордятся им. Николай Андреевич Болконский, с его высокими нравственными понятиями о чести и долге, некогда усвоенными как непререкаемый абсолют, с пронизательным умом, с умением качественно делать любые дела, может действительно вызывать уважение и сострадание.

Но что происходит, если нравственные рамки для обсессивной личности не определены? Мы уже говорили, что, в силу слабости и неразвитости собственной эмоциональности и этики, обсессивная личность способна проявляться гораздо более примитивно и низко, чем в благородном духом старом князе Болконском. Примером тому является в романе Борис Друбецкой. Друбецкой с самых первых страниц романа, будучи молодым офицером, вынужден заботиться о своем устройстве на службу и о своем материальном благополучии. Он унижительно беден, и ему нужно заводить связи. Очевидно, именно это и определяет его поведение. Обращает на себя внимание внутренняя раскованность Бориса и то, насколько хорошо он умеет держаться в любом обществе. В начале романа одна за другой идут две сцены. Борис в компании Наташи и Николая Ростовых, ничуть не смущаясь, «рассказал спокойно и шутливо, как эту куклу, Мими, он знал еще молодой девицей с неиспорченным носом...» [7, I, с. 59]. Наташа, влюбленная в Бориса, страшно смутилась этими воспоминаниями об их общем детстве и убежала со смехом. Однако «Борис не рассмеялся» [7, I, с. 59]. Далее следует сцена объяснения с Наташей в любви и первый поцелуй. Интересно, насколько разумно, без малейшего внутреннего волнения отвечал Друбецкой Наташе. «Да, влюблен, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас, еще четыре года. Тогда я буду просить вашей руки» [7, I, с. 64], — спокойно говорит Борис. Обсессивный личностный склад уже чувствуется.

В следующей сцене Друбецкой разговаривает с князем Василием, от которого во многом зависит будущее Бориса. И снова то же самое разумное, четкое, выстроенное, неэмоциональное поведение и манера себя держать. «Борис отвечал, не выказывая ни досады за резкий тон князя, ни желания вступить в разговор, но так спокойно и почтительно, что князь пристально поглядел на него» [7, I, с. 72], — отмечает Толстой. Даже князь Курагин поражен хладнокровием молодого дельца. Точно с таким же просчитанным для успеха дутым достоинством Друбецкой разговаривает и с Пьером. «Спокойный, насмешливый тон» — это устойчивая портретная черта Друбецкого. И именно этим тоном он ведет с Пьером беседу. На фоне эмоционально заряженного, совестливого Безухова Друбецкой производит довольно жалкое впечатление своим неумением увидеть в другом

человеке искреннее расположение и участие. Ему важно горделиво заявить Пьеру, что «никогда не будет просить денег», хотя за этим и пришел, чувства Пьера его никоим образом не интересуют. Оказавшись в эмоционально щекотливой ситуации с Пьером, Борис, как и все обсессивные люди, потерялся, но «сделался опять совершенно приятен, только когда сам вышел из неловкого положения, поставив в него другого» [7, I, с. 75]. Ставить в неловкое положение другого — обычная тактика обсессивных личностей, если это необходимо для достижения своих целей.

Когда про протекции князя Василия Друбецкой поступает в военную службу, становится совершенно очевидным его намерение сделать карьеру. «Борис во время похода сделал много знакомств с людьми, которые могли ему быть полезными, и через рекомендательное письмо, привезенное им от Пьера, познакомился с князем Андреем Болконским, через которого он хотел получить место в штабе главнокомандующего» [7, I, с. 267], — пишет Толстой. Николай Ростов с иронией называет Бориса «дипломатом» за его умение устраивать свои личные и служебные дела. В ответ на это Друбецкой как всегда логично размышляет: «Хорошо Ростову, которому отец присылает по десяти тысяч, рассуждать о том, как он никому не хочет кланяться и ни к кому не пойдет в лакеи; но мне, ничего не имеющему, кроме своей головы, надо делать свою карьеру и не упускать случаев, а пользоваться ими» [7, I, с. 276]. Пользовался головой и случаями Друбецкой на редкость удачно, поэтому за годы службы очень преуспел. «Борис... сумел поставить себя в самое выгодное положение на службе. Он находился адъютантом при весьма важном лице, имел весьма важное поручение в Пруссию и только что возвратился оттуда курьером. Он вполне усвоил себе ту неписанную субординацию, по которой прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала и по которой для успеха на службе нужны не усилия, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только умение общаться с теми, которые вознаграждают за службу, — и он часто удивлялся своим быстрым успехам и тому, как другие могли не понимать этого... Сближался он и искал знакомств только с людьми, которые были выше его и потому могли быть полезны. Он любил Петербург и презирал Москву. Воспоминания о доме Ростовых и о его детской любви к Наташе ему было неприятно... » [7, I, с. 590], — подытоживает Толстой.

Итак, отсутствие нравственных рамок, которые были у старика Болконского, позволяет Друбецкому легко приобретать желаемое. Эмоции усекаются по той же причине «мешания делу», но дело это не возвышенное и не благородное, оно самое обычное и эгоистичное: карьера и комфортная личная жизнь. Когда механизм карьерного роста налажен, необходимо подумать о женитьбе. Обсессивные личности редко выбирают пару по любви, они находят другие критерии отбора. Критерием отбора для Бориса стало денежное состояние предполагаемой невесты. Он остановил свой выбор на двадцатисемилетней Жюли Карагиной, некрасивой и

жеманной старой деве. Ухаживанию Бориса за Жюли Толстой посвятил несколько полных иронии страниц. Борис не просто не любил Жюли, она была ему откровенно неприятна, и он никак не решался сделать ей предложение. Наконец, компромисс был найден. «Всегда могу устроиться так, чтобы редко видеть ее. А дело начато и должно быть сделано» [7, I, с. 510], — подумал Борис и сделал предложение Жюли Карагиной.

Так Толстой описал другого обсессивного героя, с другой данностью, не способного к внутренней душевной работе, что было для самого автора неприятнее и неприемлемее всего. Борис Друбецкой и в самом деле похож на «живую машину». Им движет одно единственное желание — собственное благополучие, у него нет ни любви, ни друзей, ни глубоких привязанностей к людям, ни дела ради дела, ни духовных устремлений. Если Толстой симпатизирует старику Болконскому, то основная доминирующая нота в описании Бориса — презрительная и несколько брезгливая ирония.

Уникальность Толстого-писателя не только в том, что личностные структуры, изображаемые им, не аморфны и более чем узнаваемы, но и в том, что герои всегда поступают, думают, действуют исключительно в строгих рамках своей структуры личности, в данном случае, Николай Болконский и Борис Друбецкой — в рамках обсессивной структуры личности.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Худож. лит., 1977.
2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2000.
3. Лев Николаевич Толстой. Сборник статей о творчестве. – М.: Изд-во МГУ, 1955.
4. Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. – М: Класс, 2007.
5. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. – М., 1972.
6. Страхов И. В. Методика психологического анализа характеров в художественном произведении. Психологический анализ портретов-характеров в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». – Саратов: Полиграфист, 1977.
7. Толстой Л. Н. Война и мир. – М.: Правда, 1972.
8. Чернышевский Н. Г.. Полн. собр. соч. – М., 1947.
9. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Книга вторая. 60-е годы. – М-Л., 1931.

Творчество Н. С. Гумилева: проблемы мировоззрения и поэтики

Рассматриваются теоретико-методологические аспекты изучения творчества Гумилева. Выявляются основные принципы и категории, на которых базируется его художественная система; предпринимается опыт реконструкции мировоззренческого ядра. Тема духовной эволюции представлена в качестве центрального звена, обуславливающего единство всей системы.

Theoretico-methodological aspects of Gumilev's creative work are researched. Some fundamental principles and categories, on which his creative system is based are sorted out. The attempt is made to reconstruct the centre of his world outlook. The theme of spiritual evolution is represented as the central part of his outlook, which makes for the integrity of the system as a whole.

Ключевые слова: реконструкция, конгенность, духовная эволюция, православная традиция, тайнопись, дискурс, мировоззренческое ядро.

Key words: reconstruction, congeniality, spiritual evolution, orthodox tradition, cryptogram, discourse, world outlook's centre.

Актуальная на сегодняшний день проблема христианских корней поэзии Н. С. Гумилева до сих пор не является решенной. Высказываются суждения, утверждающие принадлежность Гумилева к тому или иному «лагерю» (от оккультизма до вполне традиционного ортодоксального христианства). В сущности, верному пониманию мировоззренческого стержня, заключенного в текстах поэта, препятствует стремление исследователей описать художественную систему Гумилева непротиворечиво, пренебрегая изучением столкновений различных дискурсов и преувеличивая значение одного из них в ущерб остальным. Между тем, очевидно, что устаревшая научная парадигма, сводившая сложность «живых» систем к определенной «концепции», не способна объяснить закономерностей существования этих систем, не разрушая их целостности.

Художественная система Гумилева сложна и неоднородна: под внешней простотой текстов скрываются глубокие религиозно-философские смыслы и порою противоречивое, но в основе своей невероятно цельное, выстраданное авторское мировоззрение, основанное на православной картине мира. Тексты Гумилева, воспринимаемые в ракурсе формально-содержательного единства, на своей периферии характеризуются полифонизмом, интертекстуальностью и мультидискурсивностью. Интерпретация, основанная на доверии к языку произведения (тому, как написан текст), ведет к бесконечному увеличению количества возможных прочтений и удаляется от формально-содержательного ядра произведения, в котором единство авторских интенций, присущих тексту как единому целому, ха-

рактируется монологизмом и содержит изначальный смысл произведения, который вкладывал в него автор в момент создания. Именно на разграничении в тексте формально-содержательных ядра и периферии основано наше исследование, в котором мы стремимся преодолеть внешнюю материю текста (представляющую собой совокупность оккультного, буддийского, романтического, символистского дискурсов) с целью приблизиться к пониманию и реконструкции смыслового ядра произведения. Общефилософский контекст нашей работы связан с герменевтическими тенденциями, моделирующими ситуацию субъект-объектного тождества – в частности, с идеей конгениального понимания В. Дильтея (см. [4, 5]), ибо только такой подход может, на наш взгляд, гарантировать сохранение исследователем адекватности восприятия при ре-конструкции смысла текста.

По поводу герменевтической проблематики в современной отечественной науке В. В. Колесов справедливо отмечает: «В наши дни возникает стремление прочитывать текст, истолковывая с л о в о. Читатель должен поставить себя на место автора, чтобы понять его идею как осуществленную вещь. Герменевтика – искусство толкования – выходит на первый план при восприятии данного текста в его заданности автором» [9, с. 35]. Отметим, что, на наш взгляд, герменевтическому осмыслению художественного произведения должен сопутствовать его анализ с точки зрения поэтики, что способствует выявлению отношений между периферией и реконструируемым центром произведения.

Константной для всего творчества Гумилева является тема духовной эволюции лирического героя. Под духовной эволюцией нами понимается отражение в художественных произведениях эволюции взглядов автора на современные ему религиозные и философские идеи, а также сокровенная жизнь творческой личности. У Гумилева мы встречаемся с особым рода преобразованием личной биографии автора в тексте, где возникает установка не на лирический дневник и не на создание отвлеченно-типического образа героя, а одухотворенная и преображенная в слове биография автора. Ставя во главу угла аспект духовности, мы неизбежно касаемся вопросов, связанных с русской духовной традицией вообще и отношением к ней Гумилева в частности. А поскольку «русская классическая традиция есть традиция христианская» [13, с. 3], то выявление связи авторского мировоззрения с христианскими основами русской культуры представляется основополагающим для верной интерпретации его текстов. Генетическая связь Гумилева с православием ослаблялась или усиливалась в разные периоды его творческого пути, испытывая на себе различные философские влияния (нищезанство, оккультизм, религиозный мистицизм и др.). Однако гумилевская установка на «цело-мудреный» традиционализм (близкий к пушкинскому «уважению к преданию») осуществляется, на наш взгляд, в русле православного типа духовности, формирующего, согласно И. А. Есаулову, «магистральный вектор развития русской культуры в целом» [6, с. 13]. От-

сутствие выпуклости религиозных тем при всей их очевидной значимости в творчестве акмеистов в целом обусловлено особой писательской скромностью и почтительностью перед Святыней (говоря словами А. Ахматовой, «чувством ответственности» [2, с. 650]).

Гумилев неоднократно испытывал состояния мировоззренческого кризиса (так, в 1907-1908 годах поэт, запутавшийся в хитросплетениях французского оккультизма, находился на грани самоубийства), поиск выхода из которого сопровождался сложными душевными переживаниями и поиском прочных духовных основ. Исповедальные и молитвенные мотивы, присущие его зрелой лирике, начиная с 1913-1914 годов, свидетельствуют о глубоком духовном преображении самого поэта. Так, в стихотворении «Я не прожил, я протомился...» (1915) лирический герой, созерцая «свет на горе Фаворе», «безумно тоскует» оттого, что «протомился / Половину жизни земной» и надеется, что жизнь «будущую» уже не сможет испортить, так как она будет в руках Господа: «Как-нибудь я жизнь дотяну, / А о будущей Ты подумай, / Я и так погубил одну» [3, I, с. 195]. Обретение подлинной свободы духа оказывается возможным только в Боге.

Мы выдвигаем пять основополагающих принципов, объясняющих феномен внешней простоты и внутренней противоречивости гумилевских произведений. Это принцип целостности авторского мировоззрения и поэтики, диктующий необходимость комплексного восприятия художественной системы поэта¹; принцип противоречивости поэтического мира Гумилева, реализующийся на периферии его текстов и обуславливающий их полифоническое звучание; принцип следования христианской традиции, организующий формально-содержательное ядро творчества Гумилева и само мировоззрение автора; принцип преодоления материала, заключающийся в установке поэта на переосмысление «чужого слова» и моделировании ситуации конгениального диалога с традициями (романтической, символистской, оккультной, буддийской и т. д.); принцип движения по спирали, раскрывающий особенности восприятия Гумилевым основополагающего для его творчества концепта пути.

Отметим, что изучение принципа преодоления материала способствует интерпретации таких важных категорий, как масочность (игровое преодоление статичности образа героя), дискурс (преодоление «чужого

¹ Именно принцип целостности обуславливает образное, тематическое и стилистическое единство художественного мира Гумилева. Его проза и драматургия являются органическим продолжением и развитием лирики. Стилистическое единство свойственно даже личной переписке поэта, которая характеризуется стройным и выверенным слогом. Отметим, что и теоретические работы Гумилева невозможно рассматривать вне связи с его творчеством, поскольку в них оказывается задействована схожая тематика и особое внимание уделяется тем авторам-современникам, с которыми Гумилев стремился установить творческий и духовный диалог.

слова)), тайнопись (преодоление «профанности» восприятия, установка на глубинное, конгениальное понимание текста), ирония (преодоление одноплановости восприятия произведения) и житнетворчество (преодоление «материала» собственной жизни). Так, например, в тех случаях, когда формально-содержательная периферия произведений намеренно уводит от скрытого содержания (мировоззренческого ядра), мы имеем дело с особым приемом, который Ахматова называла «тайнописью» Гумилева [2, с. 288].

Ярким примером может служить стихотворение «Заблудившийся трамвай», в котором элементы биографии, аллюзии на прошлое и современность, реминисценции из произведений других авторов, отсылки к Библии переплетены настолько сильно, что смысл произведения затемняется, однако итоговое обращение к Исакию – «верной твердыне православия» – позволяет воспринимать текст в аспекте целостности как путь лирического героя к храму. В этом отношении важна гумилевская установка на «понимающего» читателя, «читателя-друга», который «переживает творческий миг во всей его сложности и остроте» [3, III, с. 24].

Преодоление материала подразумевает и освоение «чужого слова», его цитирование в новом контексте. В этой связи возникает необходимость осмысления понятия дискурса в творчестве Гумилева. Дискурсы являются теми цитатами общекультурного материала, которые «преодолеваются» уже непосредственно самой структурой текста, стремлением смысла произведения к самоорганизации. Чаще всего дискурсы у Гумилева выполняют стилистическую функцию и относятся к области структурно-семантической периферии его текстов, а потому, на наш взгляд, не следует преувеличивать семантическую составляющую того или иного дискурса, что часто наблюдается в работах современных исследователей творчества Гумилева. Так, в часто цитируемом стихотворении «Прапамять» [3, I, с. 220] из сб. «Костер» (1918), в котором можно увидеть отражение действительного интереса Гумилева к буддизму с его идеей сансары, тонкая ирония направлена, с одной стороны, на реальную жизнь, которая воспринимается как сон героя, а с другой – на самого героя, который помнит и свои прежние перевоплощения, и свое будто бы подлинное существование в образе «простого индийца», задремавшего «в священный вечер у ручья».

Эпитет «простой» вносит иронические ноты, поскольку под индийцем здесь подразумевается, очевидно, Будда Гаутама, увидевший во сне у реки свои прошлые перевоплощения. Однако «память» об этих инкарнациях принадлежит совершенно иному субъекту, о котором в стихотворении не говорится и с высоты которого, собственно, и исходит ирония. В результате сном (майей) оказывается память и о перевоплощениях, и о «простом индийце», а подлинная личность героя потеряна и неопределима в пространстве и времени. В «Прапамяти» источником иронии является, по всей видимости, сам автор, растворенный в тексте и иронизирующий по поводу

буддийской идеи вечного перерождения – то есть ирония присуща тексту как единому целому.

Справедливость нашей гипотезы подкрепляется словами самого Гумилева из манифеста «Наследие символизма и акмеизм», где, рассуждая о «непознаваемом», Гумилев недоумевает по поводу самой идеи прапамяти, настаивая, что обращение к подобным темам может осуществляться лишь в качестве литературного приема: «Как можем мы вспоминать наши прежние существования (если это не явно литературный прием), когда мы были в бездне, где мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют? Ведь каждая из них отрицается нашим бытием и, в свою очередь, отрицает его» [3, III, с. 19]. Таким образом, сам автор расценивает темы, заявленные в стихотворении «Прапамять», как абсурдные и имеющие право на существование исключительно на уровне литературного приема.

В поздней «Поэме Начала» множество противоречащих друг другу дискурсов (ницшеанский, оккультный, бергсонский и др.) преодолеваются общей энтелехией текста – идеей Божественного Слова, Духа, починающего себе материю, то есть христианское мировоззрение автора является тем идейным стержнем, который обуславливает семантическое единство текста.

Принцип движения по спирали репрезентирует общий характер поэтики Гумилева, который заключается в установке на выражение идеи пути-странствия лирического героя. Именно на ней основана тема духовной эволюции, главная в гумилевском творчестве. В авторской мифологии Гумилева составляющими компонентами семантического поля «путь» являются три доминантные идеи: линейное движение, цикл и восхождение, реализующиеся в категориях времени и пространства. Эти идеи тесно взаимосвязаны, поскольку странствие лирического героя Гумилева протекает в двух плоскостях одновременно: и в плоскости линейного движения к некоей цели (грядущее преображение мира, эсхатологическое будущее или же некий топос, имеющий сакральное значение), и в плоскости циклического возвращения к истокам бытия (дохристианскому миру, Древнему Востоку, первобытнообщинному строю). При этом важна и духовная вертикаль путешествия – познание Истины бытия. Характерно, что даже свой творческий путь Гумилев выстраивал схожим образом, так как намеренное возвращение позднего поэта к своим ранним темам и литературным предпочтениям (А. С. Пушкину, Ш. Бодлеру, В. Я. Брюсову, Т. Готье, английским поэтам-лейкистам Вордсворту, Кольриджу и т. д.) осуществляется с

принципиально иных позиций: большее внимание уделяется уже не форме стиха, а глубинным философским смыслам¹.

Лирический герой Гумилева совершает одновременно два путешествия – географическое, горизонтальное, и духовное, вертикальное. Как справедливо отмечает В. Крейд, «глубинное человеческое «я» он [Гумилев. – В.М.] мыслил в космическом ключе. Работа духа состоит в том, чтобы личность воссоединилась с ее вселенским истоком. Это дело религии, но может помочь и поэзия, если поэт сознает, что его задача лежит в сферах духовных» [10: 6]. Идея пути как духовного восхождения, очевидно, присутствовала у Гумилева с самого начала, однако своеобразное конгениальное «подтверждение» и корректировку этой идеи в русле христианской аксиологии поэт почерпнул в книге преподобного Иоанна Синайского «Лествица, возводящая на небо» [12]. В частности, о знакомстве Гумилева с этой книгой говорит В. К. Шилейко в своих воспоминаниях, записанных П. Н. Лукницким [15, с. 97].

Идея пути как духовного восхождения объединяет идеи линейного движения и цикла, снимает противоречия между ними: это возвращение к прежнему кругу своего развития, но на качественно новом этапе, витке духовной эволюции. Иными словами, для общего обозначения гумилевской концепции пути-развития применим принцип движения по спирали, имеющей вертикальную ориентацию: это круговое восхождение духа, преобразующего не только свое настоящее в свете открывшейся ему Истины, но и свое прошлое. Поэтому христианские коннотации, присущие семантике пути, оказываются для Гумилева важнее ницшеанско-буддийских, хотя и их значение в качестве идейных обертонов нельзя полностью редуцировать.

Иными словами, герой Гумилева совершает географическое путешествие в поисках Истины и своего предназначения в пространстве вечности, айона. Это предназначение должно открыться ему в одном из странствий и придать жизни высший, религиозный смысл. В этом отношении весьма показательна неоконченная повесть Гумилева «Веселые братья», в которой герой, внешне передвигаясь в пространстве, в то же время совершает ду-

¹ Мы склонны полагать, что А. Ахматова, говоря о «единстве пути» Гумилева-поэта [1, с. 7], подразумевала то ощущение, которое складывается при целостном восприятии его художественной системы: в ней нет слишком резких скачков, то, что имманентно присутствовало в самых ранних стихах Гумилева, постепенно, претерпевая мощную эволюцию, вырастает в оформленный свод убеждений. Образы и мотивы, словно механически вставленные в ранние тексты, позже обретают субстанциональную значимость и органичность. Так, уже в первом опубликованном тексте Гумилева «Я в лес бежал из городов...» (1902) [3, I, с. 326] в зачаточном состоянии присутствуют основные принципы его творчества, в том числе и принцип следования традиции, проявляющийся в четкой ориентации на позднего Пушкина с его мотивом духовного «побега».

ховное странствие, проходя через сюрреалистическое воплощение философских проблем современности (ницшеанство, масонство, христианские ереси, кризис православного сознания, идея Третьего Завета и т.д.).

На основании отмеченных нами особенностей мировоззрения и поэтики Гумилева можно сформулировать следующие исследовательские предпосылки для изучения его творчества.

1. В произведениях Гумилева необходимо четко дифференцировать формально-содержательные центр и периферию, различать дискурсы и тот самопорождающийся смысл, который вырастает из их столкновения.

2. Мировоззрение и творчество поэта неотделимы от православных основ русской ментальности. Гумилев сознательно следует духовной традиции русской литературы, двигаясь по магистральному вектору отечественной словесности.

3. Необходимо учитывать то, что Гумилев – поэт экзистенциальных противоречий, причем эти противоречия соответствуют авторским интенциям, состоящим в стремлении представить текст как полифоническое образование и жизнеспособный организм, обладающий свойством самоорганизации. Противоречия, появляющиеся на формально-содержательной периферии текстов, призваны поставить читателя в состояние экзистенциального кризиса, когда обостряется стремление к поиску подлинного Смысла (ценности) жизни и Высшей цельности мироздания. Поиск «цело-мудренного» смысла ведет к более глубокому прочтению текста и раскрытию его мировоззренческого ядра, основанного на православной картине мира.

4. Следует учитывать метафизический смысл идеи пути в творчестве Гумилева: путь у него имеет характер движения по спирали, отражает рефлексирование автора по поводу своей духовной эволюции и общий вектор поиска своего айонического Предназначения.

Практическое применение этих теоретических предпосылок направлено на выявление философских основ творчества Гумилева. В целом логика его духовной эволюции состоит в постепенном переходе от тем индивидуально-личностных к темам общечеловеческим. Эпоха увлечения оккультизмом в этом контексте представляет собой вполне закономерный эзотерический период, через который поэту необходимо было пройти, чтобы, в конечном счете, духовно перерасти и преодолеть (ср. с гумилевским принципом преодоления материала) это раннее увлечение.

Духовная эволюция Гумилева связана с интересом поэта к философским и околофилософским учениям, оказавшим наибольшее влияние на формирование его мировоззрения (ницшеанство, оккультизм, религиозная философия и мистика). Художественная реализация этих учений у позднего Гумилева чаще всего осуществляется на «периферии» художественных произведений, где они выполняют стилеобразующие функции.

Опыт реконструкции православного мировоззрения Гумилева (формально-содержательного «ядра» его художественной системы) позволяет выявить особенности преломления в его творчестве доминант православной картины мира. С одной стороны, данный опыт помогает увидеть генетическую связь поэта с христианскими корнями. С другой стороны, он способствует ответу на вопрос о том, какое преломление получило православие в индивидуальном восприятии Гумилева, жившего и творившего в эпоху Серебряного века, когда православные россияне проходили через множество «богословских прелестей» (по выражению Г. Флоровского). Основываясь на концепции И. А. Есаулова о «трансисторических скрепах» [7], а также обращаясь к работам Г. В. Мосалевой [14] и В. В. Лепяхина [11], мы выделяем пять категорий, посредством которых репрезентируется у Гумилева православное мировоззрение: соборность, пасхальность, иконичность, храмостроительство, христоцентризм.

Категория христоцентризма является, при этом, наиболее важной для Гумилева. С особенностями восприятия поэтом этой категории связана и его концепция творчества, поэта и поэзии в мире. Образ Христа достаточно часто появляется в творчестве Гумилева как раннего, так и позднего периодов. При этом можно фиксировать наличие константной для Гумилева идеи Нисходящего Бога. Христос для поэта – это, прежде всего, воплотившееся Слово. С таким пониманием христоцентризма связана особая философия Слова Н. Гумилева (в первую очередь – Слова поэтического). Гумилевскую философию Слова можно реконструировать следующим образом. По мнению создателя акмеизма, необходимо сохранять непрестанную связь между небесным и земным, гармонию и равновесие, что возможно с помощью религии и поэзии как институтов духовного совершенствования человека. Цель поэзии – «облагораживание людской породы» (пользуясь словами самого Гумилева [3, III, с. 24]) – осуществляется только при наличии постоянного Идеала – Иисуса Христа. Получается, что отношения поэзии и религии имеют характер герменевтического круга: религия обеспечивает духовный стержень поэзии, а поэзия субстанционально обогащает и оживляет религию. Учитывая то, что поэт, возложивший на себя «вериги трудных форм», должен творить «только во славу своего бога, которого он обязан иметь. Иначе он будет простым гимнастом» [3, III, с. 8], мы беремся утверждать, что таким «богом» для Гумилева был Бог-Слово «Иоаннова христианства» – православия.

В историософских взглядах поэта можно проследить определенную темпоральную линию развития мира, центральной точкой на которой является пришествие Христа. После пришествия человек может обожиться через поэтическое Слово, ведомый поэтами, которые в образе пророков и друидов подготавливали Пришествие и в качестве современных поэтов осуществляют миссию, параллельно осуществляемую религией: человек должен стать Богом. Конечная цель религии и поэзии, по Гумилеву, едина.

Отсюда – «поэтократическая» утопия Гумилева: власть в государстве, по его мнению, должна принадлежать поэтам.

Из этой концепции вытекают два существенных следствия. Первое из них – идеология принятия мира. Пока сохраняется связь Бога и мира в Слове, каждое явление приобретает экзистенциальную ценность, быт превращается в Бытие. Второе следствие связано с особенностью построения конфликта в произведениях Гумилева, которая заключается в «бескатарсисности трагического» [8, с. 210 – 211]. Сущность этого явления заключается в том, что финал многих его произведений (и не только драматических) оказывается открытым, решительную победу нельзя присвоить ни положительным, ни отрицательным персонажам. Дело в том, что в восприятии позднего Гумилева границы жизни и искусства оказываются взаимопроницаемыми.

В историософских взглядах поэта оформляется основанная на христианской эсхатологии модель, которую можно реконструировать следующим образом: в конце времен, когда «прольется неба страшный свет» [3, I, с. 289], исчезнут границы между искусством, религией и жизнью, и житнетворчество поэта обретет окончательный религиозный смысл, наступит время «последней свободы» [3, I, с. 221] поэта; тогда же разрешатся и все старинные распри и неразрешенные конфликты как в жизни, так и в искусстве.

Концептуальное и образное единство творчества Гумилева как сложной открытой системы на уровне поэтики обуславливает мифологема Огонь, которая и гарантирует эйдологическое единство его художественного мира, устанавливая связи между ведущими гумилевскими темами (а именно: темой путешествия, религиозной темой, поэтической темой и темой любви), их религиозно-философскими подтекстами и христианским ядром мировоззрения поэта.

Таким образом, духовная эволюция Гумилева во многом соотносится с эволюцией его лирического героя. На протяжении всего пути поэта в литературе менялся не только уровень его художественного мастерства и стиль произведений, но и набор средств для воплощения его идей; трансформировался сам «образ автора» и облик лирического героя. Между тем, набор основополагающих принципов и индивидуально-авторское наполнение константной мифологемы Огонь обеспечивают связь и духовную целостность позднего и раннего творчества поэта. При этом поздние произведения Гумилева (такие, как «Память», «Заблудившийся трамвай», «У цыган», «Звездный ужас», «Поэма Начала» и др.), являющиеся вершинами отечественной и мировой литературы, заставляют совершенно по-новому оценить раннее творчество Гумилева: оно воспринимается уже не как ученические эксперименты медленно развивающегося автора, но как начало грандиозного духовного пути, глубоко отрефлексированного самим Гумилевым.

В основе художественной системы Гумилева лежит идея непрерывного духовного развития, понимаемая в христианском ключе. Она нашла отражение в фундаментальной гумилевской теме, объединяющей все остальные, – теме духовной эволюции, которая обуславливает особенности функционирования и развития всей системы как сложного синергетического единства.

Список литературы

1. Ахматова А. Автобиографическая проза // Литературное обозрение. – 1989. – № 5. – С. 3 – 17.
2. Ахматова А. Записные книжки. – М. – Torino: Giulio Einaudi editore, 1996.
3. Гумилев Н. Сочинения: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1991.
4. Дильтей В. Воображение поэта // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 124 – 136.
5. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 129 – 143.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995.
7. Есаулов И. А. Художественное творчество и православная традиция // Духовная традиция в русской литературе: сборник научных статей. – Ижевск, 2009. – С. 10 - 27.
8. Каманина Е. В. Драматургия Н. С. Гумилева в критике и литературоведении // Творчество А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева в контексте русской поэзии XX века: Мат-лы Межд. науч. конф. 21-23 мая 2004 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – С. 203 – 214.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
10. Крейд В. Работник Русского ренессанса // Образ Гумилева в советской и эмигрантской поэзии. – М.: Молодая гвардия, 2004. – С. 5 – 26.
11. Лепяхин В. В. Икона и образ, иконичность и словесность. – М.: Паломник, 2007.
12. Лествичник Иоанн, преподобный. Лествица, возводящая на небо. – М.: Артос-Медиа, 2009.
13. Мосалёва Г. В. Русская духовная традиция: ее генеалогия и развитие // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – С. 3 - 20.
14. Мосалёва Г. В. «Храмостроительство» русской словесности: старчество и икона // Духовная традиция в русской литературе: сборник научных статей. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – С. 74 – 95.
15. Шилейко В. К. Воспоминания о Гумилеве. (В записи П. Н. Лукницкого) // Гумилев Н., Ахматова А.: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. – СПб.: Наука, 2005. – С. 91 – 101.

«Электрический» Арлекин В. Шершеневича: мотив ожившей куклы

В статье исследуется влияние жанра итальянской комедии дель арте на русскую литературу первой трети XX века, в частности, на творчество имажинистов. Из традиционных персонажей итальянской комедии – Пьеро, Арлекин, Коломбина – именно Арлекин является продолжателем традиций балаганных спектаклей. На примере комедии В. Шершеневича «Похождения электрического Арлекина» рассматривается образ Арлекина в русле мотива ожившей куклы.

The article considers the influence of Italian commedia dell'arte on the Russian literature of the first third of the XXth century and imagists' works, in particular. Among the traditional characters of the Italian comedy such as Pierrot, Harlequin, Columbine, it is Harlequin that inherits the traditions of buffoon shows. The image of Harlequin appearing in V. Shershenevich's "Electric Harlequin Adventures" is viewed as a motif of a puppet brought to life.

Ключевые слова: русская литература XX века, имажинизм, комедия дель арте, балаган, мотив ожившей куклы, механические куклы.

Key words: Russian literature of the XXth century, imagism, commedia dell'arte, buffoon show, motif of a puppet brought to life, mechanical puppets.

Одной из ярких особенностей русской литературы начала XX века является возникновение различных форм народного театра, театрализованных агитшествий, балаганных элементов. Русская литература находится в тесной связи с революционными празднествами конца 1910-х – 1920-х годов, в которых реализуется «эстетика выворачивания мира наизнанку, “низ” становится “верхом”, а “верх” – “низом”» [1, с. 26]. Народная культура, которая считалась «низом», вынесенная революционной волной и идейно-эстетическими исканиями русской литературы на «верх» творимого нового социального, бытового и художественного мира, неожиданно получает иную жизнь. Разгадка тяготения литературного творчества и революции к низовой культуре кроется в устойчивости феномена народного праздника, составляющего эмоциональную основу как народной низовой культуры, так и революционных митингов и представлений. Авангардисты возвели примитивную эстетику народного театра в ранг подлинного художественного творчества. Балаган стал эмоциональной и художественной доминантой многих произведений авангардистов.

Балаган в русской литературе начала XX века – явление весьма сложное, многогранное. Балаган представляет собой и совокупность конкретных мотивов и тем, а также обращение к определенным стилям. Это явление включает в себе многослойную историческую память, объединяющую самые различные театральные традиции, сложившиеся не только

в России, но в большей степени в западноевропейских странах. В частности, *commedia dell'arte* в Италии XVI – XVII веков оказала значительное влияние на становление балагана.

Следует подчеркнуть, что в возрождении балаганных образов в русской литературе и драматургии нашел отражение культ примитивизма как всеобщая тенденция авангардного искусства. Тематика и поэтика балаганных представлений проникали в профессиональное искусство и становились частью национального достояния как культуры, так и литературы (картины С. Ю. Судейкина и А. Н. Бенуа, постановки В. Мейерхольда, «Балаганчик» А. Блока, комедии В. Шершеневича и др.). В то же время балаган в литературе и театре XX столетия заключал в себе свой особый смысл и имел идеологический пафос, существенно отличающий его от собственно народного театра, созданного на основе специфического карнавального мировосприятия и свойственной ему смеховой культуры [1, с. 41]. Произведения, касающиеся темы балагана (А. Белого «Маленький балаган на маленькой планете “Земля”», А. Блока «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка», Ф. Сологуба «Ванька Ключник и паж Жеан», «Ночные пляски», А. Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также прение Живота со смертью» и др.), недвусмысленно свидетельствуют о бесспорной обширности смыслового пространства балагана в русской литературе. Нередко под словом «балаган» подразумевали не только специфическую форму русского народного театра, существовавшего в России с XVIII века, но и самые различные театральные традиции Западной Европы: в первую очередь, это касалось итальянской комедии масок (*commedia dell'arte*) и ее литературных вариантов. В творческом сознании художественной интеллигенции начала века при восприятии балагана как некой художественной модели происходило соединение западноевропейской театральной традиции с памятью о стихии народного национального театра. Поэтому балаган в литературе и театре начала XX века оказывается довольно сложным явлением, требующим выяснения исторически сложившихся отдельных его компонентов. Необходимо отметить, что *commedia dell'arte* оказала наиболее сильное влияние на становление собственно русского балагана.

Как известно, *commedia dell'arte*, возникшая в Италии в середине XVI века, является уникальной театральной формой, оказавшей огромное влияние на дальнейшие творческие искания европейского театра в течение нескольких столетий [2, с. 27]. К. Миклашевский отмечает: «...наиболее характерный признак, определяющий понятие “*commedia dell'arte*”, – это коллективное творчество актеров, распространяющееся также на выработку самого текста представления, и отсутствие определенного автора пьесы» [3, с. 113]. Специфической чертой *commedia dell'arte*, обеспечившей этому театральному жанру всемирную известность, являются ее почти неизменные комические типы: два старика (Панталон и Доктор), Цани, ко-

мические слуги (например, Бригелла и Арлекин), Капитан, первый и второй любовник, первая и вторая дама и служанка. Действующие лица представляли собой почти без исключения маски, то есть неизменные образы, участвующие в каждом представлении. Маски *commedia dell'arte* – совсем не то, что маски античного театра. В античном театре маска закрывала лицо актера. В Италии маска имеет похожее значение, то есть представляет собою изображение человеческого лица. Но не все актеры *commedia dell'arte* играют в масках. Женщины и любовники почти все без исключения играют без масок. Обычно в маске выступают комические персонажи. Однако основной смысл понятия маски иной. Маска – это образ актера, который он принимает раз и навсегда и в котором он воплощает свою артистическую индивидуальность. По словам А. К. Дживилегова, «маски *commedia dell'arte* — все комические, трагических масок не существует» [2, с. 99]. Такие специфические черты, как игра в масках, импровизация, упрощенно-наивный или фантастический сюжет, явная ориентация на зрелищность были созвучны творческим установкам авангардного искусства. Распространяясь по всей Западной Европе, итальянская *commedia dell'arte* претерпевает весьма серьезные изменения при адаптации к иной культурной среде. Примером может служить преобразование облика Арлекина во Франции XVII века. Итальянский Арлекин XVI и XVII веков только костюмом отличался от Цани вообще, и в Италии никогда не был более популярен, чем другие Цани. Кроме того, итальянский Арлекин – всегда второй Цани, то есть неповоротливый, наивный и грубоватый простак.

Для русского авангарда маска значима не только как маркер литературной позиции человека, но и как атрибут, формирующий в значительной степени все его творчество. Литературно-бытовая маска переходила на страницы художественных произведений, определяла амплуа лирического героя: В. Маяковский – «кофта фата» («Кофта фата», 1913), «агитатор горлан-главарь» («Во весь голос», 1929-1930); В. Шершеневич – Арлекин; Д. Хармс – чудаки, шут. Так сформировалась галерея масок авангарда. Благодаря выбранной маске и соответствующей ей манере поведения авангардисты могли противопоставить себя традиционным общественным и эстетическим нормам. Следует подчеркнуть, что в основе балагана, создававшегося русскими писателями, художниками, театральными деятелями, лежит также живая память о реально существовавших в их детстве народных гуляньях и игрищах. Среди балаганных представлений арлекинады иноземного происхождения играли очень важную роль. «С сороковых годов XVIII века во время традиционных народных гуляний в крупных городах появляются итальянские труппы, познакомившие русских зрителей с *commedia dell'arte*. С этой поры персонажи итальянской комедии масок – Пьеро, Коломбина, Арлекин – надолго будут связаны с русскими балаганами, где арлекинады как самостоятельный жанр займут одно из первых мест в репертуаре, а комики-зазывалы станут в разной степени смешением

итальянского паяца и русского масленичного или святочного деда» [4, с. 162]. Помимо иностранных влияний, можно отметить также факторы, оказавшие воздействие на эстетику балаганных представлений, как «...интермедии, разыгрываемые в школьном театре, русский цирк, лубочные картинки, комические пьесы демократических низов – “игрища”, где господствовала народная сатира» [4, с. 164]. А программы балагана обычно строились на интересе публики к экзотике, чудесам, редкостям, то есть ко всякого рода «зрелищам», и пользовались большой популярностью. К концу 1830-х годов, наряду с итало-французскими пантомимами, на гуляньях стали показывать и русские пантомимы. Среди самых любимых пантомим на русские сюжеты называли «Атамана волжских разбойников Стеньку Разина», «Рекрутский набор» и «Золотой сон» [4, с. 184]. Ко второй половине XIX века арлекинады и феерии также видоизменяются, приобретают другой оттенок. А в конце XIX века гулянья на балаганах переносились все дальше от центра и, подвергаемые цензурному контролю, оттесняемые с давно освоенных мест, со временем сокращались и в начале XX века прекратили свое существование. Безусловно, этому способствовали не только внешние, но и внутренние причины, в частности, изменение вкуса самих потребителей ярмарочной культуры, у которых возрастали духовные и эстетические потребности. Праздники на балаганах, навсегда оставшиеся ярчайшим театральным действием, постепенно исчезали из повседневной русской жизни. *Commedia dell'arte* обрела в XX веке в России новую жизнь. Однако имажинистов в большей степени привлекают не столько итальянские варианты комедии, сколько их русские преемники. Для имажинистов значимы не западноевропейские истоки народного театра, но первые шаги западного театра и карнавала на русской почве. Западноевропейские культурные формы приобретают русский характер.

Маски авангардистов – вариант перевоплощения балаганных или карнавальных персонажей. А. Дживелегов писал о *commedia dell'arte*: «Маска – это образ актера, который он принимает раз навсегда и в котором он воплощает свою артистическую индивидуальность. Это ключ, в котором актер ведет мелодию своей роли» [2, с. 100]. У авангардистов, подобно актерам итальянской комедии и русского балаганного представления, были свои устоявшиеся маски, переименованные на русский лад 20-х годов XX века. Так, имажинисты смешивали традиции масок: нарочито грубые в поведении, подчеркивающие свою деклассированность и прагматичность (например, автограф на книге, данный В. Шершеневичем одной из своих поклонниц: «87 рублей получил сполна Вадим Шершеневич» [5, с. 244]), они любили обставлять свою жизнь предметами роскоши, эпатировали бедную московскую публику щегольскими нарядами. В. Шершеневич представлял блестящего денди, щеголя, А. Мариенгоф был известен своим безукоризненным пробором, маскарадность С. Есенина имела две формы –

простонародную и франтовскую. Так, при постановке обзора В. Масса «Хорошее отношение к лошадям» С. Эйзенштейном имажинисты пародировались именно через костюм, «состоявший из двух половин: крестьянская косоворотка в горошек, пестрядинные шаровары, онучи и лапоть – с одной стороны, и стилизованный фрак, лакированный ботинок – с другой» [6, с. 59]. По словам Н. Солнцевой, «всех их объединяет общая маска “великолепных”, ощущавших себя на волне новой жизни и нового искусства, – маска великолепно молодых, великолепно свободных, великолепно талантливых [5, с. 236]. Доказательством этого ощущения «великолепности» может служить пристрастие В. Шершеневича к этому слову: «Вечный жид. Трагедия *великолепного* отчаяния» (1915 – 1916), «*Великолепная* ошибка» (1923), «*Великолепный* очевидец» (1934 – 1936) и др.

Имажинисты в литературном быту исполняют роль Арлекина, шута, паяца. В костюме Арлекина часто облачен лирический герой имажинистов. Состояние радостной праздничности в разной степени сопровождало имажинизм на протяжении всего его существования. Внешне имажинизм, в противовес футуризму, претендовал на абсолютную радость в искусстве. Однако обратим внимание на идею смеха и радости вопреки страданиям. Так, В. Шершеневич признает за радостью наличие скрытого смысла и значения – не просто смех, а внутреннее веселье. Под этим внутренним весельем можно понимать радость освобождения. В связи с этим, снимающий все привычные нормы поведения и морали смех одновременно с радостью необузданной свободы трагичен, поскольку освобождение в смехе происходит неполное – только на время праздника. В связи с этим, можно говорить «о псевдогедонизме имажинистов: как о радости, так и о трагичности смеха, как о его внутренней полноте, так и о быстротечности и, следовательно, неполноте временной» [6, с. 170].

Имажинисты восприняли балаганное веселье как скрытую трагедию. Образ Арлекина, клоуна, шута, гаера – лицо имажинистской поэзии. Так, Арлекин В. Г. Шершеневича соответствует имажинистской установке – комический герой, скрывающий под маской трагическое мироощущение. Фантастический сюжет ожившей куклы в «Похождениях электрического Арлекина» за комедией с переодеваниями представляет катастрофическое сознание гражданина, поэта, влюбленного. В начале комедии он сохраняет некоторые свойства кукольного персонажа. Например, на предложение поэта Тедди подписать договор кровью Арлекин отвечает: «У меня вместо крови морс» [7, с. 14]. Однако такая ненастоящая кровь балаганных паяцев имеет ту же силу, что и человеческая; договор вступает в силу, и в конце «Похождений» Арлекин окончательно занимает в жизни место Тедди, а тот, в свою очередь, становится игрушкой на полке. Развлекательная функция фантастического смещения плоскостей художественной реальности отходит на второй план, уступая место изображению трагической картины мироздания. Арлекин имажинистов является продолжателем разных

балаганых персонажей: от Петрушки, балагура, паяца до мима. Арлекин В. Шершеневича – воплощение всего трагического, он первый народный комический герой, живущий уже несколько веков и одновременно балаганная кукла. Арлекин в творчестве В. Шершеневича не просто реставрация народного героя, но персонаж, отображающий эпоху.

А. Дживелегов утверждает, что «в *commedia dell'arte* нет трагической маски, при том что сценарий может быть и драматическим, и трагическим. Тогда трагическое действо все равно изображают буффонные маски и маски с лирическим оттенком» [2, с. 28]. Имажинизм надевает на себя комическую, буффонную маску Арлекина и играет трагедию эпохи и человеческой души.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1991.
2. Дживелегов А. К. Итальянская народная комедия. – М., 1962.
3. Чжиен Ан. Стилизация в русской драматургии начала XX века: заметки о неопубликованных пьесах К. М. Миклашевского // Русская литература. – 2000. – № 4. – С. 113 – 120.
4. Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. – Л., 1988.
5. Солнцева Н. Л. Китежский павлин. Филологическая проза: документы, факты, версии. – М., 1992.
6. Сарафанова Н. В. Традиции русского народного театра в литературе авангарда 1910-х – 1930-х годов: кубофутуризм, имажинизм, обэриу: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
7. Шершеневич В. Г. Похождения электрического Арлекина // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 31. – С. 5 – 44.

Стихотворная миниатюра в жанровой системе современной лирики Республики Мордовия

В статье обобщен историко-литературный материал, позволяющий проследить движение литературоведческой мысли относительно жанра лирической миниатюры. Обозначены его основные каноны. Рассмотрены жанрово-стилевые особенности современной мордовской лирической миниатюры. Произведен аксиологический анализ художественных текстов данной поэтической формы.

The article summarizes the historical and literary material to trace the movement of literary thoughts on the genre of lyrical miniature. Its main canons are indicated in the article. The genre-style features of modern Mordovian lyrical miniature are considered in this article. The axiological analysis of literary texts of the given poetic form is made in the article.

Ключевые слова: лирическая миниатюра, жанр, стиль, метрика, рифма, поэтический язык.

Key words: lyrical miniature, genre, style, metrics, rhyme, poetic language.

Вопросы жанровой специфики современной мордовской поэзии оказываются в числе наиболее актуальных проблем национального литературоведения. Во многом это объясняется тем, что на рубеже XX – XXI веков мордовская поэзия существенно расширяет художественное пространство, активно пополняясь новыми именами и формами выражения, экспериментируя с поэтическим языком, что связано в первую очередь с изменениями в общественной жизни России в конце 1980-х годов. Изучение их динамики обуславливает возможность объективных выводов о состоянии, основных направлениях и закономерностях развития современной поэзии Республики Мордовия.

Анализ поэзии второй половины 1980-х годов – первого десятилетия XXI века, представленной именами И. Кудашкина, С. Кинякина, В. Нестерова, Р. Орловой, П. Алешинной, И. Калининной, Н. Ишуткина, А. Арапова и других, позволяет констатировать функционирование самых разнообразных жанровых форм, в которых наиболее зримо отражаются все существенные социальные, политико-экономические и культурно-эстетические события эпохи, проявляются особенности поэтики и эстетики, жанровые «смещения», авторские предпочтения, смена художественных парадигм. Появляются произведения, которые, казалось бы, не принадлежат ни к одному жанру и не примыкают ни к одной жанровой традиции. В связи с этим высказывается мнение, что в лирике жанровая система окончательно «размывается», а сама категория жанра становится избыточной [13]. Противоположной точки зрения придерживается современный литературовед

А. Б. Есин, который отмечает, что «определенных устойчивых структур в лирике новейшего времени, вероятно, больше, чем кажется на первый взгляд. Они существуют в скрытом виде, не получив своего терминологического обозначения, не будучи осознанными в своей качественной определенности; типологический ряд еще не выстроился с достаточной четкостью в сознании исследователей» [1, с. 23]. Возможность существования такого рода «непроявленных жанров», «жанров-невидимок» литературовед показывает на примере стихотворной миниатюры. Такое положение дел характерно и для современного литературного процесса Республики Мордовия. В мордовской поэзии существуют произведения, жанровая принадлежность которых не определена. В частности, это касается небольших по объему стихотворных текстов. Лирическая миниатюра на мордовском языке еще не явилась объектом пристального внимания исследователей, хотя отдельные вопросы теории и истории жанра на примерах русской поэзии Республики Мордовия рассмотрены литературоведом С. Н. Степиным [14].

Далеко не во всех учебниках по теории литературы и литературоведческих словарях выделяется жанр лирической миниатюры. Более того, во многих из них нет и самого определения миниатюры. Исключение составляет ряд литературных энциклопедий [4; 9; 10].

В литературоведении термин «миниатюра» заимствован из живописи (minium – красные краски, применявшиеся в оформлении рукописных книг). Как и в живописи, характеризующим доминантным признаком миниатюры в литературе является ориентация на малый объем (на что указывает и само обозначение термина). Л. А. Левицкий определяет миниатюру как «маленькое по объему, но композиционно и содержательно завершенное произведение, обычно заключающее в себе мысль (образ) широкого обобщения или яркой характерности» [10, с. 844]. Ю. Н. Тынянов также подчеркивал важность этого признака при работе с категорией жанра: «Расчет на большую форму не тот, что на малую. Достаточным и необходимым условием для единства жанра от эпохи к эпохе являются черты "второстепенные", подобно величине конструкции» [15, с. 256].

А. Б. Есин предлагает ограничить объем миниатюр двумя – девятью стихотворными строками. Литературовед убедительно доказывает, что такое их количество дает возможность «выразить единство в его самой простой и изначальной форме: воплощать нечто одно – одно чувство, один порыв, одну мысль, причем в максимальной четкости, почти свободной и от динамики, и от нюансов, обертонов и пр. Отсюда и модус функционирования миниатюры: восприниматься мгновенно, а не постепенно» [1, с. 23].

Минимальный объем стихотворной миниатюры требует особой выразительности, мощных средств эмоционального воздействия. Описательность, однозначность слова почти полностью вытесняются из контекста

произведения. Непременным условием становится использование слов, образное значение и обобщающий смысл которых явно подчеркнуты и акцентированы. Этому способствует включение эпитетов, метафор, оксюморонных или парадоксальных слов. Всего пять стихотворных строк понадобилось мокшанскому поэту И. Кудашкину, чтобы выразить всю гамму человеческих чувств: *«Аф шит, а локстинь мельдень морот, / Аф вет, а ков валдонь сият. // Урядаф зернаньбеньяс серось, / И таргайхть на-рмоттне кит-ятт / Од сексень заряшвор, ватт»* [6, с. 8] («Не дни, а прощальные лебединые песни, / Не ночи, а серебро лунного света. / Убран хлеб до последнего зернышка, / Прочертили свои пути-дороги птицы / По заре молодой осени») [перевод здесь и далее подстрочный наш. – О. Н.]. Глубокую любовь к родному краю, необъяснимое чувство сожаления и в то же время радости и легкого волнения вызывает эта лирическая миниатюра, даже несмотря на то, что поэт ни слова не сказал о том, какие мысли и чувства пробуждает в нем осенний пейзаж. Отрицательные сравнения *«аф шит, а локстинь мельдень морот»* (не дни, а прощальные лебединые песни), *«аф вет, а ков валдонь сият»* (не ночи, а серебро лунного света), стилизованные под народную поэзию, являются одним из сильнейших средств эмоционального воздействия.

Для усиления образной энергетике стиха И. Кудашкин чаще всего прибегает к использованию метафоры. Это излюбленное изобразительно-выразительное средство встречается в каждой строчке стихотворной миниатюры *«Палыхть тяшттне орденкс менельть мяштъса»* («Как орден, горят звезды на небесном своде»): *«Палыхть тяшттне орденкс менельть мяштъса, / Коволнятне повфнефт пиче пряс, / Вармась уды панжи сатт-нень эшксса – / Тапарясь лаймарькснень кудряс. / Цефксонь морось удома аф содай, / Элякоткини эхянь тесна мирсь, / Ковонь валдса эшляй сятяв модась, / Тядякс келькф и мазы шачем ширсь»* [12, с. 8 – 9] («Как орден, горят звезды на небесном своде, / За верхушки сосен зацепились облачка, / Ветер спит в тени цветущих садов, / Запутавшись в черемуховых кудрях. / Сна не знает птичья песня, / Ликует очень тесный мир, / Притихшая земля купается в лунном свете, / Материнской любовью согрет прекрасный родной край»). Используя метафору-олицетворение, поэт достигает особой выразительности, яркой образности в изображении красоты своей Родины. Современный мордовский критик М. И. Малькина определяет суть поэзии И. Кудашкина как «поиски прекрасного», которое «воспринимается не как внешняя красивость. Прекрасное воспринимается как гармония в природе и человеческой душе» [11, с. 67].

С объемом стихотворной миниатюры связаны композиционные особенности данной формы. В отличие от других лирических жанров, где чаще всего наблюдается трехчастная композиция, миниатюре свойственны двухчастность и повышенная роль «пуантированной» концовки. Важно отметить, что «двухчастная композиция миниатюры не выявляет противо-

речивости, конфликтности или двухплановости мысли, переживания, чувства, лежащих в ее основе. Иными словами, в отличие от более крупных жанров, двухчастная композиция миниатюры имеет не столько содержательный, сколько чисто эстетический смысл: это форма организации образной системы, средство усилить эмоциональное воздействие» [1, с. 26]. Двухчастность может выражаться в относительной обособленности строф, в кольцевой композиции, в повторах и т. д. Чаще всего двухчастность композиции выражается в соединении двух неравнозначных частей произведения – экспозиции и развязки. Основная смысловая нагрузка приходится на последние одну или две строки. По данной схеме построено, например, стихотворение И. Кудашкина «Маштт кулхцондомонза природать» («Умей слушать природу»): *«Маштт кулхцондомонза природать, / Макст лихтибрянцты горняй ки, / Ков вяти вирень яннися, содак, / И тят ужьяльне сединь псить / Кить крайса касы пизелкскяти / Да келуняти сюконяк, / Да кеняртть панчфкянь эрь лисфкяти – / И сатсак павазценъ сияк»* [12, с. 5] («Умей слушать природу, / Дай роднику его гремучую дорогу, / Знай, куда ведет лесная тропинка / И не жалея сердечной теплоты. / Растущей у края дороги рябине / И березке поклонись / И радуйся каждому ростку – / Достигнешь счастья ты тогда»). Уместно привести в качестве примера первую и две последние строки восьмистишья И. Кудашкина «Васоньгурмозь раса ведня кандан» («Горсть росы я принесу»): *«Васоньгурмозь раса ведня кандан... / Молян веднять тядязенди казьса – / Штай и эзк срмафксканза сонъ прайхть»* [12, с. 9] («Горсть росы я принесу... / Подарю матери я эту воду, / Умоется, и исчезнут все морщины»). Оба стихотворения имеют двухчастную композицию с единственной кульминацией, падающей на последние строки. Предшествующие концовке строки лишь подготавливают читателя, способствуют более выразительному показу «развязки» лирического сюжета.

Одним из способов усиления выразительности произведения (особенно в лирической миниатюре) является характер рифмовки. В мордовской поэзии наиболее распространенная схема – перекрестная рифмовка. Чаще всего чередуются мужская и женская рифмы, чисто женская встречается чаще мужской. Дактилическая рифма теряет популярность. Если иметь в виду, что мордовский-мокша язык не имеет фонетической предрасположенности к образованию мужских рифм, то увеличение их числа в современной лирике можно объяснить стремлением поэтов избежать однообразия. В лирической миниатюре заметно стремление художников слова рифмовать различные части речи. Непредсказуемость такой рифмы с точки зрения грамматики усиливает эмоционально-эстетическое воздействие на читателя. Рассмотрим это на примере пейзажной лирической миниатюры И. Кудашкина «Уихть коволхне, паруссна кепотьфт» («Плывут облака, подняты их паруса»): *«Уихть коволхне, паруссна кепотьфт, / Сенем ваномакс ару перьфпяльсь. / И природась лиссь штадоньбрат, кяне, /*

Штоба васьфтемс тундаты виде мяльхть. / Калонь шонгарямкс лянза лакайхть: / Тесна берякстост лисихть, шумнайхть. / Мялень кеподезь ишсь велькскаст якай, / Срады крайганк тундань мазы гайф» [5, с. 11] («Плывут облака, подняты их паруса, / Взору открывается чистая синева. / Природа вышла раздетой, босой, / Чтобы встретить весну с чистой совестью. / Как уха, кипят реки, / Выходят из тесных берегов своих, шумят. / Поднимая настроение, ходит солнце над ними, / Разносится по нашему краю красивый весенний звон»). В первой строфе поэт больше склоняется к перекрестной рифмовке, во второй – к смежной. Строки, рифмующиеся через одну, создают естественный ритм нормального среднего темпа. Со второй строфы парная рифмовка увеличивает темп. Однако для миниатюры это не так уж важно, значительнее противоположный эффект – замедление темпа. Такая задержка динамики происходит к концу стихотворения, когда вместо глагола, который напрашивается для рифмовки с глаголом *якай* – «ходит» в предпоследней строке, автор употребляет существительное *гайф* – «звон». Неожиданная рифмовка разных частей речи приводит к большому перепаду темпа, акцентированию концовки и выделению основного концепта произведения. И. Кудашкин строго соблюдает в миниатюре чередование мужских и женских клаузул. Однако с метрической точки зрения состав слогов в окончании строки должен соответствовать размеру стиха. Так, если стихотворение написано анапестом, то ему должны соответствовать лишь мужские окончания. Отход от традиционных метрических канонов характерен практически для всего творчества поэта. В пределах одного стихотворения, написанного одним стихотворным размером, могут чередоваться окончания различных типов, создавая тем самым богатство и разнообразие рифм. Для всей миниатюры «Уихть коволхне, паруссна кепотьфт» характерно использование неточной рифмы, например, *кепотьф* – *кяне*, *перьфпяльсь* – *мяльхть*, *якай* – *гайф* (исключение составляет рифмовка пятой и шестой строк: *лакайхть* – *шумнайхть*). Употребление неточной рифмы нарушает привычную мерность стихотворения и способствует замедлению темпа, что свойственно художественным принципам лирической миниатюры.

Объем миниатюры порождает символический характер предметных деталей. Этот признак жанровой формы не является обязательным, лирическая миниатюра может функционировать и без него. В тех ситуациях, когда художественная деталь включается автором в общую ткань произведения, она практически не бывает описательной, а тяготеет к обобщению и символизации. Это может выражаться в описании пейзажа, подробностей жестового и мимического поведения человека и т. д. Например, у П. Черняева мы читаем: «*Крхка и кели / Или, кода ицькол, тьяйня... / А эрь ломанть / Сонцень шуди ляйняц*» [12, с. 50] («Глубокая и широкая / Или, как клин, узкая... / У каждого человека / Своя речка»). Образ реки имеет символический характер. Под ним подразумевается человеческая жизнь.

Философскими раздумьями о скоротечности жизни навеяны лирические миниатюры Н. Ишуткина. Пейзажные детали осени символизируют приближение исхода. Лирический герой чувствует, что любое дуновение ветерка может сорвать дрожащий желтый лист, оттого так болит и ноет сердце: *«Катши таго-ков эрямость, / Кирес читнень тапари. / Седеесь – эрямонь санось / Чулксети, сэредькс мари. // Паряк, эрямонь киресь / Лиссь а истямо нардев. / Пачкодсь сон сексе чирес, / Ожо лопинекс тарди»* [3, с. 92] («Жизнь снова куда-то торопится, / Дни запутывает в клубочек. / Сердце – как артерия жизни / Ноет, боль чувствует. / Может быть, жизненный клубок / Оказался не таким надежным. / Докатился он до края осени, / Дрожит желтым листочком»).

Поэтическая миниатюра – это мудрость поэзии. «Она отликает вековую человеческую мудрость в прекрасные и незыблемые отныне формы, поэтические формулы и тем самым, вероятно, дает нам почувствовать глубину мудрости, остановиться перед истиной, вдуматься в нее» [2, с. 17]. Эта особенность берет истоки в устном народном творчестве. В фольклоре человеческая мудрость воплощается в пословицах, в устойчивых формулах песен и сказок. Некоторые строки лирических миниатюр становятся крылатыми, «хрестоматийными»: *«Ломанькс шацеть, ломанькс ульхть!»* («Родился человеком, будь человеком!»), *«Эрь ломанть сонцень шуди лян-няц»* («У каждого человека своя речка») и т. д. Литературный критик Л. Л. Лавлинский верно отмечает, что «миниатюра привлекает авторов как форма, требующая железного лаконизма и обнаженной остроты мысли» [7, с. 311].

Обращение к жанру миниатюры свидетельствует о зрелости поэта. Это своего рода итог прожитой жизни, когда многое уже пройдено, испытано, пережито. Только умудренный опытом художник слова способен воплотить в небольшой форме всю глубину поэтической мысли. Так, в 2004 году вышел в свет сборник стихов мордовского поэта Н. Циликаина, когда автором была прожита уже большая часть жизни, многое осмыслено, приобретен определенный поэтический опыт. Н. Циликаин с особой тщательностью подходит к использованию изобразительно-выразительных средств для раскрытия своего внутреннего мироощущения. К примеру: *«Тейнек мезевок изь шорсе. / Улеть мондейне инь мазыкс, / Тонга кельгомастон коршать... / Фкя илядьста семботь сязить. // Ризфть и пичефксть тейне кадоть, / Валоть седизень лангс сяпе. / Тондейть ваймозе ульсь штада, – / Кадыть кельгомазень кяпе»* [16, с. 57] («Ничто нам не мешало. / Самой красивой ты для меня была, / Ты тоже испила моей любви ... / За один вечер все оборвала. // Оставила ты мне боль и переживания, / Горечью облила мою душу. / Тебе душа моя была открыта, – / Оставила любовь мою ты босой»). Для изображения израненной опустошенной души лирического героя автор использует такие сильные образы, как *«ваймозе штада»* («открытая душа»), *«кельгомазе кяпе»* («босая любовь»).

В относительно молодой мордовской литературе жанр миниатюры начал активно развиваться в основном только во второй половине XX века. Сравнивая лирическую миниатюру более раннего периода с современным ее состоянием в русской поэзии Мордовии, С. Н. Степин отмечает, что если раньше выражение отношения к предмету или явлению в миниатюрах носило описательный оттенок, то теперь они четко фиксируют чувства и настроения [14]. Такой способ воссоздания бытия характерен и для мордовской поэзии. В последние десятилетия XX века и в начале нового столетия лирическая миниатюра все чаще встречается в творчестве художников слова Республики Мордовия. Однако следует отметить, что данная жанровая форма не переходит дорогу другим лирическим жанрам. Интерес к миниатюре Л. Л. Лавлинский объясняет тем, что, очевидно, сам характер времени, насыщенного аналитическими размышлениями, диктует поэтам необходимость использования «энергичных и сжатых форм, учит их не избегать суровой красоты лаконизма» [8, с. 204]. Если для лирической миниатюры предшествующих лет наиболее характерна социально-политическая, агитационная направленность, то сейчас мордовские поэты, не отказываясь от актуальной тематики, углубляют ее в своем творчестве до философских обобщений. Настоящее и вечное, конкретно-социальное и общечеловеческое стремятся соизмерить художники слова в малой стихотворной форме. В современной лирической миниатюре над стихией чувств, непосредственных переживаний преобладают аналитическая мысль, творческая энергия, чему во многом способствует переосмысление неисчерпаемых богатств народной поэзии и философской мудрости.

Список литературы

1. Есин А. Б. Стихотворная миниатюра в системе жанров русской лирики // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 22 – 30.
2. Есин А. Б. Похвальное слово миниатюре // Русская стихотворная миниатюра. – М., 2005. – С. 3 – 19.
3. Ишуткин Н. Сексень кизэнь паламо (Поцелуй бабьего лета). – Саранск, 2009.
4. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1967.
5. Кудашкин И. Н. Китнень крайге келуфт (Березы вдоль дорог). – Саранск, 1969.
6. Кудашкин И. Н. Лихтибратне шавихть пайкт (Родники бьют в колокола). – Саранск, 1977.
7. Лавлинский Л. Л. Сердца взрывная сила. – М., 1972.
8. Лавлинский Л. Л. О лирической поэзии наших дней. – М., 1995.
9. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. – М.; Л., 1925. – Т. 1.
10. Литературная энциклопедия: в 10 т. – М., 1934. – Т. 7.
11. Малькина М. И. Штрихи к портретам // Современная мордовская литература. 60 – 80-е годы: в 2 ч. – Саранск, 1993. – Ч. 2. – С. 40 – 92.
12. Прайхть августонь пизепт (Идут августовские дожди). – Саранск, 1984.
13. Сквозников В. Д. Лирика // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении: в 2 кн. – М., 1964. – Кн. 2. – С. 205 – 214.
14. Степин С. Н. К вопросу о теории и истории жанра лирической миниатюры в современной поэзии Мордовии. – [Электронный ресурс]: sociosphera.ucoz.ru/.../19-1-0-341.
15. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.
16. Циликин Н. Энельдезь виденцямат (Исповедь). – Саранск, 2004.

**«Пошли мне небожителя...»: тема двойника
у Бродского и Достоевского**

В статье рассматривается поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков» в контексте традиции Достоевского. В аспекте темы двойничества выявляются идейные связи поэмы «Горбунов и Горчаков» и романа «Братья Карамазовы». Выдвигается гипотеза об актуализации традиции полифонического романа в тексте поэмы Бродского.

In this article we consider I. Brodsky's poem «Gorbunov and Gorchakov» in a context of Dostoevsky's tradition. In the aspect of theme about doubleness ideological relations between the poem «Gorbunov and Gorchakov» and the novel «The Brothers Karamazov» are revealed. Conclusions are drawn on actualization of polyphonic novel's tradition in the text of Brodsky's poem.

Ключевые слова: литературная традиция, тема двойничества, герой и двойник, диалог, диалогизм, идея, герой-идеолог, полифонический роман.

Key words: literary tradition, theme of doubleness, character and his double, dialogue, dialogism, idea, character-ideologist, polyphonic novel.

Поэма Бродского «Горбунов и Горчаков» не раз вызывала пристальный интерес исследователей, в том числе и в аспекте литературных традиций. По свидетельству В. Куллэ, «уже первые читатели связывали роман с именем Беккета. Когда Бродский показал его в Ленинграде своей подруге из Англии, та сказала: «Неплохо, Иосиф, но в ней слишком много Беккета», на что поэт ответил: «Она лучше, чем Беккет» [14]. Ряд ученых отмечает связь с русской литературной традицией поэмы «Горбунов и Горчаков», особенно подчеркивая влияние Достоевского. Так, Р. Клейман считает, что поэма Бродского «Горбунов и Горчаков» – «достаточно прозрачная (хотя и не названная прямо) вариация на тему «Идиота» [11, с. 267], Я. Гордин называет героев поэмы «новыми князем Мышкиным и Рогожиным» [6, с. 135], а В. Куллэ пишет о «контексте традиции поэмы, начало которой положено "Записками из подполья" Достоевского (кстати, горячо любимыми Бродским)» [13]. Несмотря на явный интерес исследователей, тему традиций Достоевского в поэме «Горбунов и Горчаков» едва ли можно назвать в полной мере изученной. Так, исследователями недостаточное внимание уделено внутренним закономерностям восприятия традиций Достоевского в произведении Бродского.

Бродский указывает на особое место поэмы в своем творчестве: «В "Горбунове и Горчакове" есть две строчки, в которых все более или менее и заключается. Эти самые главные строчки, которые я, по-видимому, написал: "Я думаю, душа за время жизни приобретает смертные черты". Вот

и все. А все остальное – более-менее развитие, комментарии» [9, с. 12]. Строчки, указанные Бродским, вложены в уста его героя Горбунова, пациента психиатрической лечебницы, постоянно ведущего беседы с другим персонажем поэмы – Горчаковым. Тема психического расстройства, пространство психиатрической больницы дают возможность многим исследователям предположить, что «в «Горбунове и Горчакове» диалоги между героями ведутся от лица одного и того же человека», иными словами, Бродский воплощает в поэме «идею о раздвоении личности» [5, с. 13].

Если рассматривать идею о раздвоении личности как художественный прием в поэме, то два ее главных персонажа будут являться полярными гранями одной личности, иными словами, ни один из героев не может претендовать на целостность и автономность, так как один не существует без другого. При данном подходе выявляется равная зависимость персонажей «Горбунова и Горчакова» друг от друга как «двухполушарной структуры головного мозга» [15, с. 206]. Однако текст поэмы дает нам возможность и другой интерпретации ее главных образов. Рассмотрим предложенную идею о раздвоении личности с точки зрения существования Я и Другого (в понимании М.М. Бахтина), героя и его двойника, понимая под персонажем-двойником «такого «Другого», который в то же время и «Я сам», и наоборот: это такое «Я», которое само с собой же не совпадает, сталкиваясь в какой-то момент с собой как «Другим» вне себя» [16, с. 89]. Иначе говоря, текст поэмы Бродского может быть рассмотрен в аспекте проблемы двойничества, начало которой положено в работах В. Полухиной, утверждавшей, что в «Горбунове и Горчакове» «мы явно имеем дело с ситуацией « “я” vs. двойник в чистом виде» [19, с. 76]. Однако исследователь также не выделяет личность и двойника и считает, что два героя неразлучны друг с другом как «два тела в одной душе» [19, с. 75].

В «Горбунове и Горчакове» дуальность служит «структурообразующим элементом всей поэмы» [19, с. 76]: в ней *два* героя, ведущие *диалог*; один из них родился под *знаком близнецов* и т.д. Интересен тот факт, что в более раннем стихотворении Бродского «С грустью и нежностью» (1964), которое посвящено А. Горбунову, присутствуют все персонажи поэмы, за исключением Горчакова. По мнению О. Глазуновой, это значит, что «Горчаков как второе «я» поэта появился уже после возвращения его из ссылки» [5, с. 17], и это еще раз говорит о вторичности образа собеседника Горбунова.

Л. Лосев считает, что «в поэме есть только одно место, заставляющее читателя сомневаться в том, что Горбунов и Горчаков – две ипостаси одной личности. В седьмой главе Горбунов говорит: «Я в мае родился, под Близнецами», – как и автор поэмы. И там же сказано, что Горчаков родился под знаком Овна» [15, с. 207]. И все же герои различаются в поэме не столько знаками зодиака, сколько идеями, что сопряжено и с различием их художественных функций.

«Я / тогда лишь есмь, когда есть собеседник! / В словах я приобщаюсь бытия! / Им нужен продолжатель и наследник!» [20, II, с. 271] – так говорит о себе Горчаков. Диалог, основной художественный прием в поэме, как и у Достоевского, построен по схеме «противостояния человека человеку, как противостояния «Я» и «Другого» [1, с. 435]. Образцом такой схемы может служить следующий отрывок: Горчаков: «Но бытие...» Горбунов: «Чайку тебе?» Горчаков: «Налей, определяет...» Горбунов: «Греть?» Горчаков: «Без подогрева... / сознание... Ну ладно, подогрей» Горбунов: «Прочел бы справа ты налево» [20, II, с. 279], где одно высказывание порождает противоположные интерпретации двух главных голосов поэмы. Л. Лосев считает, что поэма может служить развернутой иллюстрацией к учению Бахтина о диалогизме, и в особенности о невозможности в художественном творчестве «безобъектного, одноголосного слова» [15, с. 57]. При этом исследователь утверждает, что «прямого влияния Бахтина здесь нет, но витавшие в воздухе идеи диалогизма, в особенности о невозможности быть собой без живого общения с другими, в поэме отразились» [15, с. 58].

В диалогах поэмы по-разному распределены роли героев. Так, роль Горчакова – вопрошающая и резюмирующая: Горчаков: «А что земля?» Горбунов: «Что, собственно, земля?» / Горчаков: «Ну, что внизу?» Горбунов: «Больничная аллея» / Горчаков: «Да, знаешь, ты действительно готов. / Ты метишь, как я чувствую, в Ньютоны. / На буйном тоже некий Хомутов / – кругом галдеж, блевотина и стоны – / твердит: я – Гамильтон, и я здоров; / а сам храпит, как наши харитоны» [20, II, с. 254 – 255]. В данном отрывке провокационный вопрос Горчакова задает ироничный тон диалогической игры, которую он ведет с собеседником. При этом целью такого диалога для Горчакова является не столько высмеивание ответов Горбунова, сколько возможность для Горчакова поселить в собеседнике чувство сомнения в адекватности его собственной оценки реальности.

Образ Горчакова, созданный Бродским, во многом схож с образом черта из «Братьев Карамазовых». «Кто ж я на земле, как не приживальщик?» [7, XV, с. 72] – рассуждает черт, и поступки Горчакова говорят о наличии у него данного качества (например, его доносы врачам). Подобно тому, как «черт издевается над Иваном, то разуверяя его в своем существовании, то, словно бы приглашая увериться в своей реальности» [10, с. 177], Горчаков ставит под сомнение действительность происходящего: Горбунов: «Наверное, приснилось». Горчаков: «Ни фига. / Скорее, это я тебе приснился» [20, II, с. 286]. Горчаков признается, что его природа – «огорчать» другого и «сомневаться» в каждом ответе собеседника. Горбунов: «Ты хочешь огорчить меня?» Горчаков: «Конечно. / На это я, известно, Горчаков» [20, II, с. 254]; или Горбунов: «Ну что же, убедился?» Горчаков: «Усомнился» [20, II, с. 257].

В пространстве поэмы, наряду с обычными беседами, мы наблюдаем и внутренний диалог каждого героя. Бродский ставит перед собой задачу не только «расслышать сам внутренний диалог, но и представить себе логику его дальнейшего развития» [17, с. 30], и в этом случае беседы героя с двойником есть результат внутренней рефлексии персонажа. Так, оставшись один, Горбунов размышляет: «Я голос чей-то слышу в тишине <...> и голос тот противоречит мне». И все же «переход из внутреннего диалога во внешний без идеи принципиально невозможен. Идея является той закваской, которая начинает бродить, будоражить сознание, саморефлектировать» [17, с. 31].

Задача черта – искушать и отрицать («я определен отрицать»). Так, Иван Карамазов «прежде всего, искушаем неустройством мира» [10, с. 159]. Главный вопрос Горбунова, как и героя Достоевского, связан с «неустройством мира». Персонаж Бродского рассуждает: «Грех – то, что наказуемо при жизни. / А как накажешь, если стрелы всех / страданий жизни собрались, как в призме, / в моей груди?» [20, II, с. 287] – от личной драмы, личной боли Горбунов идет дальше – и ставит вопрос о страданиях вообще и о природе греха. «Грех – то, что наказуемо при жизни» с одной стороны, а с другой – верно ли данное утверждение в настоящем мире, если страдания «собрались, как в призме, / в моей груди»? Сравним слова Ивана Карамазова: «Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его» [7, XIV, с. 222]. Уже позднее, в стихотворении «Разговор с небожителем», герой Бродского, подобно персонажу Достоевского, подытожит: «боль не нарушение правил» и будет «возвращать билет» Богу, тем самым развивая мысль, которая была высказана еще в «Горбунове и Горчакове» – «Боль пропитала дерево гордыни» [20, II, с. 256].

Горчаков спрашивает: «Ты, значит, не боишься темноты?» / Горбунов: «В ней есть ориентиры». Горчаков: «Поклянись мне». / Горбунов: «И я с ориентирами на ты. / Полно ориентиров, только свистни» [20, II, с. 257]. Для Горбунова мир – зло, страдание («больничная аллея»), поэтому в темноте «есть ориентиры», с которыми «на ты» (например, с Горчаковым). Таким образом, герой Бродского, «как и герой Достоевского, отрицает существование Бога, а мир, им созданный» [2, с. 196]. В аспекте данной идеи становятся более понятными строчки поэмы, выделенные Бродским: «душа за время жизни / приобретает смертные черты» [20, II, с. 257], то есть неизбежно отдаляется от Бога, существуя в мире-зле. И в этом, по Бродскому, состоит главная трагедия человека.

В более поздних стихотворениях мысль Бродского пойдет дальше, и возникнет вопрос: «если оправдано существование Бога, то чем оправдано существование Творца» [18]? Бродский разделяет Бога и Творца: в стихотворении «Бабочка» (1972) поэтом предпринимается попытка проникнуть в суть действий Творца, понять их, но вывод только – «Как много грусти в

шутке / Творца!» [20, III, с. 20]. Другими словами, вряд ли у Бога «есть цель в человеческом понимании, а если есть, то цель не мы (опровержение религиозной точки зрения), следовательно, бесполезно сердиться на Него и отвергать Его мир (опровержение позиции вызова)» [12, с. 41].

«Не то чтобы жажда верить ослабла или кончилась нежная тяга к божественному отцу, – говорит Достоевский – вовсе нет, но только все это перешло теперь в плоскость эстетических эмоций. Действительность приобрела характер выставки. Родственная распря между Богом и людьми прервалась; человек стал по существу не способен вобрать в себя Бога» [7, XIV, с. 224 – 225]. В этой мысли Достоевского и раскрывается смысл «главных слов» Бродского: «Душа за время жизни приобретает смертные черты» [20, II, с. 257], и становится понятным, почему для его героя Горбунова Страшный суд – это «движение вспять, / в воспоминанья. Как в кинокартине» [20, II, С. 256], а не последний Божественный суд.

И все же Горбунов еще не до конца разрешил для себя этот вопрос, и в своем монологе он обращается к Богу: «пошли мне небожителя», или же, говоря словами Горчакова, «... станет Бога требовать сюда» [20, II, с. 261].

Ирония Бродского заключается в том, что Горбунов, обращаясь к Богу, жаждет ответа, диалога («... пусть не Горчаков, а херувим / возносится над грязною ночлежкой / и кружит над рыданиями и слезкой / прямым благословением твоим» [20, II, с. 259]), но рядом с ним остается только Горчаков-черт, готовый на этот диалог, как и рядом с Иваном Карамазовым в его кошмаре возникает черт. В этом смысле «Черт Ивана Федоровича... частица его собственного я» [4], то есть зло и сомнение, заложенное в каждом человеке. В одном из эссе Бродский написал: «Великим писателем является тот писатель, который привносит в мир новую духовную идею. Как, например, Достоевский, сказавший, что в человеке есть две бездны – Зла и Добра, и что человек не выбирает между ними, но мечется, как маятник» [3, с. 6]. Отсюда, если мы рассматриваем Горчакова как в некотором смысле «черта», то есть злое начало, то в Горбунове будет присутствовать «частица» Горчакова. Мы можем назвать Горчакова искушителем и злым двойником Горбунова, при этом четко разграничивая «их голоса», идеи и функции в поэме.

Таким образом, идейная связь творчества Бродского и Достоевского дает возможность говорить об актуализации традиции полифонизма романа «Братья Карамазовы» в тексте поэмы «Горбунов и Горчаков».

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
2. Белый А. Плохая физика И. Бродского // Нева. – 2007. – № 5. – С. 190 – 204.
3. Бродский И. «Писатель – одинокий путешественник» (письмо в Нью-Йорк Таймс) // Звезда. – 2000. – № 5. – С. 3 – 9.

4. Булгаков С. Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. – [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/b/bulgakow_s_n/text_0040.shtml (дата обращения 09.01. 2011).
5. Глазунова О. Иосиф Бродский: метафизика и реальность. – СПб.: Нестор-История, 2008.
6. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. – М.: Время, 2010.
7. Достоевский Ф. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1975.
8. Иосиф Бродский: Мой враг – вульгарность. Интервью В. Полухиной // Российская газета. – № 5010 (186) от 2 октября 2009 г.
9. Иосиф Бродский. «У меня есть только нервы...». Беседа с Биргит Файт // Урал. – 2000. – № 1. – С. 10 – 15.
10. Кантор В. Кого и зачем искушал черт? (Иван Карамазов: соблазны «русского пути») // Вопросы литературы. – 2002. – Март/апрель. – С. 157 – 181.
11. Клейман Р. Достоевский и Бродский: встреча гениев в беспредельности // Достоевский и русское зарубежье XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – С. 260 – 279.
12. Крепс М. О поэзии И. Бродского. – Ann Arbor: Ardis, 1984.
13. Куллэ В. Иосиф Бродский: парадоксы восприятия. – [Электронный ресурс]: [/http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/kulle/articles/brodsky3.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/kulle/articles/brodsky3.html) (дата обращения: 10.03.2011).
14. Куллэ В. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957 – 1972): дис. ...канд. филол. наук. – М., 1996. – [Электронный ресурс]: <http://www.liter.net/=Kulle/evolution.htm> (дата обращения: 11.01.2011).
15. Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. – М.: Молодая гвардия, 2010.
16. Махлин В. А. К проблеме двойника (прозаика и поэта) // Философия М.М. Бахтина и этика современного мира. – Саранск. 1992. – С. 88 – 100.
17. Мухамадиев Р. Диалог Достоевского и диалогизм Бахтина // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1996. – № 4. – С. 28 – 40.
18. Погорелая Е. Ранний Бродский: Лирическое «я» и герои романов Ф.М. Достоевского. – [Электронный ресурс]: http://www.ctuxu.ru/article/art/rannij_brodskij.htm (дата обращения: 02.02.2011).
19. Полухина В. П. Больше себя самого. О Бродском. – Томск: ИД СК-С, 2009.
20. Сочинения Иосифа Бродского. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – Т. I – VII.

Нарратив массовой литературы в пространстве повседневности: диегесис как мимесис*

В статье рассматриваются различия между «массовой» и «элитарной» литературой, обосновывается наличие у массовой литературы особых «соматических» функций. Рассматриваются два уровня проекций диегетической реальности паралитературного текста в область макросценариев читательского поведения, которые связаны с реализацией «соматических» функций массовой литературы.

The article focuses on the difference between “mass” literature and “high” literature, proving that the former performs some special “somatic” functions. The author considers two levels of projections of the diegetic reality of a paraliterary text on the domain of readers’ behavioral macroscripts as related to the mass literature “somaticity”.

Ключевые слова: массовая литература, социология литературы, социология досуга, нарратология, фанфикшн.

Key words: mass literature, sociology of literature, sociology of spare time and recreation, narratology, fun fiction.

Говоря о различиях между «массовой» и «элитарной» литературами, Ю. М. Лотман писал, что первая из них отличается от второй своей аксиологической двойственностью. С одной стороны, текст массовой литературы должен быть читаем, хорошо известен, популярен, то есть быть «культурно полноценным», «иметь признаки принадлежности к высокой культуре эпохи и в определенных читательских кругах к ней приравниваться». С другой стороны, обладая такими признаками, произведение массовой литературы должно отвергаться, то есть «должно обладать признаками исключенности из какой-то системы: господствующей, ценной или, по крайней мере, официальной. Иногда сама эта исключенность будет повышать интерес к тексту» [2, с. 819]. Отсюда теория массовой литературы рисуется исследователем как диалектика иерархий: массовое есть то, что с точки зрения господствующего типа теоретической рефлексии является внесистемным, «случайным», «банальным», «пошлым», «эпигонским», «устаревшим» и проч. Однако динамика системы такова, что спустя некоторое время в свете новой теоретической установки иерархия может видеться теоретику уже иначе: «Факты, остававшиеся в тени, выдвигаются

* Статья выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации № НК-643Р-50.

вперед, переосмысляются. Представления о системном и случайном сдвигаются» [2, с. 824 - 825].

В настоящее время теория массовой литературы чаще всего строится на фундаменте именно этих соображений. «Массовое» определяется функционально как «категория литературных произведений, относимых к маргинальной сфере общепризнанной литературы и отвергаемых как псевдолитература» [7, с. 160]. То есть, говоря иначе, под «массовым» понимается то, что находится за границей литературного канона, каковой, в свою очередь, является отражением точки зрения определенной социальной группы. Дальнейшее развитие этой теории приводит к необходимости: а) очертить границы канона, что обычно вызывает известные трудности, так как границы эти легко проницаемы, даже если мы пытаемся начертить их с позиций лишь одной социально маркированной точки зрения (например, официальной идеологии); б) сформулировать причины, по которым данная социальная группа оценивает произведения так, а не иначе, и именно таким образом формирует канон (в свою очередь, это означает необходимость учитывать отношения данной группы с другими группами, в том числе теми, которые могут предлагать альтернативные точки зрения на то, каким должно быть «подлинное», то есть, в терминах Лотмана, «системное» искусство). Однако даже в этом случае в теоретической модели литературоведов и социологов «массовое» будет определяться *ex negativo* как нечто «маргинальное», «неканоническое», «несистемное», а разница между «массовым» и «элитарным» будет выискиваться прежде всего в сфере эстетических оценок. Между тем, думается, что массовая литература обладает собственным функциональным измерением, не связанным с ее «эстетическим качеством».

В западном обществе Нового времени так называемая «элитарная» культура призвана заботиться о духовности человека, говоря другими словами – о жизни его сознания. В этом контексте «элитарная» литература – это та, которая нацелена на формирование мыслей и чувств, о есть определенных ценностных установок, ориентирующих мышление и эмоциональные реакции субъекта. Эти ценностные установки могут быть конформными или революционными – это в данном случае несущественно. Существенно то, что их формирование осуществляется в акте чтения как бы без участия тела: действительно, в идеальном, прототипическом случае «духовного», «высокого» акта чтения текст как продукт культуры непосредственно воздействует на сознание, последнее интериоризирует содержание произведения в виде набора оценок и разного рода регулятивов, которые должны ориентировать, прежде всего, духовное и интеллектуальное существование субъекта, становится частью его духовного и интеллектуального опыта. Прагматика «элитарного» письма игнорирует, как бы выносит за скобки психоэмоциональное состояние читателя, время и обстоятельства чтения. По своему содержанию и культурной функции

«элитарное» произведение выше сиюминутных обстоятельств чтения и всех потребностей субъекта, выходящих за границы «духовного» и «интеллектуального». С точки зрения «высокой» культуры сказать о произведении Кафки или Джойса, что оно «скучное», нельзя: эта характеристика абсурдна, принципиально неприменима к такого рода сочинениям, ибо не соответствует их прагматике и идеальной для них ситуации «интеллектуального» чтения. Отталкиваясь от этих соображений, можно сформулировать своеобразие акта чтения паралитературы, которое видится нам в том, что чтение массового текста затрагивает не только и не столько сознание субъекта, сколько его тело: чтение такого произведения снимает стресс, отвлекает, развлекает, возбуждает, усыпляет и т.п. Иначе говоря, произведение массовой литературы как бы преодолевает ханжеский солипсизм «высокой» культуры, встраивается в реальность телесного существования человека, которому свойственно не только мыслить и чувствовать, но и спать, есть, ходить на работу, заниматься любовью, проводить много времени в общественном транспорте и проч. «Чтение перед сном» или «дорожное чтение» – понятия, не применимые к «высокой» литературе, отражают ту функцию, которую играет книга в телесном опыте читателя, в структуре его повседневного существования.

Думается, что выстроенная по этому основанию дихотомия «массового» и «элитарного» обладает рядом преимуществ. Во-первых, она универсальна – в том смысле, что реализация прототипических функций (духовных/телесных) не зависит от содержания произведения, его композиционно-стилистических особенностей, жанрово-тематического своеобразие литературы в ту или иную эпоху, а зависит, прежде всего, от функции данной конкретной книги в опыте конкретного читателя. Способность книги выполнять эту функцию определяется, по всей видимости, прагматической задачей автора/издателя, а также потребностями субъекта, ролью чтения в данной культуре в целом и, следовательно, должна изучаться социологически.

Во-вторых, так понятая дихотомия позволяет вывести разговор о «массовом» и «элитарном» за пределы спора об эстетической ценности произведения. Спор этот методологически затруднителен: «эстетическое качество» произведения – характеристика относительная, а потому, давая эстетическую оценку произведению, исследователь неизбежно начинает говорить от лица определенной социальной группы. По этой же причине теория элит в эстетике, основоположником которой, очевидно, можно считать Х. Ортегу-и-Гасета, и которая до сих пор ориентирует рассуждения многих теоретиков массовой литературы, никогда не была социологически нейтральна, она выросла из свойственного модернизму пафоса отрицания буржуазного искусства, который очень быстро свелся к простой логике: подлинное искусство не может быть популярным, ибо, если оно популярно, оно буржуазно, а значит, неподлинно. Этот эффект модернистского ис-

куства, хорошо изученный П. Бурдые, был, по сути, тематизирован в теории Ортеги, который придал ему методологическое значение: то, что приятно и понятно массам, не может быть подлинным искусством, ибо подлинное искусство (а для Ортеги это «новое» модернистское авангардное искусство) «ненародно по своему существу; более того – оно антинародно», это «искусство привилегированных, искусство утонченной нервной организации, искусство аристократического инстинкта» [3, с. 231 - 232].

В третьих, такая формулировка исходной дихотомии оставляет проницаемыми границы между «массовым» и «элитарным», так как признает за текстом право на полифункциональность: совершенно ясно, что, хотя у каждого произведения, вероятно, существует предпочтительный способ его прочтения, один и тот же текст все же может читаться с разными целями в разных ситуативных контекстах. Например, произведение «высокой» литературы вполне может использоваться в ситуации «дорожного чтения» или в качестве своеобразного «снотворного» в целях, не соответствующих его «высокому» прагматическому заданию.

«Соматические функции» массовой литературы требуют, разумеется, специального изучения и теоретической детализации (хотя кое-что в этой области уже сделано¹). В данной работе мы хотели бы обратить внимание лишь на одну возможную перспективу исследования массовой литературы, связанную с пониманием того, как нарративная структура текста массовой литературы (а это в абсолютном большинстве случаев повествовательный текст, который может быть описан с помощью соответствующих нарратологических теорий и моделей) отражается в нарративной структуре повседневного существования читателя.

С методологической точки зрения поставленный вопрос мог бы быть сведен к вопросу о подобии повествовательного текста и «текста жизни», чем серьезно увлекалась феноменологически ориентированная нарратология (П. Рикёр, Х. Арндт, Р. Барони и др.), рассматривающая рассказывание историй как важнейшую способность человека, участвующую в разнообразных механизмах самосознания (осознание себя как участника своей «жизненной истории»; конструирование «жизненной истории» как

¹ Так, польский исследователь Мачей Марыл на основании опроса библиотекарей, выступающих в качестве консультантов для посетителей библиотек, выделил следующие функции массовой литературы: а) поиск специфических эмоций (читатели часто просят посоветовать им «что-нибудь трогательное», «забавное» и т.п.); б) эмоциональная стимуляция: эта мотивация встречается у людей, выполняющих монотонную работу и в силу этого нуждающихся в психоэмоциональном возбуждении; в) релаксация; г) уход от реальности через выполнения компенсаторной деятельности: чтение увлекает читателя в тот мир, где он, идентифицируя себя с героем, может выполнять действия или испытывать те эмоции, которые в силу разных причин недоступны ему в реальности [8, с. 325].

приведение хаоса событий в связное, когерентное повествование, становящееся основой личной памяти субъекта и определенным образом встраивающееся в коллективную память социальной группы; использование разнообразных повествовательных моделей, в том числе моделей из «внешних», литературных текстов с целью преодоления «экзистенциального напряжения», то есть неизвестности дальнейшего развития «фабулы» собственного существования и проч.). Проблема в том, что в феноменологической нарратологии структурное подобие литературного текста и «текста жизни» принимается в виде своеобразной «концептуальной метафоры», своего рода методологического допущения, необходимого для решения сугубо философских проблем, но не имеющего прикладного значения, тем более такого, которое было бы связано с социологическим изучением конкретных литературных текстов. В то же время теоретическая «соматизация» массовой литературы, как нам кажется, открывает перспективы для более детального эмпирического изучения этого взаимодействия двух повествований – литературного (диегетического) и экзистенциального (миметического).

Основу такого изучения могло бы составить применение моделей нарратологии к описанию социальной реальности и, прежде всего, социального поведения человека. Последнее можно представить как ряд поведенческих сценариев, включающих в определенных ситуациях совершение одних действий, запрет на совершение других, а также импликацию (более или менее строгую) одного действия другим. Таким образом, на уровне поведенческой микросоциологии социального агента можно рассматривать как своего рода персонаж истории, развитием которой он, несмотря на реальность своего существования и способность принимать самостоятельные решения, управляет лишь отчасти, поскольку многие из сценариев его «жизненной драмы» характеризуются высокой степенью устойчивости, клишированности, а также высоким уровнем детерминированности его общим социальным статусом. Мы далее будем говорить о поведенческих сценариях, сопровождающих чтение художественного произведения, то есть о тех случаях, когда миметическое «повествование жизни» человека детерминировано его контактом с диегетической реальностью героя.

Представляется, что, с точки зрения участия произведения в повседневном опыте человека, можно выделить как минимум два уровня взаимодействия литературного повествования и социальной фабулы поведенческого нарратива читателя.

1. Макросценарий чтения. С точки зрения соматического метасюжета чтения акт чтения книги является своеобразной «повествовательной функцией» (воспользуемся термином В. Я. Проппа) поведенческого сценария, в рамках которого субъект чтения также реализует, например, такие «повествовательные функции», как выбор книги, ее приобретение, дальнейшее обсуждение со знакомыми (возможность влиять на их выбор этой книги),

приобретение другой книги данного автора (или отказ от покупок книг данного автора в дальнейшем) и т.д. Понятно, что каждая из этих «функций» имеет множество конкретных вариантов, реализация которых в значительной мере детерминируется характером и функциональным заданием избираемого произведения. Например, покупка книги в дорогу («чтобы скоротать время») может быть совершена непосредственно на вокзале или в аэропорту, при этом для читателя, скорее всего, будут существенны лишь такие характеристики книги, как ее жанр, объем и цена. Читатель в этом случае не очень щепетилен в своем выборе, редко ориентируется на стороннее мнение, а акт чтения, как правило, не имплицитно подразумевает каких-либо последующих действий с этой книгой (обсуждение книги, ее рецензирование, рекомендация другому лицу и проч.). Ясно, что функции макросценария чтения реализуются независимо от степени «элитарности/массовости» произведения, однако, как видно из приведенного выше примера, у текстов массовой литературы (у текстов, реализующих функции, с помощью которых мы определяем в данной работе категорию «массового»), скорее всего, будут определенные особенности в наборе функций и типическом способе их реализаций. Кроме того, в случае с массовой литературой сам акт чтения может получать дополнительный социальный смысл. Это происходит тогда, когда чтение того или иного произведения становится социально маркированным действием, направленным на установление внутригрупповой или трансгрупповой идентичности.

На этом аспекте чтения делают акцент преимущественно те исследователи, которые выводят сущность массовой культуры из ценностных ориентаций современного консьюмеризма, ср.: «В массовом обществе с массовизированным индивидом в качестве его основного типа личности доминируют идентификационные стратегии, основанные на общности потребления. Они становятся основой для адаптации личности, которая в массовой культуре представляется в варианте пассивного подчинения социальным нормам, где личность полностью или частично нивелируется, а целью ее развития становится не выявление индивидуального, но растворение личностного начала во всеобщем-массовом. Отождествление себя с другими людьми человек массы осуществляет не на основе гражданства, а на основе единства эмоциональных переживаний, установления общих – потребительских – ценностей, взглядов, стратегий отношения с миром, формируемых под влиянием информационной среды и культурной индустрии» [1, с. 35].

Другими словами, в данном случае идентичность устанавливается через сходство трансгрупповых «метасюжетов культурного потребления» (все прочитали роман X, значит, я тоже должен прочитать роман X). Заметим, однако, что подобный механизм осуществления социальной идентичности существовал задолго до «эпохи сетевых коммуникаций», в его основе лежит особая социальная маркированность акта потребления куль-

турного продукта, так или иначе определяющая все то, что мы называем «модой». Потребление же «модного» продукта, по-видимому, всегда обладает двумя аспектами: экономическим, связанным с потребностью субъекта в установлении групповой идентичности посредством причастности к массовому акту потребления, и психологическим, связанным со стремлением субъекта приблизиться, посредством данного акта, к идеальной модели собственного «Я», разделяемой той группой, с которой он стремится установить идентичность. Так, желание прочитать книгу, потому что она новая, отвечает стремлению быть прогрессивным и актуальным, желание прочитать книгу, потому что она «умная», отвечает стремлению быть интеллектуалом и т.п. При этом индустрия массовой культуры предлагает суррогатные формы удовлетворения этих потребностей, одновременно формируя массовые идеализации («образы») собственной индивидуальности, которые в дальнейшем лишь усиливают тенденцию унификации стратегий культурного потребления, что, в свою очередь, некоторым образом упрощает маркетинг культурной продукции.

Более специфичным для современной литературы эпохи сетевых технологий является реализация внутри- и трансгрупповой идентичности посредством создания собственных текстов, написанных по мотивам текста-референта. И в досетевую эпоху показателями причастности к определенной литературной «моде» была цитация, а также создание собственных подражаний, однако эти подражания в силу чисто технических причин не могли быть столь же публичными, какими они могут быть сегодня. В наше время к «частным» подражаниям добавился «фанфикшн» – особое явление сетевой культуры, заключающееся в создании и сетевой публикации собственных историй, заимствующих из референтного произведения героев, место действия, общий антураж, стилистику, но при этом сюжетно не имеющих ничего общего с первоисточником. «Фанфикшн – своеобразный, текстуально выраженный аффект; это эмоциональный, *видимый и осязаемый* интерпретативный отклик потребителя массовой культуры на ее продукцию. Это литература апроприации, при которой личное становится общим (читатели, отчуждая порождающий текст от исходного автора, сами принимают на себя роль “творцов” художественных произведений), а общее – изначально массовое, заниженное – приобретает огромную персональную значимость и обрывает в рамках сообщества слоями индивидуальных смыслов» [4, с. 3].

Написание «фанфика» является еще одной потенциальной повествовательной функцией макросценария чтения, при этом существенно то, что, во-первых, фанфикшн сопровождает в основном лишь определенную жанровую разновидность массовой литературы (как правило, это фэнтези или литературная сказка), увлекает читателей с определенными половозрастными характеристиками (большинство авторов фанфиков – девушки-подростки) и реализует все ту же функцию – установление идентичности

посредством реализации акта чтения, сопровождающегося в данном случае созданием фанфика, – прежде всего в сравнительно узкой среде поклонников данного автора, объединенных в сетевые сообщества. Также существенно то, что часто такие сообщества носят международный характер и обычно строятся вокруг трансмедийного источника (так, наиболее популярные в фанфикшне произведения Дж. Роулинг и Дж. Р. Р. Толкиена экранизированы, а созданные ими персонажи оказываются в разнообразных неканонических сюжетных ситуациях в компьютерных играх, комиксах – в этом контексте фанфикшн мыслит себя как один из множества потенциальных вариантов литературного первоисточника).

2. Поведенческая идентификация. Другой уровень взаимодействия нарратива произведения и поведенческого нарратива читателя заключается в установлении идентичности «читатель – герой», благодаря чему запускается особенный поведенческий сценарий, в рамках которого читатель в той или иной мере повторяет действия героя, следует его поведенческим стратегиям как своеобразному образцу.

Явление нарративной идентичности хорошо известно и является фундаментальным механизмом, сопровождающим, в силу ряда антропологических особенностей, акт чтения/рассказывания (см. [5; 6]). Однако при всей универсальности этого механизма глубина идентификации в системе «читатель – герой» может быть разной: от сочувствия персонажу до стремления быть им в жизни. Массовое чтение, очевидно, связано со вторым полюсом этой шкалы. Специфика массовой литературы (литературы, воздействие которой, как мы это определили выше, выходит за пределы сознания и затрагивает телесное существование читателя) заключается в том, что она предлагает готовые модели поведения, отличающиеся при этом высокой степенью идеализации: быть таким, как персонаж, означает для читателя быть «модным», «крутым», «настоящим (героем, любовником, солдатом...)» и проч. В свою очередь, стремление реализовать эту модель в жизни, совпасть со своим идеализированным образом в конкретном реальном поступке отвечает потребности человека быть счастливым, что в ситуации атаки, которую осуществляет индустрия массовой культуры, весьма агрессивно навязывая субъекту разнообразные, но все же конечные идеализации собственного «Я», слишком часто означает быть другим. Из-за этого стремление субъекта совпасть с литературным (и шире – культурным) героем, стать им, как правило, коррелирует со степенью его социальной фрустрированности и невротизации, обусловленной осознанием его реального несовпадения с идеальным образом. Иначе говоря, массовая культура провоцирует невроз и одновременно предлагает формы его психологической компенсации. Одной из таких форм является описанный выше «сценарный перенос», то есть перенос тематизированных элементов сюжета в реальное пространство собственного существования.

Способы проявления такого «сценарного переноса», очевидно, разнообразны и зависят от допустимости совершения того или иного поступка в реальности. В этом смысле произведения реалистического типа обладают определенным преимуществом перед произведениями нереалистического типа, поскольку описываемые ими сценарии поведения принципиально могут быть повторены читателем в жизни. Однако реалистический тип повествования таит в себе и определенную угрозу, связанную с возможностью неосознанного «сценарного переноса», то есть такой ситуации, когда стремление быть персонажем приводит к тому, что читатель, сам того не замечая, реализует в жизни поведенческий сценарий из литературного произведения. Как известно, уже сентиментализм и романтизм дали большое количество примеров такого переноса, наивность которого высмеивал «элитаристски» ориентированный модернизм (достаточно вспомнить Эмму Бовари).

В нереалистических повествованиях или в тех повествованиях, желаемый поведенческий сценарий которых, не может быть реализован в реальности, потребность в идентификации приводит к возникновению особых форм ее проявления. Одной из них является уже упоминавшийся фанфикшн: «Пытаясь создать оригинальное, потенциально популярное в фандоме произведение, автор, не наделенный особым писательским талантом, нередко прописывает себя в фанфикшене либо среди любимых героев, либо в качестве любимых героев». Здесь действует принцип «самовнедрения» (self-insert). Так, автор фанфика создает персонажа, наделяя его автобиографическими чертами, или ведет повествование от лица субъекта, который «является носителем и выразителем фантазий автора фанфика, пережитых во время прочтения произведения-источника» [4, с. 20 - 21]. В этом смысле вымышленный сюжет фанфика становится иллюзорным пространством, в котором, пусть и суррогатным способом, можно реализовать стремление «быть как герой». Несколько более «реальный» способ реализации совпадения читательской субъективности и литературного образца – разного рода ролевые игры. В рамках этих игр читатель получает возможность воссоздать в реальности вымышленный мир произведения, тот вымышленный мир, в котором он может воплотить в жизнь такие желанные нарративные сценарии, как бой на мечах, бал и т.п. Оставляя в стороне вопрос о психосоциальных аспектах такого рода практик, заметим, что они реализуются только на базе произведений массовой литературы, причем преимущественно тех, которые порождают вторичные тексты и разного рода мультимедийные среды. По этой причине реализуемый в жизни сценарий обычно должен соответствовать если не букве, то духу трансмедийного источника.

Таким образом, текст массовой литературы интегрирован в жизненный нарратив читателя несколько иным образом, чем текст «высокой литературы». Встраиваясь в телесные практики повседневности, он реализует

три принципиально различные группы специфических функций, затрагивающие разные аспекты телесного опыта читателя: 1) собственно «соматические функции», связанные с потребностью читателя отвлечься от рутинных дел, занять себя чем-либо в дороге, заснуть и т.п. (литература как психосоматический стимулятор); 2) функции поддержания групповой и трансгрупповой идентичности посредством акта чтения, который сам по себе получает особый социальный смысл (литературный текст как объект фетишизирующего акта потребления, последний же реализуется в виде социально маркированного поведенческого сценария); 3) функции «трансцендентной идентичности», отражающие разнообразные идеализации собственного «Я» (литература как источник идеальной модели самореализации, подталкивающий читателя к повторению в реальной жизни описанного в произведении поведенческого сценария).

Список литературы

1. Костина А. В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности: автореф.... дис. д-ра культурологии. – М., 2009.
2. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – С. 817 – 826.
3. Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства // Самопознание европейской культуры XX века. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. – С. 230 – 263.
4. Прасолова К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж. Роулинг): автореф.... дис. канд. филол. наук. – Калининград, 2009.
5. Рикёр П. Повествовательная идентичность // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: Academia, 1995. – С. 19 – 37.
6. Спиридонов Д. В. Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2010. – №1-2. – С. 154 – 166.
7. Baldick Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. – Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1990.
8. Maryl M. The apology of popular fiction. Everyday uses of literature in Poland // Directions in Empirical Literary Studies. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – P. 317 – 328.

Национальная картина мира в романе Григория Ходжера «Конец большого дома»

Статья раскрывает особенности изображения национальной картины мира в романе Григория Ходжера «Конец большого дома». Показывается, как автор с помощью детального воспроизведения охотничьего и рыболовного промысла, подробного описания быта нанайцев добивается создания картины традиционного уклада жизни, родовых устоев.

The article describes the peculiarities of the national picture of the world in Gregory Khodzher's novel «The End of the big house». With the help of a detailed reproduction of hunting and fishing, a detailed description of Nanai people's life the author manages to establish patterns of traditional life.

Ключевые слова: Г. Ходжер, роман «Конец большого дома», национальная картина мира, нанайская литература, традиционный уклад жизни.

Key words: G. Khodzher, novel «The End of the big house», national picture of the world, literature of Nanai, patterns of traditional life.

Первая книга трилогии Григория Ходжера «Амур широкий» носит название «Конец большого дома» (1964) – это первый нанайский роман. В нем автор обратился к событиям конца XIX – начала XX веков на примере жизни нанайской семьи, показав вековой родовой уклад жизни нанайцев. Роман примечателен тем, что подробно изображает традиционный образ жизни нанайцев и процесс начала перемены жизненного уклада нанайской народности, разбросанной по всему Амуру широкому. Название книги говорит за себя: в романе показан процесс ломки старого уклада жизни на примере одной большой семьи, одного «большого» дома, главой которого является старый нанайский охотник и рыбак Баоса Заксор, дому которого приходит конец.

История начинается с картины отчаянного смятения хозяина большого дома Баосы, который не может себе представить, что некогда дружный, сплоченный вокруг главы большого семейства, дом теряет былую мощь и равновесие. Вначале он еще верит, что может удержать сыновей и их семьи от отделения, внушает себе, надеется на вековую приверженность, преданность их родовым традициям и беспрекословное повиновение отцу. По Баосу, ценность «большого» дома заключается в общем труде во благо всей семьи – каждый из семейства, будь то мужчина, женщина или младенец, выполняет свои функции в жизнедеятельности дома, каждому определена своя роль. Мужчина – добытчик: рыболов, охотник; женщина – хранительница очага: ей доверено обрабатывать добычу, варить из нее еду,

обшивать сородичей. Старый Баоса, да и все охотники-нанайцы, были крепко убеждены в том, что природа является матерью-кормилицей для всех людей земли, ведь нанай так и переводится на русский – человек земли, и потому законы природы, соблюдение их – это непреложная истина, которая прививается каждому нанайцу с самого рождения. Баоса последовательно передавал эту истину своим внукам. Он считал, что для охотника главным является выдержка, закалка. Баоса внушал внукам, что те должны научиться понимать язык ветра, звезд, листьев и травы, всяких зверей, птиц и букашек. Все это потребуется для жизни, удачной охоты и рыбной ловли, безопасной поездки и хорошего сна.

Григорий Ходжер красочно и живо описывает различные моменты быта, промысла нанайцев. Знание жизни и быта собственного народа не понаслышке, не извне, а изнутри помогли писателю в создании ярких образов: представителей старого и молодого поколений нанайцев. Старое поколение представляют Баос Заксор, Ганга Киле, Холгитон, молодое поколение – Полокто, Пиапон, Дяпа, Калпе, Пота и другие.

Василий Ефименко, исследователь творчества Г. Ходжера, уверен, что нельзя не обратить внимания на образный, сочный язык романа. Он считал, что так, как пишет Григорий Ходжер, мог написать о нанайцах только сын этого народа [1, с. 351]. Действительно, автор проникновенно и с глубоким пониманием, вникая во все тонкости и подробности жизни своего народа, передает нам картину нелегкого ежедневного промысла, связанного с Амуром. На Амуре нанайцы ловили рыбу, которая являлась для них основным пропитанием. У каждого рода имелось негласно закрепленное за ним место ловли рыбы: Баоса с сыновьями, снохами и внучатами каждый год приезжал на свою тень – длинную песчаную косу на Амуре, где и промышляла семья. Также за родом были закреплены охотничьи угодья – участки в лесах Приамурья, где каждый таежник как свои пять пальцев знал границы своего участка. Ошибки в тайге не могли случаться, в тайге ошибались однажды. «Все верховские, низовские нанай, орочи за Сихотэ-Алинским хребтом, эвенки за Северным хребтом – все знают свои участки» [2, с. 58]. Жизнь их полностью зависела от природных условий и времени года. Подготовка к промыслу, охота и рыбная ловля продолжались круглый год. Весной, после таяния снегов, проходила заготовка липовой коры для веревок, летом добывали рыбу острогой, сетью, неводом, заготавливали бересту. Из бересты готовили туески для ягод, матаху для разделанной рыбы и для отсеивания от ягод мусора, туески для хранения круп, соли и других продуктов, шкатулочки, коробки для белья, для тканей и различную посуду для еды, делали летние юрты хомараны. Также нанайцы охотились на пантачей – изюбров, лосей, жили в берестяных летних юртах – хомаранах, женщины обрабатывали, сушили рыбу, готовили таксу – любимое блюдо нанайцев из рыбьего паштета, готовили сухой тальник, параллельно шла подготовка к кетовой путине, которая приходилась на

осень. В августе проходила охота на уток, в сентябре – на селезня, в сентябре же происходила ловля кеты, заготовка юколы, рыбьего жира из кеты. В октябре нанайцы ловили неводами сазанов, толстолобов, верхоглядов, ремонтировали охотничье снаряжение: лыжи, нарты, самострелы, в ноябре наступали холода, шла шуга, а как станет Амур, начиналась настоящая охота на соболя, белку, енота, лису, колонка. И так круглый год. Большой дом, в котором раньше дружно жили сам Баоса с тихой и бесправной женой, старший их сын Полокто с женой Майдой и детьми, средний Пиапон с женой Дяриктрой и детьми, младшие сыновья, неженатые Дяпа и Калпе, начал распадаться с уходом–побегом Идари, младшей дочери Баосы. Она ушла с Потой – младшим сыном бедного соседа Ганги.

Григорию Ходжеру удалось передать внутреннее состояние главного героя Баосы Заксора после того, как тот понимает, что младшая его дочь Идари уже не вернется в большой дом. Ярость от позора, навалившегося на него, ревниво оберегающего старинные обычаи, род, кидает старого Баосу в погоню за беглецами. Баоса руководствуется единственным чувством, владевшим им на тот момент, – мезтью. Он опозорен – украли дочь, похитили ее из дома без тори – калыма. Немыслимое дело: фанзы и амбары открыты, богатая лавка китайца никогда не запирается, но не было случая, чтобы пропала какая вещь из фанзы, амбара или лавки. Для нанайцев украсть – это страшное дело, этот издревле, почти врожденный устный закон со временем почти утрачен. А тут у него среди бела дня украли такую ценность – дочь. «Идари должна была без тори уйти в дом Гаодаги, обмен не получается. Гаодага будет у меня требовать тори за свою дочь Исоаку. Да, выходит, я ограблен Потой. Ну, нет, Пота, я тебя разыщу, я тебя, вора, на дне Амура разыщу» [2, с. 92]. Баосу мучает эгоистичное чувство собственности – у нанайцев женщина в доме считалась товаром. При этом отец Идари с глубоким сожалением подсчитывает, сколько нужного товара он мог бы купить, если бы Пота заплатил тори за его дочь, – порох, ружье, табак, материю для нового халата, чай, огненную воду – все, что необходимо для таежного человека, охотника.

В своем романе автор откровенно и правдиво раскрывает истинное положение женщины у нанайцев, двойное отношение к ней: женщина вызывает чувство уважения как хранительница очага, продолжательница рода, вместе с тем никто не скрывает неприязни к женщине, потому что она исконно считалась «грязной», «оскверненной». Для мужчины-охотника ничего хуже и страшнее нет, чем впустить женщину в свою часть амбара, где хранятся охотничьи принадлежности, перед предстоящей охотой: тогда по поверьям нанайцев удача могла запросто покинуть добытчика. А самой плохой приметой называли старики, когда «грязная» женщина поднимается в амбар, а под ним оказывается охотник, тогда его всю зиму будут преследовать неудачи, и звери даже не допустят его близко. Через весь роман проходит мысль о подневольном положении женщины-нанайки: по нанай-

ским законам, купил жену, заплатил за нее тори (калым), хочешь – живи с ней, хочешь – перепродай, а хочешь – убей, так понимали участь женщины большинство нанайцев. Она не смела садиться за один стол с мужем: только после него женщине полагалось принимать пищу, ей с детства была уготована участь быть проданной за того, кто выкупит ее за тори (калым); мужчина мог запросто накричать, избить женщину, что воспринималось домочадцами как должное. Такое отношение к женщине было принято не только у нанайцев, но и у многих народов Севера (нивхов, юкагиров, эвенков). С течением времени оно стало меняться: в настоящее время нанайская женщина имеет равные права с мужчиной и как хозяйка дома, и как полноправный член общества. В сознании нанайцев все же сохраняются пережитки прошлого, связанные с древнейшим языческим верованием и мышлением народа, ведь исконным занятием нанайца считается охота, рыболовство. А какой настоящий охотник не пожелает, чтобы удача ему сопутствовала на охоте или рыбалке. Некоторые традиции все же чтутся нанайцами и сейчас.

Тихо умирает жена Баосы, всю свою жизнь посвятившая дому, детям, не видевшая ласки от мужа, не слышавшая доброго слова от него: «Баоса рыдал, опустив голову между колен. Пиапон стоял возле него, и ему казалось, что отец раскаивается за свое буйство, за свое несправедливое отношение к жене – сколько раз он ее избивал без всякой на то причины, сколько раз обвинял в несуществующих грехах» [2, с. 146]. Вместе с тем Григорий Ходжер вывел другие образы нанайских женщин, не чурающихся никакой работы, искусниц-вышивальщиц, мастериц по пошиву одежды и обуви, умеющих обрабатывать рыбу и мясо, готовить разную еду из них. Таковы главные героини Идари, Кэкэчэ и Майды: «Кэкэчэ вышивала узоры на халатах, она была мастерица и выдумывала много новых забавных орнаментов. Она сперва выводила их на черной материи мучным раствором, если не нравились какие завитки, она смывала рисунок и выводила новый. К ней приходили соседки с полосками бересты и чуруэном, переводили придуманный узор. Идари с малых лет умела выполнять все женские работы, она плела корзины, циновки, делала всякую посуду из бересты, обрабатывала шкуры зверей и рыбью кожу, шила халаты, обувь, варила еду и обрабатывала рыбу. Во всяком деле она могла бы поспорить с любой женщиной, но в вышивании узоров не могла сравниться с другими и теперь с прилежностью училась этому мастерству у Кэкэчэ» [2, с. 262]. Женщинам в большом доме всегда находилось много дел, они не могли присесть отдохнуть, посплетничать. Хозяйке дома приходилось особенно тяжело – она была загружена работой вдвое больше остальных женщин, потому что на ее плечах держалось все хозяйство. Она была привычна ко всякой работе, пристегнув к поясу свою толстую, длинную, почти до пят, косу, прибирая дом и в амбаре, успевала обработать рыбы кожи и накормить многочисленных собак. Поэтому у нанайцев, как и у большинства се-

верных народов (чукчей, нивхов, удэгейцев, эскимосов и др.), был обычай, скорее, необходимость в том, чтобы приводить в дом вторую жену, даже третью (кто способен был их прокормить), чтобы одна за очагом смотрела, другая рожала, третья шила, штопала, обрабатывала.

Первым после Идари покидает большой дом старший сын Баосы Пиапон, отличный охотник, со спокойным нравом, всегда рассудительный, немногословный, совет с которым держат все в стойбище. В отличие от других ему присуще чувство жалости к женщинам, истоком чего была сопровождавшая с детства любовь и жалость к своей матери. В Пиапоне автор отмечает неподдельный интерес ко всему новому, стремление самому все испытать, его терпеливый и добродушный нрав. Твердая позиция в спорных ситуациях всегда притягивала и располагала к себе его сородичей. Верный родовым традициям, Пиапон долго не решался выйти из большого дома, но властность Баосы, не прощающего любых отклонений, нарушений заведенного порядка, заставили его восстать. При этом он объясняет младшему брату Калпе: «Я ругался не с отцом, а с главой большого дома, который держал нас связанными по рукам и ногам» [2, с. 224]. Здесь мы видим разложение и крушение не просто «большого» дома и «большой» семьи, но и древнего культа нанайцев – уважение и почитание старших семьи и рода: никто из молодых мужчин не смел ни спорить, ни противоречить и тем более повышать голос на старших и стариков, слова и приказы которых звучали как закон и неукоснительно соблюдались, потому что только они могли обучить и воспитать детей и внуков в суровых условиях выживания.

Слепое подчинение старым предрассудкам заставляло няргинцев безоговорочно принимать доводы шаманов, молиться, просить избавления от разных недугов. Соседнее стойбище Хулусэн и его священный жбан – сосуд для молений известны были всем нанайцам Амура, Уссури, Сунгари, и люди приезжали сюда издалека помолиться эндури – богу Неба и Земли, от которого зависит счастье в жизни, удача на охоте, зачатие бесплодной жены, излечение от болезней и пр. Случалось, что приходилось устанавливать очередь к жбану счастья: один день молилась одна семья и устраивала угощения, на следующий день – другая, потом третья. Моления всегда сопровождались беспробудной пьянкой. Так продолжалось изо дня в день вплоть до кетовой путины, а по окончании ее начинались другие родовые моления. Постоянная зависимость от погодных условий, как следствие, неудачи в рыбной ловле и охоте постепенно зарождали в душах нанайцев сомнение, недоверие к вредным обычаям, постепенно на смену отмирающих суеверий приходила трезвость размышлений, попытки аналитического оценивания различных человеческих поступков.

Знакомство и дружба с русскими, постепенно населяющими Приамурье, вносят в жизнь нанайцев разнообразие. Они и раньше общались с русскими торговцами, которые старались обманом выменять у них пушнину,

рыбу. С новыми русскими их начинает связывать взаимопонимание, от них нанайцы видят поддержку, такими русскими выступают в романе Митрофан, доктор Харapai Василий Ерофеич. Общение с ними углубляет противодействие Пиапона старым родовым установкам, таким, как запрет трогать снаряжение, инструменты без согласия главы большого дома. Он решается без спроса взять невод из амбара для спасения от голода жителей стойбища – прямой вызов старым обычаям, нарушение устоявшихся норм – так происходит разрыв между оправданными, но противоречащими взглядам представителей родоплеменной общности действиями. До этого случая нанайцы, рискуя жизнью даже, не посмел бы забрать то, что собственно не принадлежит ему, без позволения на это хозяина.

Совместная жизнь в большом доме для Пиапона становится невозможной. С уходом Пиапона, Полокто Баоса Заксор теряет свое верховенство в доме, для него унижителен процесс дележа общей добычи после коллективного улова. Долго старый нанайец тешил себя надеждой восстановить размеренное течение жизни в большом доме, некогда объединенном общим промыслом, общим бытом, общим законом, что помогало сохранять жизнь в большом доме, но процесс этот оказался необратимым. Мужчины, старшие сыновья Баосы со своими женами и детьми, начали обустройство своих собственных жилищ, начали отдельную от большой семьи жизнь. С этого момента уже становится ясно, что с разложением самого крепкого и уважаемого в Нярги «большого» дома начинается постепенное разложение старого уклада жизни всего нанайского стойбища.

Согласно замечанию исследователя литературы народов Севера О. К. Лагуновой, «сознание мастеров слова младописьменных литератур Севера ориентировано на традиционную культуру» [3, с. 16], Григорий Ходжер, опираясь на знание истории и традиций своего народа, смог раскрыть и представить нам национальный мир, этническую картину его жизни.

Творчество прозаиков Севера, как отметила Ю. Г. Хазанкович: «...стало поистине новой вехой в истории становления прозы коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири: они обогатили и усовершенствовали ее поэтику через проникновение в суть национального характера, национальной психологии и национального менталитета в реальном историческом контексте» [4, с. 60]. По нашему убеждению, данное высказывание по праву можно отнести и к творчеству Григория Ходжера. Изображая жизнь собственного народа, его психологический склад, суровую жизнь в прошлом, писатель показывает, как казавшиеся устойчивыми древние родовые обычаи и традиции нанайцев на поверку оказываются хрупкими во время больших перемен в России. Вместе с изменением древнего уклада жизни нанайцев меняются и мышление их, и сознание, а вместе с этим и нормы морали и законы нравственности, помогавшие им в условиях сурового выживания на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Ефименко В. Первый нанайский роман и его автор // Ходжер Г. Амур широкий: Роман. Кн.1: Конец большого дома. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979. – С. 345 – 351.
2. Ходжер Г. Г. Амур широкий. Книга первая. Конец большого дома. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979.
3. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2008.
4. Хазанкович Ю. М. Проза коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири в критике 1970-1990-х годов // Вестник ЯГУ. – 2007. – № 3. – Т. 4. – С. 58 – 61.

Образ автора в позднем творчестве В. Галека

В статье рассмотрен рассказ «На выделе», относящийся к позднему периоду творчества чешского писателя В. Галека. Целью исследования является анализ способов презентации автора в прозе В. Галека раннего и позднего периода. Выявляется, что в рассказе «На выделе» автор впервые открыто выражает свою позицию через символику, лирические отступления, образность, критику героев и общественно-политического несовершенства общества.

In the following article it was described «Na vejminku»/»Living on a soil lot» story, that rerefferes to late prose of Czech writer V. Hálek. The aim of investigation was to show how author is revealed in the text of the piece and what are the differences by contrast to early works. It was found out that for the first time in his prose compositions author overtly expresses himself through symbols, lyrical digressions, imagery, criticism towards the characters and imperfections of public policy life.

Ключевые слова: В. Галек, чешская литература, проза, автор, рассказчик, герой, образность.

Key words: V. Halek, Czech literature, prose, author, narrator, character, imagery.

Творчество Витезслава Галека (1835 – 1874) оставило большой след в культурной и духовной жизни чешского народа. Галек был организатором литературного движения 60-70-х годов XIX века. Вдохновленный природой родного Мельницкого края, он создал удивительно проникновенную лирику, в прозаическом творчестве с необыкновенной глубиной показал жизнь чешской деревни, выступал как редактор передовых чешских изданий.

Проза писателя, к сожалению, остается мало исследованной как в русском, так и в чешском литературоведении. В данной статье на примере повести «На выделе» мы рассмотрим особенности поздних произведений В. Галека, сконцентрировав внимание на проблеме образа автора и способах выражения авторской позиции в тексте. В. В. Виноградов в своих трудах особое место отводил именно этому вопросу, ведь образ автора – это центральное понятие для поэтики и стилистики, «концентрированное воплощение сути произведения» [1, с. 182].

Повесть «На выделе», одна из самых известных и значимых повестей Галека, появилась в 1873 году и явила собой своеобразный вариант «Короля Лира» У. Шекспира. В основе сюжета лежит важная и болезненная для чешского народа проблема – выделенчество. На протяжении многих лет существовал порядок отправлять пожилых родителей на выдел. Они прекращали вести хозяйство, уступая место молодым. Зачастую дети превращались в полновластных хозяев: отношение к выделенным родителям редко было хорошим, они жили в унижении и влачили жалкое существо-

вание. Повесть «На выделе» как раз касается этой проблемы в рамках истории одной чешской семьи.

Открывается произведение известием о смерти Лойки – старика, давно жившего на выделе. Его сын (тоже Лойка) с женой спокойно восприняли эту новость, но вместе с тем, прекрасно осознавали, что теперь наступает черед им отправиться на выдел. Лойка полагал, что его сын Йозеф и будущая невестка Барушка будут уважать старших и относиться к ним с почтением, но на деле они стали обращаться с ними хуже, чем с прислугой. Только оказавшись на месте своего отца, Лойка понял, что сам заслужил к себе такое отношение, ведь он всегда потакал жене, которая «натравливала» его на родителя. Теперь вышло наоборот: судьба сыграла с ним злую шутку. Единственным человеком, который отличался от всех членов семьи, был младший сын Лойки, тринадцатилетний Франек, добрый и искренний мальчик. Он очень любил дедушку, поэтому его смерть стала для ребенка настоящей трагедией. Придя однажды на могилу к деду, он познакомился со Стазой, девочкой, которую вырастил и приютил после смерти ее матери могильщик Бартош. Этот поступок осуждали люди, так как Стаза была незаконнорожденным ребенком, но доброму и справедливому Бартошу это не было важно. Дети подружились и почти все время проводили вместе. Видя, во что превращалась его семья, Франек ушел из дома и стал вместе со Стазой бродить по лесам и полям, природа стала для них домом. Лойка долго терпел унижения и грубость своего сына Йозефа, но однажды решил по примеру Франека уйти из дома. Он стал ходить по деревням с музыкантами, рассказывая людям о своей горькой доле. Йозеф пытался вернуть отца домой, но тщетно. Вскоре он стал для округа объектом насмешек, поэтому продал усадьбу и уехал из деревни. Опекун Франека купил дом на имя мальчика, и после отъезда Йозефа и Барушки все возвращается на круги своя, Лойка вновь обретает усадьбу, где стали царить любовь, уважение, взаимопонимание и радость.

Отношение автора (или рассказчика) к изображаемому в повести и рассказе более явно, чем в романе или новелле. Это сложилось исторически, так как старое значение термина «повесть» — это «весть о каком-то событии» — указывает на то, что этот жанр вобрал в себя устные рассказы, события, которые лично видел или о которых слышал рассказчик [4, с. 271 – 272]. В заглавие повести («На выделе») вынесена главная проблема произведения. Показательно, что повествование тесно связано с авторским ощущением этой проблемы и пониманием аксиологической значимости описываемого вопроса для читателей-современников.

Перед нами повествователь, для которого деревенская среда является органичной и естественной. Повествователь сливается в тексте повести с автором, о чем свидетельствуют такие фразы, как «в наших краях бытует обычай», «самое трудное для писателя – изображать неутешительные сто-

роны действительности» [2, с. 154], или «давайте же и мы зайдем туда через год» [2, с. 216].

Итак, главной проблемой повести стал вопрос о выделенных родителях. Галек выражает собственное отношение к этой проблеме, а также дает характеристику героям через призму восприятия выделенчества, при этом подчеркивая типичность этого явления. «Помня, как вели себя Лойка и его жена <...>, можно было бы предположить, что перед нами жадные и корыстные люди. Но это был бы слишком поспешный вывод. Они этим не отличались от тысяч других крестьянских семей. Старик на выделе – все равно что вор, от него всегда убыток хозяйству <...>. К сожалению, супруги не были в этом смысле ни на волос хуже других; подобного Лойку вы наверняка найдете в каждой второй или третьей деревне...» [2, с. 137]. В. Галек гневно осуждает этот страшный пережиток чешской деревенской жизни: «Самое трудное для писателя – изображать неутешительные стороны действительности <...>. Из всех вопросов, которые волнуют наше общество, пожалуй, острее всего стоит вопрос о выделенных родителях; это подлинное обвинение человеку. Не надо непременно покидать Европу, чтобы увидеть рабов и рабовладельцев. Они есть у нас, в нашей отчизне, ты найдешь их в любой деревне <...> отвратительно, что закон терпит, даже одобряет такие порядки <...>. Закон допускает, чтобы сын становился врагом собственного отца, обычай и нравы освящают преступление, а отупевшая природа уже не поднимает своего голоса» [2, с. 155].

Галек впервые на страницах своих произведений так резко высказывается против существующего порядка, это лирическое отступление звучит как обвинение. Подобное характерно не только для повести «На выделе», стиль повествования в других произведениях позднего периода аналогичен («В усадьбе и в хижине», «Возле пустынного холма», «Пражский извозчик»). Частое употребление личных местоимений «я» и «мы» максимально приближает автора-повествователя к рассказываемому и к читателю, такое же открытое выражение собственной позиции мы видим в лирических отступлениях. Галек таким образом сочетает эпическое повествование и драматический диалог. Позднее творчество Галека наполнено авторскими философскими размышлениями, описаниями природы родного края в ее взаимосвязи с человеком, писатель продолжает демонстрировать знание деревенских обычаев и национального фольклора. Хочется отметить, что мы впервые видим такие большие по объему авторские отступления, для ранних произведений писателя это было не характерно. Степень авторского голоса в тексте такова, что читателю даже не требуется воссоздавать образ автора. Автор не прячется за формальным рассказчиком, героем, не пытается обезличить себя, скорее наоборот, нарочито подчеркивает свое присутствие.

В повести «На выделе», как и в ранних произведениях, Галек не дает портретных характеристик героев, важным он считает их внутренний мир

и поступки, по которым и можно судить о личности персонажа. Психологию и образ жизни героев раскрывает их речевая характеристика, которая приобретает бóльшую выразительность. В прозе позднего периода вновь значительное внимание Галек уделяет прямой речи героев, но эти диалоги теперь имеют оценочное значение. Автор подробно описывает персонажей (Лойка, Стаза, Бартош, Вена). Так, говоря о Лойке, несмотря на его отношение к выделенному отцу, отмечает, что его герой «отличался многими хорошими качествами чешского крестьянина. Они с женой были гостеприимны, отзывчивы, добры к людям... Нищий у Лойков всегда получал подавание» [2, с. 138 – 139]. Большой фрагмент произведения посвящен описанию типичных деревенских персонажей, которым Лойка предоставлял крышу над головой: это и коробейник из Домажлиц, и холстомер, и решетник, и лудильщик.

Особое место в повести занимает деревенский посыльный Вена, который жил в доме старого Лойки. Он представляет собой чешский вариант шекспировского шута. Хотя Вена и слыл «грубым на язык и малость придурковатым парнем», его высказывания и умозаключения всегда были справедливы и истинны. Вена, рассуждая о проблеме выделенчества, говорит: «Пороть бы вас каждый день с утра, мужики, коли вам наплевать на выделенного отца! Будь моя власть хоть на денек, – я бы вам показал! И как это можно – сын хочет клочок отцовского поля скосить! Да разрази его гром!» [2, с. 115]. Вена, как и шут в «Короле Лире», появляется в тексте повести всегда в нужный момент. По сути, он становится выразителем авторской идеи о том, что в проблеме выделенчества виноваты сами люди, которые не могут переломить существующий порядок. По словам автора-повествователя, Вена «каждому отвечивал свое, в шутку либо всерьез. Его шутовство будило общее веселье, разгоравшееся еще сильнее, когда Вена резал людям правду в глаза – ведь мы нередко самую горькую правду принимаем со смехом. Такова уж ее участь» [2, с. 139].

Частое употребление местоимения «мы», а также прямое обращение к адресату показывает автора как собеседника воображаемого читателя, автор встает рядом с персонажем и дает понять читателю, на стороне какого героя находятся его предпочтения.

Вторая глава повести посвящена описанию деревни Бишицы. Топографически подробно и четко автор воссоздает хорошо известные ему картины мест, добавляя такие детали, которые делают повествование еще более достоверным: «В Бишицах была часовня, рядом с ней – старое кладбище... новое кладбище находилось подальше, в четверти часа ходьбы от села. К западу от Бишиц простиралась возвышенность, которую можно было от края до края пройти за полчаса. Оба ее склона были размежеваны на отдельные полоски и распаханы, а по самой высокой части пролегал проселочная дорога» [2, с. 120].

Особое место как в поэтическом, так и прозаическом творчестве В. Галека, несомненно, занимает природа. Именно в описаниях природы,

характеризующих родной писателю уголок чешской земли, зачастую кажущихся незамысловатыми и предельно простыми, ярко проявляется авторский голос. В. Галека использует знакомые нам культурно-исторические символы (образы неба, месяца, скал, ветра), а также прибегает к приему олицетворения: «Если в полях жило что-то побуждающее к пению, танцу, то здесь, в лесу, обитало нечто иное, оно само говорило с человеком, заставляя его лишь молчать и слушать...» [2, с. 172]. Порой лирическое отступление кажется излишне перегруженным частностями, но четко прописывая детали, автор позволяет лучше понять своих героев. Благодаря метафоричному языку, олицетворениям еще ярче демонстрируется взаимопроникновение природы и человека.

В повести «На выделе» ярче всего проявилось влияние идей руссоизма, которые были весьма популярны в это время в Чехии. Учение Ж.-Ж. Руссо явилось реакцией против безраздельного господства разума и провозгласило права на равное существование чувства. На страницах повести неоднократно встречается мысль о том, что природа есть самый лучший и справедливый учитель, она является благом, которое способно дать даже больше, чем родители. О связи природы и человека говорят сравнения. Как правило, человек у Галека сравнивается с птицей: «так они и сидели рядом, как два птенца в гнезде» [2, с. 134], «бродячие музыканты – перелетные птицы» [2, с. 138]. Описания природы в тексте чаще связаны с образами детей, ведь только детская душа может быть такой же естественной и настоящей. Именно через призму восприятия ребенка, его устами повествователь говорит о природе, которая в одни моменты – величественный огромный храм со звучащим органом, в другие – простой и гостеприимный дом, где всегда ждут: «Порою дети переставали слышать <...> и ощущать окружающее их величие; торжественные звуки органа умолкали в их сердце, и они начинали замечать вокруг себя простое, понятное <...>. Каждый из наших милых бродяг брал от леса свое, но, когда они делились своими думами о нем, лес представлял перед ними во всей своей полноте» [2, с. 173].

Практически вся восьмая глава повести пронизана поэтическими описаниями природы. В этих лирических отступлениях мы отчетливо слышим авторский голос. Н. А. Кожевникова [3], говоря о плане автора и плане персонажа, отмечает, что для плана персонажа характерно включение характерологических средств, что напрямую зависит от тех тематических элементов, в которые они включены. В ранних произведениях В. Галека действительно можно было наблюдать некую разнородность текста, речь персонажей отличалась концентрацией характерологических средств и их экспрессией. Стилистический рисунок рассказов был разнообразен, поэтому мы более четко могли увидеть дистанцию между автором и героями. В прозе позднего периода явные стилистические колебания отсутствуют, речь автора-повествователя и героев однородна, часто мы видим позицию всеведущего автора, способного давать оценку происходящему и характеризовать внутреннее состояние героев.

Авторские оценки реализуются в комментариях к поступкам героев и их эмоциональному состоянию: «На лице у сторожа было написано явное желание оттащить Вену за волосы или надрать уши» [2, с. 113]; «Франек удивился, что девочка словно прочитала у него на лице то, что творилось в его душе» [2, с. 130]. Часто, описывая поведение и нрав своих героев, автор формулирует мысль, важную для любого человека, таким образом, комментарий и дополнение к образу героя становится небольшим лирическим отступлением: «<...> едва Стаза ступит на зеленое поле, с ней происходит такая перемена: весело блестят глаза, лицо сияет радостью, каждая жилка играет <...>. Но ведь иначе и быть не могло: человек не создан единственно для печали и серьезных мыслей – веселость необходима ему, как солнечный свет» [2, с. 159]. Автор-повествователь иногда напрямую вступает в диалог с читателем: «Что же еще рассказать вам? Франек снова стал уходить из дому, но теперь было уж точно известно, куда он держал путь. А вот на сей раз вы могли бы ошибиться» [2, с. 208]. Не только автор-повествователь характеризует героев, оценку друг другу дают сами персонажи: Вена и Бартош – Лойке и Йозефу, Вена – Кмоху, отцу Барушки и т.д.

Повесть «На выделе», как уже отмечалось ранее, отличается образностью, Галек использует характерные для поэтического творчества средства художественной выразительности, например, сравнения: «Стазин голосок звенел, как серебряный колокольчик <...> а скрипки и арфы будто роняли слезы» [2, с. 145]; «Эти движения ветра были так слабы, что скорее походили на вздохи» [2, с. 180]; метонимию: «Посмотри, там стоит ель в серой шали» [2, с. 173]; эпитеты и метафору: «Шевелись, гордый язык, выговаривай покорную просьбу! Оберни в шелк грубые слова, чтобы они стали мягче птичьего пуха!» [2, с. 205]; «У старого Лойки было такое чувство, словно ему вложили в грудь новое сердце, а в ушах точно звучала песнь жаворонка» [2, с. 207]; олицетворения: «Если в душе Франека пели и порхали птицы, то в Стазиной душе цвел сад, трепетали радужные краски, бежали ручьи с голубыми незабудками по берегам, вилась ежевика. Душа Франека была полна красотой звука, Стазина душа словно цвела и благоухала» [2, с. 174].

Характерной особенностью деревенской прозы В. Галека является подчеркивание факта максимальной приближенности самого писателя к тому, что он описывает. Для подтверждения аутентичности Галек насыщает повествование фольклорными мотивами (песни, описание обряда, жатвы, дожинок), достоверными картинами природы и мест, где он родился и вырос, культурно-историческими символами: птица символизирует человека, свобода ассоциируется с бескрайним полем и небом, куда летит мысль, не встречая на своем пути никаких преград, зеленая листва – символ обновления и новой жизни, душа Стазы – цветущий сад с радужными красками, ущелье – храм.

Повесть имеет счастливый финал. Возвышенная любовь и доброта носят примиряющий характер. «Мир стал иным, но только теперь открылась

его сущность, недоступная тому, кто не смотрит на него любящими глазами» [2, с. 213]. Этот итог идиллический, как в сказке, где добро всегда побеждает зло, не случайно в финале мы читаем: «долго они стремились к этой идиллии, долго блуждали в поисках ее, но все же нашли» [2, с. 217].

Условно повесть «На выделе» строится на противопоставлении двух миров: мира Лойки (мрачного, лицемерного) и мира детей (светлого, чистого, бесхитростного). Мир светлый окрашивается печалью и ужасом трагедии. Люди, живущие предрассудками, противостоят детям, чье существование представляет собой гармонию с природой. Произведение отличается, прежде всего, тем, что победу одерживают природа и «естественный человек», способный любить. Как отмечалось ранее, именно любовь для писателя была центром, который способен объединить людей, поэтому нет всеобщей концентрации на мрачном безрадостном существовании, добро пытается уравновесить собой зло, в итоге одерживая победу. Все здесь проникнуто искренностью, так как большое внимание уделено образам детей. Задача автора и состоит в том, чтобы показать читателю, что все зло и несправедливость человеческая ничто по сравнению с чистотой и истинностью природы. Продолжением природы в повести выступили Франек и Стаза, чьи доброта и уважительное отношение к окружающему миру явились основополагающими в разрешении главного конфликта – эту мысль автор подчеркивает неоднократно.

Роль автора именно в этом произведении велика еще и потому, что на его страницы В. Галек перенес историю своих взаимоотношений с собственным отцом. В истории Лойки и Франека слышится личная проблема писателя. Он также одиноко чувствовал себя, когда семья отвернулась от него, не поддержав в решении продолжить образование. Боль покинутого ребенка навсегда осталась в его сердце. Впервые в прозаическом творчестве автор открыто выражает свою позицию через символику, лирические отступления, образность и критику общественно-политического несовершенства общества. Нередко своей точкой зрения автор наделяет деревенского шута Вену, который критикует человеческие пороки. В целом же противопоставление плана автора и плана персонажей в зрелом творчестве становится более отчетливым. В повести «На выделе» В. Галек впервые выступает в роли автора, наделенного правом обличать и судить героев и их поступки, что является характерным для позднего творчества писателя.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971.
2. Галек В. Повести и рассказы. – Л., 1985.
3. Кожевникова Н. А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной художественной литературы. – М.: Наука, 1977. – С. 7 – 98.
4. Тамарченко Н. Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения. – М., 1999. – С. 271 – 272.

Национальная языковая картина мира и ее проекция в поэтическом тексте газели Амира Хасана Дехлави «Мухаммад»

В статье описаны функциональные особенности образа в творчестве Амира Хасана Дехлави – суфийского поэта-мистика на материале полной выборки из газели «Мухаммад». Дается общее описание теоретических подходов к анализу образной организации текста, рассматриваются причины создания газели, определяется тематика, место и роль произведения в персидской литературе.

This article describes the functional features of the image in the works of Amir Hasan Dehlavi - Sufi poet and mystic on the material the full sample of gazelle «Muhammad». The author gives a general description of the theoretical approaches to the analysis of imagery of the text, then facts are the reasons for the creation of the analyzed products is determined by topic, place and role of works in Persian literature.

Ключевые слова: условный язык, символ души, микрокосм, персидская поэзия, нравственная чистота.

Key words: conventional sign, symbol of soul, microcosm, Persian literature, moral purity.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. «Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, вследствие чего носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков» [1, с. 67].

Следует заметить, что в суфийской языковой картине мира количество образов, которыми пользуются суфийские поэты, довольно ограничено. Весь их запас сводится к определенным формулам, так сказать, основным типам. Они являются отправной точкой при создании поэмы, стихотворения и т.д. – почти не видоизменяясь: лишь вступая в различные сочетания друг с другом, они направляют ход мыслей поэта-суфия. Если бы эти образы должны были пониматься в буквальном смысле, то, конечно, такое положение вещей могло бы быть признано доказательством бедности мысли поэта, его нежелания вводить в круг своего творчества новый материал. Но в суфийской поэзии дело обстоит иначе. Самодовлеющей ценности образ в ней не имеет вовсе, его назначение – служить только своего рода словесным иероглифом, знаком, прикрывающим собой истинное философское значение. Так как основная тема всякого суфийского произведения предусмотрена заранее и ничего, кроме таухид или вахдати-и вуджуд – единст-

во, в нем воспето быть не может, то отпадает и необходимость в разнообразии материала. На передний план выдвигается вопрос о наиболее целесообразном сочетании тех элементов, которые даны суфийскому поэту заранее, при вступлении на путь изучения философской доктрины. Центр внимания перемещается, основной задачей становится наиболее утонченное использование уже имеющегося материала для уточнения, уяснения проблем суфийской философии, а не введение нового материала путем создания новых художественных образов.

Срывая покров образов, мы за ним находим новый ряд понятий – условные технические термины суфийской философии (истилахат), а раскрытие их уже дает нам возможность по желанию проникнуть еще глубже, взрывать самую философскую почву суфизма в поисках ее субстрата или удовлетвориться полученным результатом, используя его для дальнейшей работы. Объектом нашего внимания в данной статье выступают суфийская языковая картина мира и образ совершенного человека.

Необходимо отметить, что разные модификации оппозиции макро- и микрокосмоса в суфийской картине мира: земная жизнь/небесная жизнь; ложь/истина; временность/вечность; убожество/красота; зло/добро, – в конечном счете приводили к идее о том, что единственная истина, настоящая красота, к которой человек должен стремиться, – это Бог (Аллах, Илаһи), что все хорошее и прекрасное – от Бога. Схожую ситуацию наблюдает Й. Хейзинг. По его мнению, в литературе средневековья оппозиции красота/убожество, добро/зло, материальное/духовное, любовь/ревность, любовь/долг, в конечном счете, имеют отношение к божественному [9, с. 249].

Оппозиция макрокосмос/микрокосмос своими корнями уходит в основные каноны ислама и догмы Корана. Мысль о том, что все живое сотворено Богом, является аксиомой в мировоззрении мусульман. Чтобы объяснить происхождение сущих от Первоначала, восточные перипатетики обращаются к платоновской концепции эманации: первые упоминания об этом имеются в трактатах ал-Фараби [3, с. 31]. Вместе с тем, концепцию эманации – самопроизвольного истечения из Бога некоей благодати, которая трансформировалась из чисто духовной в телесную, пока не становилась стихией (первоэлементом) земли – разрабатывают суфии, основатели течения ишракийя. В трудах Шагабатдина ас-Сухраварди (1155 – 1191) мир описывается как результат особого рода эманации – самопроизвольного истечения Света. Тем самым мир оказывается Зеркалом, в котором реализуется Богоявленность [4 с. 17]. Вот почему в картине мира всегда присутствует макрокосм, оппозиционируя человеку, жизни, реальности, универсалиям. Микрокосмос является тенью, отражением макрокосмоса. Отражение отторгнуто от Бога, но оно Божественно в том смысле, что содержит в себе образ Бога, точнее, этим образом и является [5, с. 16]. Ибн Араби конкретизирует данную концепцию и утверждает, что ясность Зер-

кала мироздания возникла с созданием Адама, преемника Бога на земле. Образ Адама, совершенного человека (аль-инсан аль-камил), повторив образ Бога в зеркале мира, стал вселенской матрицей бытия [5, с. 21].

Здесь, на наш взгляд, уместно выделить специфические черты персидской поэзии. Понять персоязычную поэзию нельзя без адекватного восприятия и скрупулезной интерпретации ее символов. Далеко не все в классических рукописях лежит на поверхности. У них, как правило, свой условный язык, своя специфическая система образов, и без подготовки и углубленной работы, направленной на освоение присущей этим рукописям интертекстуальной логики (а в этом не всегда помогает даже обращение к специальным словарям истилахат-ас-суфийа) порой все же невозможно их правильное прочтение. Вместе с тем анализ персоязычной поэзии требует зачастую и учета их звукописи, ритмической организованности, графической обусловленности буквенной символики, полностью разработанной суфийскими теоретиками. С этой особенностью средневековых текстов логически связана необходимость их рассмотрения как в актуальном мирском, так и в трансцендентном плане. А поскольку суфийский текст многослоен и поливариантен, к нему следует подходить как к билатеральному единству смысла и формы (порой даже графемы). Это помогает выявлять единство макро- и микромира, ибо для суфийской поэзии Бог–Абсолют существует вне нас и в то же время заложен в нас, а стало быть, постижение мира возможно через сопоставление тождественного и сходного. В суфийской картине мира проблема природы Аллаха рассматривается как проблема Пути познания Бога, постижения его сущности. Мистик постигает Аллаха не столько разумом, сколько интуицией: через любовь (ишк) в сердце (калб) он приходит к единению (таухид) путем аскетизма (зухд) и упования (таваккул) на Всевышнего во всем. В классических трудах по персоязычной поэтике нет обобщающего термина «символ», но само понятие – их неотъемлемый атрибут. Без изучения суфийской символики не поддается осмыслению художественно-эстетический и философский аспект лирики. Это становится возможным лишь благодаря теоретическим методологиям и воззрениям таких крупных ученых, как М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, А. Ф. Лосев и Ю. М. Лотман, и при обязательном учете мусульманской герменевтики [11, с. 56].

Суфийская литература изобилует глубокими социально-философскими идеями, ее творцы были не только выдающимися поэтами, но и незаурядными мыслителями. При этом сущностно выражала философское содержание эпохи именно метафора. Основы суфийской доктрины – это таухид – (единение, единство сущего) и вахдати вуджуд (единственность бытия). Это получило четкое философское отражение в трактате «Ишк» («Любовь») Абу Али ибн-Сины (Авиценны), идеи которого нашли свое метафизическое воплощение в некоторых произведениях суфийской поэзии, воспевающих единство природы Аллаха–Абсолюта и материаль-

ного мира, когда все явления этого мира обретают гармонию в единстве и слиянии с Творцом.

Предлагаемое ниже исследование строится на материале суфийских стихов одного из почитаемых поэтов-мистиков Ирана Хасана Дехлави, оказавшего заметное влияние на жанрово-стилистическое направление литературы на фарси в Индии, Иране, Центральной Азии. В своих произведениях он подчеркивал гармоничность сотворенного божественной премудростью мира, проявляющуюся в действии стихий, ходе времени, положении небесных светил, в природе и свойствах растений, животных, самого человека, который как микрокосм противостоит макрокосму и вторяет его. Он учил видеть во вселенной те качества, какими обладает сам человек, и обнаруживать в себе вселенную. И в этой связи микрокосм – не просто малая часть целого, не один из элементов вселенной, но как бы ее уменьшенное подобие, которое столь же целостно и завершено, как и большой мир. Он учил чувству космоса через осознание его порядка. Это чувство подобно интуитивному прозрению, которое одно может перевести индивидуум в новую сферу существования, когда Бог есть вселенная и вселенная есть Бог. Хасан Дехлави обращался к тонкому внутреннему миру человека, провозгласив главный постулат суфизма – самопознание, ставший побудительным стимулом к непрерывной и настойчивой учебе в течение всей жизни при максимальной скромности и житейской непритязательности.

Можно с уверенностью предположить, что в Хасане Дехлави именно под влиянием мистических устремлений впервые появилась склонность мыслить религиозно-универсальными схемами, потребность соотносить житейское поведение с идеалом высокого душевного строя. Он стремился возратить душе ее первородную цельность, учил различать в ней самое подлинное, самое правдивое, ничем неизменным не тронутое, так как человеческая душа имеет два лика: один обращен вверх, к своему настоящему месту, другой – в сторону этого земного мира. Такая самоуглубленность делала непереносимой всякую, даже мгновенную, почти неощутимую неправду. В качестве одного из ведущих концептов, присущих поэзии Х. Дехлави, можно назвать и уже упомянутый выше прообраз совершенного человека. В свою очередь, совершенные качества Пророка Мухаммада инициировали в мусульманской культуре культ джаванмарди – достойного поведения и следования Пути Мухаммада. Одна из газелей Х. Дехлави так и называется «Мухаммад». При создании образа используются сложные религиозные построения, основу которых составляет универсальная семантическая оппозиция «небесное – земное», заложенная в самой мусульманской культуре. Образное сравнение (ташбих) является одним из распространенных средств в Коране. Оно оказало большое воздействие на характер образной основы многих сравнений, вошедших в бесценный

фонд средневековой персидской афористики. Газель Хасана Дехлави, будучи специфической поэтической трактовкой достоинства, гласит:

*Райский сад – описание красоты Мухаммада,
Печать пророков – атрибут совершенства
Мухаммада.*

*Нун и ал-Калам – дар из скрижалей его творения,
Та Ха – указание на красоту Мухаммада.
Трон семи престолов небесных – опора его
Могущества,*

*Одна из ступенек высокого ранга и величия Мухаммада.
Начало радостного праздника и конец скорбного поста
Зависят (от появления) брови, в форме полумесяца,
Мухаммада,*

*Вселенная потому поднялась над щитом земли,
Что (на это указала) изогнутая буква дал (в имени)
Мухаммада.*

*Эти сущностные дары – припасы со стола
Мухаммада.*

*Совокупность даров – от благодеяний Мухаммада.
Освободилось сердце Хасана от уз всякого горя,
Ибо он – раб Божий и Мухаммада, а также из рода
Мухаммада [7, с. 323].*

В основе композиционной структуры газели – мусульманское мироощущение, что требует тщательного анализа ее скрытой сути. Предложенный образ пророка абсолютно прекрасен, а индивидуальные черты несколько размыты, дабы выдвинуть на первый план знакомый всем символ, уподобляющий его красоту райскому саду как чему-то беспредельно прекрасному, божественно совершенному и трансцендентно недоступному. Здесь эзотерический сад олицетворяет земное бытие, вобравшее в себя пространственно-временной континуум – прошедшее, настоящее и будущее. Именно в пространстве райского сада праведники удостоятся созерцания лика Аллаха, пройдя двойной путь (нисхождения – восхождения), сначала вниз, в мир подобного (мисл), затем – вверх, к Свету и единению с Аллахом через постижение его божественной красоты.

Мухаммад выступает не только как конфидент Аллаха, но и как конечная цель творения. Ведь по основной доктрине ислама Аллах создал этот мир и все в нем исключительно ради Мухаммада. Согласно хадисам, первое, что создал Аллах, были Мой Свет, Моя Душа и Моя Сущность. Мусульманские теологи соединяют эти три положения в одно – Сущность (Истина) Мухаммада, то есть высшая ступень духовного совершенства (Хакикати Мухаммад). Из Сущности Мухаммада произошло все сущее. Знание Сущности, или Сущностные Дары были даны Аллахом Мухаммаду

в откровении, поэтому знанием, полученным непосредственно от Бога, обладает только Мухаммад – Печать пророков и он же Печать Святости. В качестве Печати пророков Мухаммад рожден, по земной хронологии, последним, а в вечности он первый из посланников божьих. Но в качестве Печати Святости он «вечный животворный Дух», проявляющийся в нескончаемой плеяде святых.

В учении о пророческой миссии (нубувват) «Сердце Мухаммада», позже «Дух Мухаммада» – «Рухи Мухаммад», есть светоносный источник, озаривший в предвечности светом откровения души людей до того, как они обрели телесную форму. А поскольку понятие калб (сердце) в суфизме связывается с зикром (поминанием Бога), орудие истинного зикра – это не только язык (зикри лисан), но и само сердце (зикри калб). Результатом зикра, совершаемого сердцем, является то, что Аллах поселяется в калбе и становится единственной движущей силой его поступков; суфий приобретает божественную ипостась, а калб становится исключительностью, способной вместить Аллаха.

Следующий бейт требует дешифровки буквы нун из суры «Ал-Калам» Корана. Буква нун, согласно традиции, означает «рыба, чернильница, письмо на Хранимой Скрижали (Лаухи Махфуз), а также сокращенное название Рамазана. Согласно Корану, Лаухи Махфуз (Хранимая Скрижаль) – это небесный прототип всех священных писаний, на котором записано всё, что было на земле и что произойдет в будущем. В суфийской философии, в учениях Ихван ас-сафа («Чистых Братьев») исмаилитов и шиитов термин лаух означает «Всеобщая Душа» (нафси кулл). Перворазум (акли аввал, калам) низошел на Всеобщую Душу и начертал на ней все, что произойдет до Судного Дня. Буква нун открывает одну из основополагающих сур Корана «Письменная трость, она же Небесное Перо или Предвечное Перо (Ал-Калам)», которая скорее обращена к самому Мухаммаду и где впервые, как заметил И. Ю. Крачковский, введено понятие муслим – мусульманин [6, с. 63]. Пророк изрек: каждый человек рождается муслимом, и только родители делают его иудеем, христианином или идолопоклонником [8, с. 4]. Ассоциативные связи этой газели столь сильны, что несколькими бейтами ниже Хасан Дехлави свяжет букву нун с бровью Мухаммада в форме полумесяца (хилал), а появление полумесяца знаменует начало и окончание мусульманского поста. Хилал вместе с тем и религиозный символ магометанства, он – высоко в небе и такой же изогнутый, как бровь Мухаммада. Кроме того, хилал составлен из тех же букв, что и слово Аллах (один алиф + два л + одно х), и, подобно божественному имени, имеет то же нумерологическое значение по абджаду. Начинается сура «Ал-Калам» Корана так: 1. Нун. «Клянусь письменной тростью и тем, что пишут» [6, с. 68]. Арабы, как и многие другие народы Востока, применяли для письма тростниковую палочку, заостренную в форме буквы нун. Стало быть, суфийский автор, повествуя о нун и Ал-Калам – дарах, начертанных

на Скрижалях Корана, – в поэтической форме призывает мусульман следовать вере ислама. Что касается предвечного пера, то оно на Лаухи Махфуз начертало судьбы людей (сарнавишт), и, как писал ибн-Араби, Небесному Перу соответствует Разум Мухаммада, а Скрижалям – Его Душа.

Следующая мисра начинается с комбинации таинственных букв та ха, озаглавивших двадцатую суру Корана и произносимых с некоторым придыханием. Ранняя традиция связывает эти буквы с диалектным междометием «О, человек!». Считается, что эта сура способствовала обращению в ислам халифа Умара, в прошлом вынашивавшего план убийства пророка. У Абдурахмани Джами в трактате «Шарх-и руба-йят» читаем: Ха пришло тайной (его) сущности, о, знающий буквы! / Дыхания твои основаны на этой букве. Здесь Абдурахмани Джами дает следующую характеристику дыханию в связи с таинственной буквой ха: «...таким образом, следует познать, что всякое дыхание есть славословие Богу, и, упражняясь, дойти до того, чтобы каждый вздох совершался не иначе как молитвенный обряд» [7, с. 467].

Буква дал не только присутствует в имени Мухаммада, но, согласно толкованию мусульманских теологов, есть указывающий перст Пророка. Таким образом, продвигаясь от знака к образу, мы подходим к пониманию картины мира, культуры, отстоящей от нас и во времени, и в пространстве, и в самой трактовке действительности, то есть вскрываем ее подлинный культурный пласт. Знаки в этой газели приобретают самостоятельную функцию, но их нельзя вычленивать из общего, потому что в таком случае прервется естественность повествования, хотя возможно толкование газели как по горизонтали, так и по вертикали, что свидетельствует об изощренном поэтическом мастерстве. На синтаксическую структуру в целом здесь работает и ритм, и рифма, и аллитерация, а субстанциональное содержание сюжетных оппозиций наглядно передано через сравнение хорошего с лучшим.

Прекрасное знание религиозно-богословских доктрин, теорий и хадисов давало возможность авторам успешно применять их в поэтической практике, ибо каждая употребленная здесь метафора, будучи развернутой характеристикой Пророка Мухаммада, опирается на прочно сложившиеся каноны мусульманского сознания, истоки которого в коранических реминисценциях. При всей традиционности и заданности типизации образа Пророка, воспетого в одних и тех же стандартных выражениях, ставших литературным штампом, газель Х.Дехлави «Мухаммад» и по сей день волнует глубиной философского содержания, завораживающей красотой ритмики и гармонией звукописи.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды // Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Наука, 2002. – Т. 2.
2. Ахметзянов М. А. Кул Шариф и его время. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

3. Бертельс Е. Э. Избранные труды // Суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – Т. 1.
4. Ибрагим Т. Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток – Запад. – М., 1991. – С. 62 – 76.
5. Игнатенко А. А. Мир – Бог в Зеркале, или Как возник Совершенный Человек // Человек и Природа в духовной культуре Востока. – М.: Институт востоковедения РАН: КРАФТ, 2004.
6. Коран / пер. Крачковского И.Ю. – М.: Феникс, 2009.
7. Пригарина Н. И. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. – М.: Восточная литература, 1983.
8. Ушаков В. Д. Фразеология Корана. – М.: Восточная литература, 1996.
9. Хейзин И. Сочинения // Осень Средневековья. – М.: Наука, 1995. – Т. 1.
10. Хасани Дехлави. Лирика. – Душанбе: Ирфон, 1986.
11. Шиммель А. Мир исламского мистицизма. – М.: Прогресс, 1999.

Шопоголизм как состояние женского сознания (на примере романов Софи Кинселлы)

В статье рассматривается шопоголизм как форма женского сознания в современной литературе на примере романов Софи Кинселлы. Особое внимание уделяется таким эмоциональным состояниям и поведенческим реакциям, как непосредственность, душевная чистота, открытое восприятие мира. В связи с этим рассматриваются такие категории, как детскость, наивность, инфантильность.

The article considers shopogolism as a form of woman's consciousness in modern literature according to Kinsella's novels. Particular attention is given to such emotional conditions and behaviour's reaction as ingenuousness, mind purity, the reflection of world's perception. According to this it should be noted such categories as childishness, naivety, infantility.

Ключевые слова: шопоголизм, женское сознание, категория, детскость, наивность, инфантильность, Софи Кинселла.

Key words: shopogolism, woman's consciousness, category, childishness, naivety, infantility, Sophie Kinsella.

В теории феминистской критики (Ю. Кристева, Л. Иригарэ, Э. Сиксу, С. де Бовуар и др.) основное внимание уделялось провозглашению женской свободы и разоблачению патриархальной идеологии. Однако в современной литературе появились попытки создания феминистской самокритики, своеобразного «иронического зеркала», смотрясь в которое героиня и ее создательница исследуют то бессознательное, которое не корректируется ресурсами образования, философии, профессиональной карьеры.

Таким «зеркалом» для английской писательницы Маделин Уикхем (Sophie Kinsella) стала индустрия потребления, послужившая инструментом постижения женского характера, выявлению его сущностных свойств. Одно из них – детскость, переходящая в инфантилизм, соединяемый с прагматизмом. Серия романов С. Кинселлы про шопоголиков начала издаваться с 2000 года: «Тайный мир шопоголика» (2000), «Шопоголик на Манхэттене» (2001), «Шопоголик и брачные узы» (2001), «Шопоголик и сестра» (2004), «Шопоголик и бэби» (2007), «Минишопоголик» (2010), Серия представляет концептосферу современного женского мира, своего рода культурную «картину мира» современной женщины. Выделение в этом пространстве наиболее значимых в смысловом отношении понятий позволяет оценить названные романы не по жанровому определению чиклита (англ. chicklit – «чтение для цыпочек»), но как серьезную прозу, вобравшую в себя проблемы социальной психологии и философии обыденного сознания.

В эпоху немецкого барокко И. К. Гриммельсгаузен в знаменитом романе «Похождения Симплициссимуса» сделал попытку посмотреть на войну глазами «простака», ребенка, мудрость которого состоит в его неразумии. В романах С. Кинселлы «театр военных действий» перенесен в бутик модного платья, в роскошный универсальный магазин, а «ценой вопроса» становятся кредитная карточка, служебная репутация, семейное благополучие, психологическое состояние героини – ребенка по своему восприятию мира потребления.

Художественные дискурсы литературы и кинематографа изобилуют образами детей, и приобщение к миру детства равнозначно обращению к тому, что определяется эстетическими категориями «чистоты», «подлинности», и «ценностной релевантности». Здесь по контрасту можно вспомнить об одном «симптоматическом» факте: в Средневековье не существовало детской одежды – детям отказывали в праве на детство, видя в них лишь «миниатюрных» взрослых.

В обыденном сознании понятия «детскость», «наивность» и «инфантильность» нередко отождествляются, поэтому представляется целесообразным их развести. В русском языке отвлеченные имена существительные на –ость имеют значение качества, свойства. Инфантильность (от лат. *infantilis* – младенческий, детский) – это задержка в развитии организма и психики. Инфантил отличается незрелостью эмоционально-волевой сферы, что выражается в несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищенности, в пониженной критичности, в разнообразных компенсаторных реакциях. Четкого же определения понятия «детскость» не существует: в толковых словарях оно трактуется как свойство по прилагательному «детский», то есть такой, как у ребенка, свойственный ребенку. И лишь в переносном значении «детскость» получает негативную окраску: не свойственный взрослому; ребяческий, наивный, незрелый. «Российский гуманитарный энциклопедический словарь» определяет детскость как «категорию антропологии и эстетики, знаменующую вечное качество человека» [6, I, с. 577].

Обратимся к одному из наиболее часто встречающихся синонимов слова «детский» – наивный. Словарь Ожегова определяет наивный как простодушный, обнаруживающий неопытность [5, с. 307]. В словаре Даля наивный определяется как прямой и невинный, простой, простодушный, простосердечный, милый за простоту... [1, III, с. 37].

Наивность украшает женщину. Это одно из самых желанных, самых привлекательных женских качеств, одновременно трогательное и благородное. Показатель чистоты духа, невинности помыслов, очаровательной неприспособленности к жизни, беззащитности перед суровым миром. Многие сознательно культивируют в себе это дефицитное качество – наивность, то есть веру в идеальное устройство мира вопреки здравому смыслу. На самом деле наивность – одно из основных женских качеств,

востребованных в мужском мире. Именно поэтому оно с таким усердием и воспевалось веками. В системе жизни, управляемой мужчинами, иметь дело с наивной женщиной всегда было просто, удобно и приятно. Наивная женщина не представляет опасности, поскольку она находится в плену ложных «розовых» представлений. Кроме того, она тратит слишком много сил на сохранение своей идеалистической картины мира. Таким образом, понятия «детскость» и «наивность» получают широкое наполнение. В самом общем виде «детскость» – это то, что осталось во взрослом человеке от ребенка. «Положительная» детскость – это особая ментальность как тип отношения к миру, особое свойство ума, сознания, целый спектр эмоциональных состояний и поведенческих реакций, таких, как непосредственность, душевная чистота, светлое, открытое восприятие мира, полная доверчивость, искренность.

А. Скворцов в статье «Кокон инфанта» дает следующее определение детскости и инфантильности: «Детскость, надо полагать, — это и есть свежесть восприятия, эмоциональность, а еще неиспорченность, радостная открытость миру и доброта. Под инфантильностью имеет смысл понимать нежелание меняться и взрослеть, брать на себя ответственность (в том числе и духовную) за свои действия и слова, настороженность по отношению к миру, поверхностный снобизм, социальную пассивность и даже подчас агрессию по отношению к чужому» [4, с. 10 - 11]. Одухотворенное понимание «детскости» раскрывается в Библии, книге, содержащей нравственные заповеди, легшие в основу бытия всех христианских народов. Напутствие Христа «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф., 18:3) не означает призыва к искусственному опрошению, инфантилизму, отрицания роста, развития, умственного и душевного созревания. Наоборот, сохранение в своей душе детскости и означает внутренний «рост» человека. Духовная детскость – это не подражание отдельным чертам, свойственным ребенку, а сохранение в себе детской чистоты восприятия, целостности психики. «Всякое дитя, – писал известный философ, психолог и педагог В. В. Зеньковский, – прекрасно в своей непосредственности и чистоте, всякое дитя в настоящем смысле слова грациозно... лучи высшей красоты исходят от детей, и это делает детство идеалом человека. Слова Христа – не можем мы войти в Царствие Божие, если не станем как дети, – имеют тот смысл, что мы снова должны достигнуть того душевного строя, в котором господство принадлежало бы внеэмпирическому центру личности» [2, с. 318 – 319]. В образах собственно детей категория детскости наиболее очевидна, но будучи обнаруженной в образах взрослых, детскость становится выражением авторской концепции.

Категория детскости является важнейшей «составляющей» главной героини в творчестве Софи Кинселлы. Использование автором «наивного, детского образа» в своих романах в какой-то мере имитирует сознание ре-

бенка, часто запутанное, непоследовательное, нелогичное, игровое. Шопполизм становится у писательницы игровым принципом взаимодействия реальности и создаваемого ею характера. Зависимость от потребления предстает как способ отражения новых и феноменальных форм женского сознания.

Ребекка искренна, доверчива, непосредственна. Тип сознания в героине – детский. В главной героине произведений Кинселлы можно обнаружить выявляемые автором запоздалые проявления детства: инфантильность, неспособность к принятию решений, «незамутненность» восприятия, наивность представлений о мире. Она обладает способностью притягивать к себе самые невероятные ситуации, совершать абсурдные поступки и смешить людей. У нее вполне реалистическое отношение к миру, но она предпочитает смотреть на мир глазами ребенка: непосредственного, живущего по своим – детским – правилам. Она не раз повторяет о том, что она взрослая женщина, хотя в этих ее словах мы видим иронию автора. Софи Кинселла подсмеивается над своей героиней: «Но в целом мы – взрослая, готовая к компромиссам пара, способная разобраться во всех вопросах» [4, с. 30]; «Чувствуя себя блаженно взрослой, я направляюсь к секции кухонной утвари и принимаюсь разглядывать содержимое полок» [3, с. 188]; «Как будто я ... выросла. Повзрослела» [3, с. 404]. Магазиновый иронический модус включает в себя рекламность, внешнюю привлекательность объекта внимания героини, двойное кодирование, обусловленное тем, что ей практически всегда «не хватает денег». А когда их достаточно, то не хватает понимания и поддержки окружающих, любви, самоуспокоения – всего того, что в магазине не продается. Ребекка сама понимает, что в какой-то степени она ребенок: «Господи, как неприятно – чувствую себя как маленькая девочка на взрослой вечеринке» [3, с. 238]. Зачастую она совершает поступки, не свойственные взрослой женщине, и по-детски оправдывается: «Извини, – с покаянным видом говорю я, – там стояла бутылочка с кремом, я передвигала книги, а она ... взяла и опрокинулась» [4, с. 100]. Ребекка предпочитает бежать от трудностей, а не решать их по-взрослому. Она, как маленький ребенок, чувствует себя защищенной в доме родителей: «Самое главное – сейчас, рассматривая потолок своей детской комнаты, я чувствую себя в полной безопасности. Защищенной от внешнего мира мягким и теплым коконом. Здесь меня никто не достанет. Никто не знает, что я здесь. Не будет ни гадких телефонных звонков, ни гадких писем, ни гадких посетителей. Тут мое убежище. Весь груз ответственности снят с моих плеч. Мне будто снова пятнадцать лет, и мне не о чем беспокоиться, кроме домашнего задания (но у меня и его нет)» [3, с. 292].

Главная героиня «магазинной прозы» живет и действует в журнально-глянцевом мире, строго следуя его нормам и стандартам. Сюжет такого романа – это, как правило, путешествие героини по глянцевому миру. Благо-

даря своей непосредственности и наивности, свободному владению нужными навыками героиня всегда добивается успеха. При этом она нисколько не старается победить или дискредитировать саму реальность. Комедийная интрига в романах Кинселлы строится в основном на том, что героиня тратит на покупки слишком много денег, превышает все возможные и невозможные кредиты, в итоге лишается банковского доверия и создает множество проблем себе и своим близким. Героиню Кинселлы спасает каждый раз отнюдь не благоразумие (чего следовало бы ожидать) – может ли такое случиться в комедии? Спасают случай и удача, приправленные изрядной долей находчивости, непосредственности и внутренней свободы. Серьезных проблем у героини на самом деле нет. Все при ней – и внешность модели, и высокие интеллектуальные ресурсы. Непосредственность, граничащая с примитивностью и являющаяся одним из источников комического в романе, сказочным образом уживается с тонким интеллектуализмом и нестандартным мышлением, которое проявляется в Бекки в нужный момент, а именно когда ситуация становится критической.

Главный способ, к которому прибегает Бекки, чтобы избавиться от страха и защититься от внешнего мира, – присущий носителям инфантильного мироощущения уход в мир мечты. А воображение у Бекки в силу непосредственности ее натуры богатое и ничем, тем более здравым смыслом, не ограниченное: «Когда-то я прочитала в газете историю о банковской ошибке. Статья мне так понравилась, что я вырезала ее и пришила к дверце шкафа в спальне. Банк перепутал имена двух клиентов и каждому послал чужой счет по кредитке. Но самое главное – оба человека не глядя оплатили счета, так и не заподозрив ошибки! И с тех пор я втайне мечтаю, что подобное случится и со мной... Я невидяще смотрю в окно с блаженной улыбкой на лице. Уверена, что именно в этом месяце суждено сбыться моей тайной мечте» [3, с. 14 – 15].

Еще один способ уйти от проблемы – бросить банковские счета под кровать или засунуть в ящик для нижнего белья, не читая. Нет информации – нет проблемы. А в самый последний момент Бекки спасает чудо или находчивость: неожиданно поступает предложение вести авторскую программу на телевидении, рождается идея выставить на распродажу все купленное за многие годы (что и дает возможность расплатиться с долгами), то за руку Бекки борются два героя, входящие в десятку самых богатых англичан. Обилие таких возможностей обеспечивает Бекки устойчивое положение в обществе, чтобы в очередном романе она вновь могла предаться своему увлечению.

Софи Кинселла наделила свою героиню многими качествами: она добра, щедра, талантлива, тонко чувствует. Ребекка сохранила в себе чистоту, доверчивость, открытость. Героиня Кинселлы наивна и трогательна. Она – женщина-ребенок, которая никогда не вырастет – в этом ее трагедия и очарование. Но романский цикл имеет открытую структуру. На вопросы,

кто повинен в формировании определенного направления в сознании героини и стоящего за ней поколения; каково живется с ней тем, кто окружает Ребекку и кого она так спокойно обманывает; можно ли считать битву за новые и новые покупки сродни той, что происходит на полях военных сражений за отвлеченные цели и идеалы, – предстоит ответить в дальнейших исследованиях творчества английской писательницы.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великого языка в четырех томах. – М.: Прогресс, Универс, 1994.
2. Зеньковский В. В. Психология детства. – М., 1996.
3. Кинселла С. Тайный мир шопоголика. – М.: Фантом Пресс, 2007.
4. Кинселла С. Шопоголик и брачные узы. – М.: Фантом Пресс, 2005.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: Азъ, 1995.
6. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. – М.; СПб., 2002.
7. Скворцов А. Кокон инфанта // Арион. – 2005. – № 4. – С. 12 – 22.

Имя собственное в философской интерпретации Павла Флоренского

В статье анализируется смысловая структура термина имя в работах Павла Флоренского. Рассматривается, как философ соотносит содержание термина имя с содержанием современного термина имя собственное (антропонимом) и создает специальную область знаний для имени собственного — оноματοлогию, где слово имя получает статус философского термина. Исследуется двойственная природа имени, которая позволяет преодолеть атомарность познания, воплощая познание целостное. Анализируется роль сублогической модели пространства в философской интерпретации имени у Флоренского; обращается внимание на метафорическое содержание философского термина имя.

This article analyzes the semantic structure of the term name in Pavel Florensky's works. The philosopher brings the meaning of the term name into relation with the meaning of a modern term proper name (anthroponym) and creates a special field of knowledge for the proper name - onomastics - and the word name gets a status of a philosophical term. The name belongs to two worlds: the real one and the otherworldly, with the name linking them together. So, the name is twofold in its nature. It allows us to overcome the atomicity of cognition and to embody a holistic cognition. An important role in Florensky's interpretation of name belongs to a sublogical model of space. The author also draws attention to the metaphoric content of the term name.

Ключевые слова: имя, сублогическая модель, метафора, оноματοлогия, духовный атомизм.

Key words: name, sublogical model, metaphor, onomastics, spiritual atomism.

В работах П. А. Флоренского идея имени предстает в двух ипостасях: Имя Божие и имя собственное, «личное человеческое имя». Говоря об Имени Божиим, Флоренский продолжает известный афонский спор и интерпретирует богословскую позицию имяславцев «Имя Божие есть Бог». Эту проблему мы оставляем за рамками настоящей статьи и обращаемся к кругу вопросов, связанных с интерпретацией Флоренским философского термина имя собственное.

Задача данной работы — проследить развертывание содержания термина имя в текстах, проанализировать смысловую структуру термина, а также вычленить ту семантическую информацию, которая могла бы войти в словарь терминов русской религиозной философии. Прежде чем перейти к анализу семантической структуры термина имя у Флоренского, кратко

охарактеризуем специфику философской терминологии, которая, в отличие от терминологии научно-технической, носит необъектный характер. Это роднит философский термин с поэтическим словом в функциональном плане: «задача философского слова — проявить... действительность, сделать ее явной, а не получить в свое распоряжение термин как инструмент для оперирования с действительностью» [1, с. 46].

Еще одна особенность связана с дефинитивностью и дефинированностью терминов философии. Первое понятие предполагает возможность / невозможность строгой дефиниции, а второе — наличие / отсутствие дефиниции. Данные качества многие исследователи считают облигаторными для научного термина. В философских текстах русских метафизиков эти свойства проявляются по-разному: как правило, здесь отсутствует строгое определение термина, и можно говорить о том, что вся совокупность контекстов, в которых данный термин встречается, — это развернутое определение. Такие определения С. Д. Шелов называет контекстуальными: «в контекстуальных определениях действует своеобразное правило контекстуального роста терминологичности: чем длиннее контекст, необходимый для идентификации соответствующего понятийного содержания определяемой единицы, тем большую терминологичность этой единицы следует предполагать» [8, с. 87]. Поведение философского термина в тексте (наращивание терминологичности) сопоставимо, на наш взгляд, с поведением ключевого слова в художественном тексте (процесс приращения смысла). Наверное, можно также говорить о распространенном явлении диффузной, если можно так выразиться, дефинированности философского термина. Философскому термину присущ качественный полиморфизм. Определения философских терминов не подтверждают традиционных представлений о точности значения термина: описание семантики таких терминов строится из полиморфных признаков, допускающих различную интерпретацию.

Идея имени объединяет следующие работы Флоренского: «Общечеловеческие корни идеализма», «Магичность слова», «Имяславие как философская предпосылка», «Об имени Божиим» и «Имена (Заметки в азбучном порядке по ономатологии как науке о категориях бытия личного)». Для Флоренского имяславие стало философской предпосылкой познания «исконного ощущения человечества», которое для мыслителя есть прежде всего чувство подлинности и реальности земного бытия, чувство достоверности мира, присутствия в нем Бога, что раскрывается через слово и имя.

В работе «Общечеловеческие корни идеализма» Флоренский говорит о двух типах имен: именах вещей и именах собственных. Функционально они оказываются очень близки, воплощая «метафизический принцип бытия и познания». В «Ономатологии» Флоренский говорит главным образом об именах людей, что подтверждает следующая оговорка автора: «В данном случае мы не будем обсуждать имен и их познавательной функции —

вообще, но суживаем внимание на личных человеческих именах, оставляя в стороне даже имена родовые — фамилии». То есть содержание термина имя у Флоренского соотносимо с содержанием современного термина имя собственное (антропоним). Флоренский обосновывает теорию имени собственного, для которой создает специальную область знаний — оноματοлогию, приводя данные из области богословия, художественной литературы, народной словесности и истории. Слово имя получает статус философского термина, поскольку именно вокруг него строится авторская концепция.

Непосредственное отношение к предмету нашего разговора — философской, а не филологической концепции имени — имеет проводимое Ю. С. Степановым в работе «Язык и метод» философское различие между именами вообще (так называемыми общими именами) и именами собственными, которые Степанов называет «именами по преимуществу» [2, с. 187]. Различие между индивидуальными и общими именами, пишет Степанов, было осознано еще в средневековой схоластике: «Именуется единичное, а общее означивается». «Собственные имена именуют вещи (и как следствие могут именовать понятия, концепты), в то время как общие имена именуют понятия, концепты и как следствие этого способны именовать вещи» [2, с. 187].

Будучи платоником, Флоренский в своих рассуждениях идет «от Платона и к Платону», но в центре его философской интерпретации — магия слова кудесника, воплощающего «идеальное и реальное зараз, идеал-реальное, субъект-объективное, Я и не-Я». Далее Флоренский рассуждает о вещности слова кудесника, магии слова, утверждая, что имя вещи и есть субстанция вещи. По мнению философа, в вещи живет имя, вещь творится именем; вещь вступает во взаимодействие с именем, вещь подражает имени [5].

Для анализа смысловой структуры философского термина, на наш взгляд, уместна исследовательская модель, предложенная Л. О. Чернейко. Одним из основных научных понятий является широкий по содержанию термин модель, позволяющий выстроить ментальный аналог действительности. Автор уточняет содержание понятия модель при помощи определения сублогический. Данное определение «актуализирует два признака нового терминологического сочетания: образ как форма отражения объекта в сознании человека взят на чувственной ступени познания, в форме представления, ощущения, а не на логической, рациональной <...>; “упрощение оригинала” состоит... в особом рода усложнении — проекции *невидимого* или *необозримого* [здесь и далее курсив наш. — Н.К.] на чувственно воспринимаемое и эмпирически постигаемое, то есть на целостные предметы мира, на субстанцию, что приводит если и не к отчетливости оригинала, то по крайней мере к его наглядности» [7, с. 179].

В текстах Флоренского представлено довольно много сублогических моделей имени, апеллирующих к воображению и обладающих объяснительной силой синтеза. Пространственно-телесные образы, метафоры, подчеркивающие сходство разных по природе объектов и явлений, позволяют автору высветить такие свойства исследуемого объекта, которые являются основными признаками формирующегося в тексте философского термина. Анализ метафор, основанных на сублогической модели имени, позволяет обнаружить внерациональную основу, на которой формируется философский термин.

В основе имени у Флоренского лежит магическое заклинание, слово кудесника. Свойства этого слова передаются при помощи развернутой метафоры: «слово кудесника... есть новое творение, мощное, дробящее скалы, вверзающее смоковницу в море идвигающее горою, низводящее луну на землю, останавливающее облака, меняющее все человеческие отношения, все могущее... Слово кудесника — сильнее воды, тяжелее золота, выше горы, крепче металла и горючего камня алатыря» [5]. Сублогическая модель имени как мощного творения позволяет высветить важнейшие компоненты значения термина «имя»: силу воздействия, исчерпанность смысла, потенциальную способность изменять мир, воздействуя на него. Не случайно одна из дефиниций имени у Флоренского — «первичная форма заговора», то есть воздействия. «Волшебные» свойства имени подчеркиваются Флоренским и в работе «Магичность слова», являющейся приложением к книге «У водоразделов мысли»: оно обладает «магической мощью», организуя определенным образом энергию, будучи «конденсатором воли, конденсатором внимания, конденсатором всей душевной жизни» [4].

Таким образом, Флоренский, во-первых, подчеркивает связь имени с магией, волшебством, оккультизмом, имя восходит к «слову кудесника». Во-вторых, сублогическая модель, в которой слово сопоставляется по разным параметрам с видимым и обозримым (вода, золото), позволяет вскрыть такой важный компонент значения философского термина, как «сила» и «мощь». Семантические аспекты понятия «сила» получают в работах Флоренского развитие в рамках метафорических сопоставлений с узлом, нервом, сгустком: «имя является узлом всех магиико-теургических заклятий и сил»; «всякое непосредственное представление об имени видит в нем самый узел бытия, наиболее глубоко скрытый нерв его; имя, думали древние, сущность, сперматический логос объекта, внутренний разум-сущность, субстанция вещи» [5]. Надо сказать, что слово сила является одним из часто употребляемых в цитируемом произведении: оно встречается в тексте 31 раз — всегда как характеристика свойств и качеств имени. Приведем несколько примеров: Слово кудесника есть эманация его воли, это — выделение души его, самостоятельный *центр сил* — как бы живое существо с телом, сотканным из воздуха, и внутреннюю структуру — формой звуковой волны; Но так как имя является *узлом* всех магиико-

теургических заклятий и *сил*, то понятно отсюда, что философия имени есть наираспространеннейшая философия, отвечающая глубочайшим стремлениями человека; Поэтому имя непереводаемо на другой язык, и, пытаясь перевести его, мы лишаем его *присущей* ему таинственной *силы*; Имя — материализация, *сгусток* благодатных или оккультных *сил*, мистический корень, которым человек связан с иными мирами. И поэтому имя — самый больной, самый чувствительный член человека; Имя вещи есть *идея-сила-субстанция-слово*, устанавливающая для этой вещи единство сущности в многообразии ее проявлений, сдерживающее и формирующее само бытие вещи.

И в других работах имя у Флоренского очень часто определяется метафорически через понятие силы или энергии — также эти слова, как правило, входят в синтагматическое окружение слова («фокус социальной энергии»; «субстанциальная сила» [3]). Содержание философского термина имя в «Ономатологии» Флоренского неизменно расширяется за счет энергетической метафоры, приписывающей имени свойство «силовой субстанции», «пучка жизненных путей», сравним: Человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве *субстанциальных сил или силовых субстанций или энергий*, имело же за собою подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме; Веками направлявшиеся на него мысли и чувства имели в нем точку приложения и в конечном счете усвоили имени *энергию возбуждать и направлять* общественные события и умонастроения в определенную сторону [3].

Нельзя обойти и такую сущностную характеристику имени у Флоренского, как божественное происхождение и связь с Богом. Здесь из всех примеров выберем наиболее показательный: «Оно (имя) — божественная сущность, приобщаясь к которой ... человек (делается) истинным человеком, *animal religiosum* (религиозным существом)» [5].

Одно из ключевых понятий философии Флоренского — «духовный атомизм», проявляющийся в науке как отступление от «идеала цельного знания», как отсутствие реальной взаимосвязи между разными областями науки. В сфере высших категорий бытия атомизм есть распад начал внутренней жизни: «святыня, красота, добро, польза не только не образуют единого целого, и даже и в мыслях не подлежат теперь слиянию» («Общечеловеческие корни идеализма»). Кроме того, Флоренский говорит о делении окружающего мира на ведомый и неведомый, явный и иной, реальный и потусторонний. И имя принадлежит двум мирам одновременно, связывая их: «Плод чудеснического акта — идеальное и реальное зараз, идеал-реальное, субъект-объективное, Я и не-Я...». С этим мыслимым «местоположением» имени и связана его познавательная функция: «Кому известны сокровенные имена вещей, нет для того ничего не преступаемого»; «познание имен дает и познание вещей» [5].

Имя в концепции Флоренского есть средство преодоления атомизма. Принадлежит одновременно познаваемому и непознаваемому миру, имя двойственно по своей природе: «Имя представляется то как начало идеальное, то как начало реальное; то оно трансцендентно, то имманентно носителю своему» [5]. Возможно, пограничная позиция имени, его божественное происхождение и волшебные познавательные возможности способствуют преодолению духовного атомизма хотя бы в духовной сфере, ведь имя у Флоренского — одна из категорий бытия. Имя не просто обладает познавательной силой, оно есть средство целостного (противопоставленного атомарному) познания: «Есть симпатическое познание, ласковое прикосновение к познаваемому, когда само оно влечет к себе познающего. <...> Вся полнота самораскрытия познаваемой сущности питает познающий дух, и он силится воспринять ее в индивидуальной форме, где все взаимнеобходимо целостным кругом, где одно поясняет другое. Это конкретное познание не есть беспредельное и бесцельное накопление отдельных признаков, в пучине которых теряется разум; напротив, это есть стремление противопоставить раздробительности познания отвлеченного — единство, самозамкнутость и целостность познаваемого объекта как некоторого существа — беспредельной линии противопоставить сферу, признакам — лицо. Тогда возникает имя личное» [6].

На наш взгляд, важную роль в философской интерпретации имени у Флоренского играет сублогическая модель пространства. Флоренский рассуждает и о пространстве произведения, и о внутреннем пространстве личности. Имени в этом пространстве отводится ключевая роль, поэтому пространственные метафоры так точно представляют содержание термина: «*Пространство* порождается самопроявлением сущности, оно есть свет от нее, и потому строение *пространства* в данном произведении обнаруживает внутреннее строение сущности, есть проекция его и вынужденное о нем повествование. Но на пути к такому *пространство-устроению* возникает орган этой деятельности. Он — уже в *пространстве*; его можно сравнить с непротяженной, но координированной с другими точкой. Эта *точка* — имя» [3].

Имя в тексте не только точка, это «средоточие и сердце всех вещей». На наш взгляд, здесь совмещаются три функции метафоры: информативная, объяснительная и эстетическая. Именно метафоры пространства убеждают читателя в мысли: имя — центр «пространства-устроения» — и человека, и художественного произведения. Метафорическое пространство имени может расширяться: «... от точки до иных границ: ... для народного сознания есть *четырёхмерная временно-пространственная форма личности*, ограничивающая ее от головы до пят, от правого плеча до левого, от груди до спины и от рождения до могилы. Краткая же формула содержания в этих границах — есть имя [3].

Кроме того, в метафорическое содержание философского термина имя может добавляться динамический компонент значения: не просто точка или центр (средоточие), но путь, то есть место, пространство, по которому происходит передвижение, ср.: Житейское понимание постоянно пользуется именем, как первым и наиболее глубоким и целостным явлением личности в объективном мире: в имени, а не в чем-либо другом, видя обычно *путь проникнуть во внутренний мир человека* и восстановить с ним прерванное общение [3].

Имя определяется Флоренским одновременно через метафоры замка («скрепляющий свод замок») и ключа («ключ к складу и строению личного облика»). Свойства замка (думается, здесь реализуется четвертое значение слова с пометой «арх»: центральный камень в вершине свода, арки (МАС) имя проявляет в художественном тексте, поскольку с семантикой и звучанием имени связана идея текста; фоносемантика имени «скрепляет» все обертоны смысла, ведущие к основной идее. Свойства ключа имя проявляет (или должно проявлять) в отношении своего носителя: «Исторический опыт должен показать, признает ли народ, признает ли самый язык имена пустыми кличками, условно присоединенными к их носителям и потому ничего не дающими познанию носителя, или же полагает найти в имени Формулу личности, *ключ* к складу и строению личного облика, некоторое universale, весьма конкретное, весьма близкое к этости, haecceitas человека, хотя с этостью и не тождественное» [3].

Метафоры Флоренского опираются на разветвленную лексическую сеть глубинных ассоциаций, вошедших в сознание человека. Таким образом, имя — это одновременно объединяющий центр, условие цельности и внутренней стабильности личности, и центр, из которого расходятся разные пути («пучок путей»), и путь внутрь личности. То есть в метафорическом содержании слова заложено очень разное и глубокое содержание: соединенное с энергией двунаправленное (вовне и вовнутрь) движение.

В текстах Флоренского термин имя воплощает также идею судьбы. Это «категория бытия», «тип индивидуального строения души и тела», «социальный императив», «начало бытия», «признак при реальности». Можно сказать, что в работах Павла Флоренского термин имя наполняется следующими семантическими признаками:

- восходит к «слову кудесника», связано с магией;
- обладает огромной силой познания и воздействия, особой энергией;
- находится на стыке двух миров, в сфере полубытия;
- позволяет преодолеть атомарность познания, духовный атомизм, воплощая познание целостное;
- обладает предсказывающей функцией, влияет на судьбу человека;
- имеет божественное происхождение;
- воплощает определенный душевный и телесный тип.

Итак, в философии Флоренского имя — не случайный знак некоторой вещи, а некоторая субстанция, сущность, имеющая реальное бытие. Более того, имя является инструментом познания действительности, который, обладая большой обобщающей силой, формирует человеческие личности и группирует вокруг себя определенные человеческие типы. Таким образом, каждое имя — это архетип, инвариант человеческой личности, предопределяющий (наряду с некоторыми другими факторами) нравственные, физические признаки и даже жизненный путь носителя имени. Высший уровень философского обобщения Павла Александровича Флоренского: имя — начало бытия...

Список литературы

1. Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. — М.: Логос; Гнозис, 2010.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Флоренский П. А. Иконостас. Имена. — М.: АСТ, 2009.
4. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. — М.: АСТ, 2009.
5. Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма. — [Электронный ресурс]: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren01.htm>
6. Флоренский П. Имяславие как философская предпосылка. — [Электронный ресурс]: [http://www.irbip.ru/irbase/philosophy/pavel_florenskij_-_imeslavie_kak_filosofskaja_predposylka_\(izvlechenie\).html](http://www.irbip.ru/irbase/philosophy/pavel_florenskij_-_imeslavie_kak_filosofskaja_predposylka_(izvlechenie).html)
7. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. — М.: УРСС, 2010.
8. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике

В статье представлен анализ основных исследовательских подходов к изучению термина идиолект в рамках отечественной и западной лингвистики. Особый интерес представляет рассмотрение ключевых направлений исследования данного термина, сопоставление способов его научной трактовки и описание подходов к определению его структурной организации.

The article gives an overview of various approaches to the investigation of *idiolect* in Russian and foreign linguistics. The analysis reveals the most fundamental research areas and ways of determining the idiolect system. The research is focused on investigating the most essential points that make the difference between Russian and foreign scientific interpretations of this linguistic term.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, индивидуальный язык, идиолект, идиостиль, фонетика, стиль, социолект.

Key words: anthropological linguistics, linguistic uniqueness, idiolect, idiostyle, phonetics, style, sociolect.

Термин идиолект, активно разрабатываемый как в отечественной, так и в западной лингвистике, является на сегодняшний день одним из базовых понятий в области исследования индивидуальных особенностей языка. Несмотря на хронологически параллельное изучение термина, характер трактовки и приоритетные направления его исследования в отечественной и западной лингвистических школах имеют ряд отличий. С целью обозначения дифференцированной природы толкования идиолекта представляется целесообразным проследить общую историю формирования данного понятия в рамках изучения индивидуально-языковых характеристик человека.

Интерес ученых к индивидуальной природе языка отчетливо прослеживается со времен античных мыслителей. На протяжении веков разработка соотношения «язык – человек» активно велась в области философии, психологии, педагогики и социологии. Началом интегрального лингвофилософского изучения индивидуальности языка можно считать труды В. фон Гумбольдта. Говоря о необходимости развития данного направления, ученый полагал, что «все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума» [1, с. 45]. Согласно Гумбольдту, язык – это средство самовыражения индивида, а сама природа языка противоречива, так как предполагает неразрывное взаимодействие общего и индивидуального. Идеи В. фон Гумбольдта впоследст-

вии были подхвачены и развиты в работах Г. Гердера, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, И. А. Фосслера и др. Интерес ученых привлекла вариативность общеязыковых норм в речи конкретных людей, ее причины и воплощение. Ощутимый вклад в разработку проблемы внес русско-польский филолог И. А. Бодуэн де Куртенэ. Вслед за своими предшественниками И. А. Бодуэн де Куртенэ настаивал на индивидуальности природы языка, подчеркивал наличие целого спектра различий его индивидуальной и общенародной формы существования. По мнению ученого, сущность языка кроется в человеческой психике, а причину связи языковых явлений следует искать в индивидуально-психологических центрах человека как отдельной единицы общества, а также в социально-психологической коммуникации всех членов этого общества.

В рамках отечественной лингвистики наибольший вклад в изучение проблемы индивидуальности языка внесли А. М. Пешковский, развивавший взгляды младограмматической школы о реальности индивидуальных языков, В. В. Виноградов, исследовавший индивидуально-авторскую составляющую в художественной литературе, и А. А. Шахматов, утверждавший, что «реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области оказывается известной научной фикцией, ибо он складывается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов» [5, с. 59]. И хотя в русистике XX века проблема индивидуального языка исследовалась, прежде всего, упомянутыми учеными, параллельную разработку системного описания индивидуальных языковых характеристик также можно найти в работах М. М. Бахтина, Р. О. Якобсона, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и других ученых.

В западной лингвистике индивидуальный характер языка также не раз становился объектом изучения. Однако комплекс исследовательских работ представлен в значительно меньшем объеме. Причина замедленной динамики разработки данной области кроется в том, что индивидуальный язык редко выносился в качестве уникального объекта изучения, индивидуально-человеческие характеристики речи зачастую рассматривались западными учеными в комплексе с прочими формами проявления языка. Так, ряд работ посвящен соотношению «индивидуальный язык – язык социальной группы»; особый корпус научных работ составляют труды, ориентированные на изучение индивидуального языка и его проявления в медиадискурсе. Целенаправленный лингвистический анализ собственно индивидуально-личностных характеристик языка представлен в западной лингвистике в довольно ограниченном объеме.

Среди ученых, так или иначе исследовавших различные аспекты индивидуальной природы языка, необходимо выделить британского фонетиста Д. Аберкромби, американского структуралиста Ч. Хоккета, британского лингвиста-языковеда М. Халлидея, французского лингвиста

А. Мартине и философов М. Даммета (Великобритания) и Д. Дэвидсона (США).

В настоящее время проблема выявления индивидуальных языковых характеристик носителя разрабатывается в рамках активно развивающегося направления антропологической лингвистики, ставящей во главу угла человеческий фактор в языке, особенности речи отдельной личности. Язык конкретного индивида все чаще становится объектом лингвистического исследования. В большинстве своем речь идет об изучении речи творческих личностей (поэтов, писателей, деятелей науки и т.д.) на основе созданных ими письменных (реже – устных) текстов.

Интенсивные и многоплановые исследования индивидуального языка и способов его проявления привели к закономерной необходимости формирования новых терминологических единиц понятийного аппарата. Так, в отечественную лингвистику были введены такие понятия, как «речевой портрет», «языковая личность», «идиостиль» и «идиолект». Все приведенные термины в равной степени ориентированы на выявление индивидуальной природы языка. Различие состоит в методах и материалах исследования, а также в дифференцированной предметной направленности изучения.

Термин «языковая личность», впервые появившийся в работе В. В. Виноградова «О языке художественной прозы», представляется весьма обширным и предполагает изучение всех структурно-языковых особенностей речи отдельного индивида на различных уровнях организации языковой личности, выделенных Ю. Н. Карауловым (вербально-семантическом, когнитивном и мотивационно-прагматическом). Столь же обширные терминологические рамки имеет понятие «речевой портрет», предполагающее рассмотрение всего комплекса речевых характеристик носителя (как правило, художественного автора) в контексте заданной эпохи.

В свою очередь термин «идиолект» и возникший как соотносительный с ним термин «идиостиль» имеют конкретизированный предмет исследования. Следует отметить, что до сих пор в современной отечественной лингвистике ведутся разработки в области окончательного разграничения данных двух понятий, нередко воспринимаемых в качестве тождественных. Действительно, лингвистическая природа идиолекта и идиостиля позволяет трактовать их как понятия смежные, однако констатация полной терминологической тождественности является ошибочной.

Под идиолектом в отечественной лингвистике принято понимать всю «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [2, с. 171]. В свою очередь понятие «идиостиль», служащее для обозначения индивидуально-авторского стиля, в широком смысле обозначает систему содержательных и формаль-

ных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора.

Следует оговориться, что в отечественной лингвистической традиции термин «идиолект» используется как в широком, так и в узком смысле. В узком аспекте, актуальном «прежде всего в поэтике, где основное внимание уделяется соотношению общих и индивидуальных характеристик речи (стиля)», идиолект представляет собой «только специфические речевые особенности данного носителя языка. В широком смысле идиолект – вообще реализация данного языка в устах индивида, то есть совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка» [2, с. 171].

Представляется необходимым отметить, что расширение терминологической базы в области исследования индивидуального языка более активно и успешно ведется в рамках отечественной лингвистической школы. В западной лингвистике насчитывается ограниченное количество терминологических единиц данной области научного знания. Как правило, изучение индивидуально-языковых особенностей ведется в рамках ряда понятий, эквивалентных отечественному термину «языковая личность»: (в английском языке речь идет о таких понятиях, как *author identification*, *linguistic identity*, *linguistic uniqueness*; в испанском – *lenguaje individual (propio)*, *individualidad lingüística* и т.д.), а также в рамках понятия «идиолект». История возникновения и разработки термина «идиолект» в западной лингвистической школе во многом параллельна отечественной. Иностранные исследователи также связывают формирование понятия с работами неограмматиков (младограмматиков). Позже термин был взят на вооружение западными учеными-структуралистами и социолингвистами. И хотя временные рамки исследования идиолекта совпадают, интенсивность разработки термина соотносить не приходится.

Существенно различаются способы трактовки структурной организации идиолекта, определение его компонентов. Так, в отечественной лингвистической школе идиолект охватывает весь комплекс формальных и стилистических характеристик языка. В свою очередь «специфичность идиолекта создается отбором и предпочтениями языковых единиц, избранным использованием их сочетательных и композиционных возможностей, творческими речевыми действиями» [3, с. 85]. В западной лингвистике трактовка идиолекта предстает менее фундаментальной и зачастую упрощенной. В самом общем смысле западные ученые определяют идиолект как совокупность особенностей употребления конкретного языка отдельным индивидом в определенный момент времени, а также как «лингвистические константы», служащие основой высказываний носителя [10, с. 338-339]. Нередко иностранные ученые выделяют лишь один из компонентов идиолекта, заявляя его в качестве основополагающего. Так, некоторые лингвисты склонны давать идиолекту сугубо фонетическое толкование. К

примеру, авторы «Словаря практической лексикографии» (*Diccionario de lexicografía práctica*) определяют «идиолект» исключительно как «свойственную отдельному носителю фонетическую характеристику, слегка отличную от фонетических характеристик прочих членов сообщества» [17, с. 215]. Данное определение представляется чрезмерно конкретизированным и сводится лишь к одному из многочисленных проявлений языка индивида. Рассмотрение идиолекта как комплекса фонетических особенностей речи конкретного носителя может быть оправдано лишь при анализе звучащей речи и полностью теряет свою ценность применительно к анализу письменного текста.

Фонологическо-фонетические особенности идиолекта упоминаются еще в ряде трактовок. Так, Т. Левандовски, ссылающийся на определение А. Мартине («идиолект – индивидуальный способ реализации языковой системы» [16, с. 54]), указывает, однако, на то, что вся совокупность индивидуальных особенностей языка неизменно проявляется именно на фонетическом и лексико-стилистическом уровнях [15, с. 183]. В рамках фонологическо-фонетической трактовки идиолекта особый акцент делается на исследование его звуковых составляющих: темпа речи, интонации, ударения, голосового диапазона. Вся совокупность звуковых характеристик языка объединяется западными учеными в термин «идиофон», рассматриваемый в качестве конструктивного элемента идиолекта.

Отсутствие понятия «идиостиль» в понятийном аппарате западной лингвистики значительно расширяет терминологические рамки идиолекта. Само понятие «стиль» часто интегрируется в определение идиолекта. Наглядной является дефиниция, приведенная французскими исследователями в «Лингвистическом словаре» (*Diccionario de Lingüística*) под редакцией Ж. Дюбуа: «идиолект – это совокупность особенностей употребления языка, характерная для отдельного индивида, в определенный момент (его стиль)» [10, с. 338]. Здесь мы сталкиваемся с фактическим отождествлением понятий «стиль» и «идиолект». Подобное приравнение представляется весьма ошибочным и «размывает» рамки понятия. Очевидно, что отсутствие в лингвистическом понятийном аппарате термина «идиостиль» значительно расширяет поле исследования индивидуального языка, не ограничивая его анализом собственно структурно-языковых компонентов.

Суммируя всю разнонаправленность толкования термина, можно утверждать, что в западной лингвистике «идиолект» зачастую трактуется чрезмерно генерализированным образом и подразумевает наличие у отдельного человека целого комплекса отличных от стандартного языка сообщества фонологических, лексических, синтаксических и стилистических навыков речи. Встречаются, однако, и слишком узкие и предметные трактовки идиолекта, сведенные к описанию ограниченного количества составляющих понятия или форм его проявления (фонетические особенности, стилистические оттенки речи и т.д.).

Следует отметить разновекторность исследования термина «идиолект» в отечественной и западной лингвистике. Так, в отечественной лингвистической школе исследовательские приоритеты расставлены в сторону окончательного разграничения смежного с идиолектом понятия «идиостиль» и обозначения структурно-языковых компонентов идиолекта, их функциональной направленности и способов проявления. Как следствие, спектр областей научного исследования представляется довольно обширным, начиная от наиболее общих дисциплин – литературоведение, текстология, лингвофилософия, стилистика, собственно филология, и заканчивая более частными областями, находящимися на стыке нескольких дисциплин, – лингвопоэтика, филологический анализ текста, психолингвистика и т.д.

В рамках западной лингвистической традиции наиболее интенсивные разработки в области индивидуального языка носителя ведутся в направлении взаимодействия идиолекта и языка целого сообщества. Как следствие, областью исследования является в основном социолингвистика и лингвокультурология.

В качестве приоритетного направления выдвигается рассмотрение вопроса о первичности общеязыкового стандарта и индивидуального языка. Так, британский философ М. Дамметт в своих исследованиях, посвященных философии языка («Frege: Philosophy of Language», «Origins of the Analytical Philosophy», «Language and communication»), настаивает на первичности общеязыкового стандарта. По мнению ученого, любой идиолект является лишь деривацией от общепризнанной языковой нормы, в противном случае, по мнению М. Дамметта, коммуникативный акт между говорящими не представляется возможным. Данную позицию оспаривает в своих работах «The Social Aspect of Language», «A Nice Derangement of Epitaphs» американский философ Д. Дэвидсон, утверждающий, что язык является собой результат многообразия способов употребления лингвистических выражений в различных ситуациях. Как следствие, согласно Д. Дэвидсону, идиолект первичен по отношению к языку, а успешность коммуникативного акта зависит от совместной цели общения, которую ставят собеседники.

Неоднозначность понимания термина, многогранность его природы и сложность соотношения с общеязыковой нормой наглядно представлена авторами «Энциклопедического словаря лингвистических дисциплин» (Diccionario Enciclopédico de las Ciencias del Lenguaje) французским философом-лингвистом О. Дюкро и франко-болгарским филологом Ц. Тодоровым. Ученые указывают на проблему правомерности определения идиолекта как языка. Согласно Дюкро и Тодорову, не признавая идиолект полноценным языком, «некоторые лингвисты выступают против того, чтобы изучение идиолектов основывалось на привычных лингвистических методах» [11, с. 74]. Основное противоречие заключается в том, что если отталкиваться от утверждения: язык – это определенный «код», «средство

коммуникации», то язык, присущий лишь одному конкретному носителю, становится понятием абсурдным и необоснованным. Данное утверждение во многом схоже с изложенной выше позицией М. Даммета, утверждавшего, что при наличии у каждого носителя своего собственного индивидуального языка коммуникативный акт между собеседниками обречен на неудачу.

Помимо рассмотрения проблемы «индивидуальное – общее», в западной лингвистике активно изучается взаимосвязь понятий «диалект», «социолект» и «идиолект». Ввиду своей актуальности данное направление представлено во многих лингвистических школах: британской, американской, французской, испанской и других. Результаты исследований в данной области активно применяются при социографическом и социолингвистическом изучении конкретного региона.

Очевидно, что географические, социальные и индивидуальные различия языка являются производными друг от друга. Ярким примером взаимосвязи понятий может послужить работа польско-венесуэльского филолога А. Росенблата, в которой автор рассуждает о языковом варьировании в рамках одного и того же сообщества, каким бы немногочисленным оно ни было. По мнению исследователя, даже внутри одного и того же социального класса неизменно обнаружатся речевые различия, «даже в рамках пролетариата, рабочие текстильной промышленности и строители говорят по-разному». Та же ситуация происходит и в семье, где каждый ее член обладает своим «собственным диалектом, или, говоря языком профессиональной терминологии, «идиолектом» [7, с. 23].

Таким образом, применяя метод исследования от общего к частному и следуя по цепочке «народ → социальная группа → человек», западные лингвисты заявляют идиолект в качестве наиболее конкретизированной (индивидуализированной) базовой единицы языковой мозаики сообщества.

Дефиниция «Словаря современной лингвистики» (Diccionario de Lingüística moderna) заявляет, что термин «идиолект» вместе с понятиями «диалект» и «язык» образуют своеобразную трилогию, которая позволяет разграничить три ключевых категории: «общую систему языка, язык отдельной группы и язык отдельного индивида» [6, с. 337]. Таким образом, мы снова сталкиваемся с максимально конкретизированной трактовкой термина, позиционирующей идиолект как наименьший базовый элемент языковой системы. Некоторые иностранные ученые склонны утверждать, что именно идиолект является той «единственной реальностью, которую находит исследователь-диалектолог», ибо идиолект как проявление индивидуальное – это основа языка сообщества любого типа [10, с. 339].

Несмотря на разнонаправленность исследовательской деятельности, различия в приоритетных объектах изучения и непосредственно области исследования, неверным было бы утверждать, что трактовка идиолекта в отечественной и западной лингвистике не имеет общих характеристик.

Так, дефиниция термина, предложенная авторами «Словаря прикладной лингвистики и обучения языкам» (*Diccionario de lingüística aplicada y enseñanza de lenguas*), отчетливо перекликается с двойственной трактовкой идиолекта, обозначенной В. А. Виноградовым. Формулировка отечественного ученого «в широком смысле идиолект – вообще реализация данного языка в устах индивида» [2, с. 171] в западной трактовке соответствует утверждению, что «в более широком смысле идиолект каждого человека подразумевает его манеру общения» [18, с. 210], а рассмотрение термина в узком смысле соотносится следующим образом: «идиолект – только специфические речевые особенности данного носителя языка» [2, с. 171] → «идиолект включает в себя характерные черты речи и письма, отличающие одного индивида от другого» [18, с. 210].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Наличие обширной терминологической базы привело отечественных лингвистов к необходимости четкого обозначения рамок понятия «идиолект» и разграничения смежных и соотносительных с ним терминов. Вследствие этого отечественная трактовка идиолекта предстает более фундаментальной и позволяет строго обозначить поле научного исследования.

2. Несмотря на хронологически взаимосвязанные разработки термина, отечественная лингвистика, несомненно, добилась большего результата в области изучения индивидуальной природы языка. Причина замедленной динамики исследования этой проблемы в западной лингвистической школе кроется в чрезмерно комплексном подходе к объекту рассмотрения, а также в склонности к изучению идиолекта сквозь призму специфически обусловленных проявлений языка.

Упрощенное (в сравнении с отечественной традицией) понимание термина приводит к смещению системного лингвистического анализа в сторону одного из компонентов идиолекта (фонетики, стиля, лексики и т.д.)

3. Разграниченные в отечественной лингвистической традиции термины «идиостиль» и «идиолект» в зарубежных школах являются тождественными. Отсутствие термина «идиостиль» в западной лингвистике объясняется обширностью определения, даваемого учеными понятию «идиолект». Индивидуальный стилистический компонент, по мнению иностранных исследователей, является базовой составляющей идиолекта и не нуждается в вынесении его в качестве отдельной единицы понятийного аппарата.

4. Особый акцент в исследованиях западных лингвистов ставится на противопоставлении языка конкретного индивида общезыковой норме сообщества. При этом вопрос о первичности данных понятий до сих пор остается открытым.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – изд. 2-е, доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
3. Матвеева Т. В. Учебный словарь: Русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Наука, Флинта, 2003.
4. Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
5. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – изд. 4-е. – М.: Учпедгиз, 1941.
6. Alcaraz Varó E., Martínez Linares M^a. A. Diccionario de Lingüística moderna. – Barcelona: Editorial Ariel S.A., 2004.
7. Colón M., Nuñez de Ortega R., Delgado de Laborde I., Martínez de García H. Antología de literatura hispánica contemporánea. – San Juan: Editorial de la Universidad de Puerto Rico, 1985. – Vol. II.
8. Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs / Lepore E. (ed.) Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson. – Cambridge: Basil Blackwell, 1986.
9. Davidson D. The Social Aspect of Language / The Philosophy of Michael Dummett. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers Inc., 1994.
10. Dubois J. Diccionario de Lingüística / Vers. española de Inés Ortega y Antonio Domínguez. – 4^a ed. – Madrid: Alianza Editorial S.A., 1994.
11. Ducrot O., Todorov T. Diccionario Enciclopédico de las Ciencias del Lenguaje. – México: Siglo XXI Editores, 2000.
12. Dummett M. Frege: Philosophy of Language. – 2nd ed. – London: Duckworth, 1981.
13. Dummett M. Language and Communication / Reflections on Chomsky. – Oxford: Oxford University Press, 1989.
14. Dummett M. Origins of the Analytical Philosophy. – Harvard University Press, 1996.
15. Lewandowski T. Diccionario de Lingüística. – 4^a ed. – Madrid: Ediciones Cátedra S.A., 1995.
16. Martinet. A. La lingüística sincrónica. – Madrid: Gredos, S.A., 1971.
17. Martínez de Sousa J. Diccionario de lexicografía práctica. – Barcelona: BIBLOGRAF S.A., 1995.
18. Richards J. C., Platt J., Platt H. Diccionario de lingüística aplicada y enseñanza de lenguas / Vers. española de Carmen Muños Lahos y Carmen Pérez Vidal. – Barcelona: Editorial Ariel S.A., 1997.

Наречия модально-эвиденциальной семантики в английском языке

Статья рассматривает проблему функционирования и классификации слов *evidently, obviously, clearly, apparently, manifestly*. Эти слова классифицируются как эвиденциальные наречия с эпистемикой выводного знания.

The articles deals with the problem of classification and semantics of words *evidently, obviously, clearly, apparently, manifestly*. They are defined as evidential adverbs with strong inferential meaning which nearly lost their visual data.

Ключевые слова: эвиденциальность, модальность, наречие.

Key words: evidentiality, modality, adverbs.

Проблемы модальности и эвиденциальности дискутируются довольно широко, однако функционирования эвиденциальных наречий рассмотрены недостаточно. Вопрос заключается в классификации и описании значений слов *evidently, obviously, clearly, apparently, manifestly*. Ряд исследователей [1; 2; 4] относит их к разряду эвиденциальных слов, однако Леонард Талми в исследовательском проекте данных слов указывает на то, что они практически потеряли семантику чувственного восприятия и поэтому таковыми не являются: «This reference to vision has apparently been bleached out» [5, с. 1].

Однако очевидно, что эвиденциальность не ограничивается только сенсорным восприятием, то есть восприятием с помощью зрения, слуха, обоняния, вкусовых и тактильных ощущений. Эвиденциальность – это категория, указывающая на источник информации, способ ее получения, а также на источник знания в высказывании. Это инферентив, репортивность, хисей (*Hearsay*), а также память и опыт говорящего. Безусловно, чувственное восприятие тесно связано с выводом, и эти слова могут быть отнесены также и к эпистемической модальности. Какова же семантика и функционирование данных слов? Возьмем, к примеру, *apparently*: 1) *Apparently, he is ill (he had a fever, high temperature, he looks sick)*. Согласно определению Словаря *Hornby*, «*apparently – according to what one has read or heard, as it seems: He had apparently escaped by bribing guard*» (согласно тому, что прочитал или услышал, как это кажется: Он, очевидно, сбежал, подкупив охрану [8, с. 46].

Проблема ‘*apparently*’ заключается в двойственном характере семантики этого слова: это значения уверенности и предположения. Так, в примере «*Apparently they are getting divorced*» (Очевидно, что у них дело идет разводу) очевидность не столь очевидна, как это видно из контекста. В

другом примере «She managed to climb out of the car, apparently unhurt» (Ей удалось вылезть из машины, видимо, не поранившись) полной уверенности говорящего в очевидности факта нет, поэтому и остается некоторое сомнение. Визуальное наблюдение на некотором расстоянии ощущается. В семантике этого слова встречается также и репортивность, то есть передача информации из чужих слов: according to what one heard or read [8, с. 46]. Сравним: «Oil prices fell this week to their lowest level, apparently because of over-production» (Цены на нефть упали на этой неделе до самого низкого уровня, очевидно, из-за избытка добычи).

В англо-русском словаре служебных слов значение этого слова определяется таким образом: «есть основание так думать, по имеющимся фактам, по облику/виду, по слухам/сообщениям, логически рассуждая» [6, с. 259]. Как видим, в семантике данного слова имеются элементы всех источников информации. Однако, как показывает анализ, в последние годы в семантике слова *apparently* развивается логическое значение сильной степени предположения, основанного на определенном роде свидетельствах, ср.: *Apparently, there is a cricket in the house, that is chirping (from Blog); Each man has indicated that he would like to run for president in 2012, but the two have apparently not be able to reach the agreement (The NY Times, 2011, 12 sept.)*.

Справедливости ради следует отметить, что слова «*obviously, evidently, явно, очевидно*» действительно указывают сейчас на семантику уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, как бы оправдывая свое именование, однако без непосредственного визуального восприятия, у говорящего должны иметься определенные данные для этого: «Очевидно, что идет дождь. Слышны капли дождя». В восприятии не всё может быть ясно, так как для этого должны быть наличие визуальных признаков, однако их недостаточно для полного утверждения, так как зрение не может проникнуть внутрь организма. Ср.: Он явно пьян (*He was obviously/clearly/evidently drunk*). *Obviously we don't want to spend too much money*. Значение этого слова Хорнби определяет следующим образом: «*as easily be seen or understood*» [8, с. 799].

Таким образом, очевидно, что с утратой визуальной семантики восприятия эти слова приобретают эпистемическое значение достоверности сообщаемого, однако при этом не утрачивая некоторого чувственного восприятия. Однако что выражают данные слова, если не чувственную семантику? Несомненно, высокую степень предположения, близкую к достоверности: Очевидно (*evidently/obviously*), что над нами квартира такого же типа, как и у нас. *Evident (obvious) to the eye or mind: President obviously assumes that he will still be in power the next year (Hornby)*. Аналогично ведет себя и *evidently*: *It was evident from his behavior that he is fool; He is evidently fool* [7, с. 201]; *You have seen evidence you have been told something is true but you are not sure, because you do not have*

enough information or proof [7, с. 201]; Quite evidently, that has nothing to do with social background from his childhood he was evidently rebellious and precocious: The two Russians evidently knew each other.

Эти слова, утратив семантику непосредственного чувственного визуального восприятия приобрели эпистемическое значение сильной степени предположения – очевидно, явно, явственно. Однако элементы прямого визуального восприятия сохраняются, при этом визуальное в русском языке – это «явно», а невизуальное – «явственно». Ср.: в комнате явно холодно; явственно пахнет газом (сильнее – явно). Очевидность восприятия в сочетании с выводом выражается при помощи наречий *clear, distinct*, ср.: *Clearly shows no link with visual perception, but conceptual epistemic.*

Высказывания со значением полной очевидности не допускают употребления таких эпистемических показателей достоверности, как «очевидно», «явно», «obviously», «evidently». Ср.: *There is a book on the table. Но: Obviously there is a book on the table* [1, с. 36; 3]. Только при отсутствии каких-либо данных, например, визуального контакта, можно сказать «Очевидно, что небо голубое». Не случайно в русском языке вводное слово «очевидно» и модусное слово «очевидно, что ...» различаются степенью уверенности в достоверности сообщаемого: вводное слово выражает сильную степень предположения, а модусное – полную уверенность. Факт невозможности употребления наречий «obviously», «evidently» в простых утверждениях свидетельствует о том, что эти наречия не являются показателями полной простой достоверности, а лишь приближают к ней высказывание. В английском языке такой резкой разницы между наречием «evidently» и прилагательным «evident» нет. Ср.: *Evidently, the sky is blue / It is evident that sky is blue.*

«Obviously» в словарях иногда трактуется субъективно: 1) *You use obviously when you are telling something that you expect the person who is listening to know already: Obviously they've had sponsorship from some big companies* (Очевидно, что у них уже имеются спонсоры в лице крупных компаний [перевод здесь и далее наш. – С.Б.]; 2) *indicate that something is easily noticed, seen, or recognized: They obviously appreciate you very much* (Они явно Вас высоко ценят) [9].

К группе наречий «очевидности» тесно примыкает слово *manifestly* от «to manifest»: *to show something clear and obvious; to demonstrate something.* К этой же группе наречий примыкает *manifestly unfair / untrue/successful* [8, с. 713]: *apparent to the sight, or understanding: obvious.* Ср: *Ron Felicite was given 19-year maximum term which he claimed was manifestly excessive* (Sydney Morning Herald, 2011) (Рон Фелисите получил 19-летний максимальный срок наказания, который, по его мнению, является явно избыточным).

Clearly акцентирует внимание на понимании, однако, согласно словарям, возможны указания на слуховое и зрительное восприятие:

something is easy to hear, see or understand (obviously), without doubt [8, с. 206]: Clearly, that cannot be true (Ясно, что это не может быть правдой). В русском языке эквивалентами могут выступать следующие слова: ясно, отчетливо, явно, очевидно, ясно, понятно.

В последнее время появилась тенденция вместо устойчивой классификации слов *probably*, *perhaps*, *possibly* как модальных наречий или модальных слов именовать их эвиденциальными. Однако в этом нет необходимости, поскольку в них эпистемические модальные значения преобладают, кроме указания на субъект речи, которое является фактором эвиденциальности. Что же касается рассматриваемых нами слов типа очевидно, то в них сочетаются как модальные, так и эвиденциальные значения, поэтому двойное именование «модально-эвиденциальные наречия» было бы вполне уместно, поскольку эпистемическая модальность и эвиденциальность тесно связаны в инферентиве, практически выступая в качестве синонимов.

Часто и разнообразно в качестве показателей знания с чужих слов выступают модально-эвиденциальные наречия *allegedly*, *arguably*, *admittedly*, *presumably*, *purportedly*, *reportedly*, *reputedly*, *supposedly*, *ostensibly*, *apparently*. Эти слова выражают различные степени недоверия к содержанию передаваемой чужой информации или же получаемой непосредственно говорящим. Так, *reportedly* может выражать как нейтральную, так и сильную степень недоверия к содержанию чужих слов. Ср.: *Reportedly*, he is not intending to return to this country (Говорят, что он не собирается возвращаться в эту страну); *The report also listed an extension list of crimes allegedly committed by Gaddafi's regime (Reuters, 2011, 13 sept)* (Доклад также включает обширный список преступлений, якобы совершенных режимом Каддафи). Впрочем, следует иметь в виду, что информация из чужих слов – это *hearsay* (хисей), то есть слухи.

Как это ни странно, *evidently*, *obviously* указывают на вывод из убедительного количества данных, не утрачивая при этом полностью семантики чувственного восприятия. Хотя эти наречия и не обладают полным значением очевидности, выражаемой в простых утверждениях, однако приближаются к ней и поэтому для удобства классификации их можно назвать эвиденциальными наречиями. При этом они имеют модальное значение предположения сильной степени. Однако не следует переименовывать модальные глаголы в эвиденциальные. Ведь из того факта, что глагол *must* обладает значением вывода (*The light in his room is on. He must be at home*), не следует, что у него нет других модальных значений.

Перечень наречий эвиденциальной семантики этим не исчерпывается: значительное место составляют эвиденциальные репортивные наречия *allegedly*, *reportedly*, *reputedly*. Ср.: *Reportedly*, he returned to his native country (Говорят, что он вернулся на родину); *Allegedly*, she is ill again (*It is*

alleged that she is ill again) (По слухам, будто она опять больна); Reputedly, she is wealthy (She is reputed to be wealthy) (Она слывет богачкой). К этим наречиям тесно примыкают эвиденциально-эпистемические наречия presumably, supposedly. Ср.: This picture is supposedly worth more than a million dollars (Как полагают, эта картина стоит более миллиона долларов); Presumably the plane was late because of the fog (Как полагают, самолет опоздал из-за сильного тумана).

Таким образом, можно констатировать наличие в английском языке особого разряда эвиденциальных наречий. Они тесно связаны с модальными значениями. Группа эвиденциальных наречий продолжает пополняться, поэтому они заслуживают особого внимания. Что касается совмещения значений модальности и эвиденциальности в семантике этих слов, то подобное явление не так уж редко обнаруживается в языке.

Список литературы

1. Буглак С. И. Процесс порождения и восприятия высказывания со словами модальной и эвиденциальной семантики // Вторые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – СПб., 2001. – Вып. 2. – С. 35 – 39.
2. Козинцева Н. А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб.: Наука, 2007. – С. 85 – 106.
3. Ajimer K. Evidence and the declarative sentence. – Stockholm, 1980.
4. Givon T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. – Amsterdam, 1982. – Vol. 6. – № 1. – P. 29 – 50.
5. Talmy L. Semantic repellence: some observations on non-markers of sensory evidentiality (handout). – [Электронный ресурс]: <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/Handouts/relation4pdf>

Словари

6. Хидекель С. С., Кауль М. Р., Гинзбург Е. Л. Англо-русский словарь служебных слов. – М.: Русский язык, 2003.
7. Collins Cobuild advanced dictionary. – L., 2009.
8. Hornby A. S. Oxford advanced learner's dictionary. – Oxford, 2001.
9. Longman dictionary of contemporary English. – Barcelona, 2000.

Антропоцентричность картины мира (на материале фразеологизмов)

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся антропоцентричности картины мира и роли фразеологизмов в ее формировании. На материале фразеологизмов русского, английского и немецкого языков предлагается классификация элементов антропоцентрической семантики.

The article deals with questions of anthropocentrism of the picture of the world and the roles of phraseological units in its creation. The author offers the classification of the elements of anthropocentric semantics based on the Russian, English and German languages.

Ключевые слова: антропоцентричность, фразеологизм, языковая картина мира, внешняя характеристика, внутренняя характеристика.

Key words: anthropocentrism, phraseological unit, language picture of the world, external characteristics, internal characteristics.

Язык – это важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. По утверждению Э. Бенвениста, «невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык <...> В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [2, с. 293]. Следовательно, языковая картина мира, подчёркивает Ю. Д. Апресян, дополняет объективные знания о реальности, часто искажая её. Изучая семантику слов, можно выявить специфику когнитивных моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира [1, II, с. 257].

Итак, «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [6, с. 174]. По мнению Ю. В. Бромлея, язык «как один из видов человеческой деятельности <...> оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой» [3, с. 48]. В. А. Звегинцев отмечал, что между явлениями культуры и фактами структуры языка нет прямой причинной за-

висимости, в то же время он подчёркивал, что «между ними, несомненно, существует общая зависимость, благодаря которой изменения в культуре могут находить косвенное, опосредованное отражение в языке. Возникновение конкретных фактов языковой культуры, в конечном счёте, может быть стимулировано культурным развитием общества. При этом форма языкового выражения новшеств, истоки которых лежат в фактах культуры, определяется структурными особенностями данного конкретного языка» [4, с. 133]. В. И. Карасик выделяет ряд характеристик языковой картины мира, которые выявляются на разных участках лексико-фразеологической системы языка. По ним можно осуществить сопоставление одноименных участков языковой картины мира в разных языках. Среди них: «1) наличие имён концептов (хотя у некоторых концептов имена могут отсутствовать); 2) неравномерная концептуализация (разная номинативная плотность одноименных участков лексических систем); 3) специфическая комбинаторика ассоциативных признаков концептов (например, различие внутренней формы лексем, называющих одно и то же в разных языках); 4) специфика классификации определённых предметных областей (на Востоке принято преуменьшать себя в номинации, в Европе – нет); 5) специальная ориентация предметных областей на ту или иную сферу общения (много разговорных номинаций бесцельного передвижения в русском языке, много высоких наименований путешественников в Китае)» [5, с. 109].

Как показывают исследования лингвистов, фразеологизмы играют важную роль в создании языковой картины мира. Фразеологизмы приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, оценивают её и выражают к ней отношение. Своей семантикой фразеологизмы направлены на характеристику человека и его деятельности. Анализируя языковую картину мира, создаваемую фразеологизмами, можно заметить, что антропоцентричность картины мира выражается в её ориентации на человека. Мы предлагаем следующую классификацию фразеологизмов, актуализирующих антропоцентричность картины мира.

Для примера выделим несколько тематических групп фразеологизмов, которые демонстрируют качества человека на материале трёх языков: русского [8], английского [9] и немецкого [7].

1. Элемент «глаза».

Рус.: *глаза на лоб полезли; и глазом не моргнёт; смотреть правде в глаза; на глазок; разуй глаза; налил глаза; с пьяных глаз; ни в одном глазу; за красивые глаза; бросается в глаза; как бельмо на глазу; вертится перед глазами; мозолит глаза; с глазу на глаз; глаза сломаешь; за глаза хватит; вырви глаз; дурной глаз; чёрный глаз; лопни мои глаза; глаза колет; тыкать в глаза; прятать глаза; хлопать глазами; пялить глаза; завидующие глаза; ненасытные глаза; англ.: *the apple of smb's eye* (зеница ока); *to be all eyes* (глядеть во все глаза), *before smb's eyes* (на глазах у кого-л); *a black eye* (разг. подбитый глаз); *to catch smb's eyes* (поймать,*

привлечь, перехватить чей-л. взгляд); *to catch the speaker's eye* (получить слово); *to close one's eyes to smth.* (закрывать глаза на что-л.); *to cry one's eyes out* (выплакать все глаза); *to get the glad eye* (поймать многообещающий взгляд); *to have an eye for smb.* (быть знатоком); нем.: *j-m etw. von den Augen absehen* (угадать по глазам у кого-л. что-л.); *die Augen schließen* (закрывать глаза навеки, умереть); *in j-s Augen steigen* (вырасти в чьих-л. глазах); *j-n im Auge (be)halten* (не спускать глаз с кого-л., чего-л.); *ein böses Auge haben* (иметь дурной глаз); *kein Auge zutun* (не смыкать глаз); *etw. über den Daumen schätzen* (прикидывать на глазок); *wie aus der Erde gewachsen* (вырасти на глазах).

В русском языке элемент «глаза» демонстрирует удивление, равнодушие, наивность, нетрезвость/трезвость, надоедливость, наглость, суеверие, стыд, зависть. В английском языке – бережливость, внимательность, терпение, переживание, интерес, мастерство. В немецком языке – видеть насквозь, т.е. обладать способностью к интерпретации мимики и жестов; уход в иной мир, суеверие, быть настороже, «глаза» сопровождают этапы жизнедеятельности.

2. Элемент «уши».

Рус.: *у стен уши есть*; *слышал краем уха*; *слушать одним ухом*; *слушать вполуха*; *слушать во все уши*; *и ухом не ведёт*; *развесить уши*; *дошло до ушей*; *уши вянут*; *бьют по ушам*; *глухая тетеря*; *туг на ухо*; *пропускать мимо ушей*; англ.: *box smb's ear(s)* (разг. влупить кому-л. затрепину); *to fall on deaf ears* (пропускать мимо ушей); *to grin from ear to ear* (улыбаться во весь рот); *to have long ears* (быть любопытным); *to have nothing between one's ears* (разг. пренебр. быть тупым, безмозглым человеком; глуп как пробка); *to keep one's ears open* (держат ухо остро); нем.: *zu einem Ohr herein = zum andern hinauslassen* (в одно ухо впустить, в другое выпустить); *gute Ohren haben* (обладать хорошим слухом); *ein schlechtes Ohr für etw. haben* (медленно, с неохотой откликаться на что-л.); *j-m ein geneigtes Ohr leihen* (благосклонно внимать кому-л., выслушать кого-л.); *dicke Ohren haben* (быть глухим, невосприимчивым к чему-л.).

В русском языке элемент «уши» характеризует следующие особенности: невнимательность /внимательность, равнодушие, наивность, глухота. В английском языке – равнодушие, радость, любопытство, глупость, осмотрительность. В немецком языке – невнимательность /внимательность, равнодушие, доброта.

3. Элемент «язык».

Рус.: *язык чешется*; *у него длинный язык*; *язык без костей*; *остёр на язык*; *у него острый язык*; *умер без языка*; *находить общий язык*; *на языке вертится*; *с языка сорвалось*; *язык на плечо*; *птичий язык*; *змеиный язык*; *слаб на язык*; *привязать язык*; *укоротить язычок*; *прикусить язычок*; *эзопов язык*; англ.: *to be on the tip of one's tongue* (это вертится у меня на языке); *one could have bitten one's tongue off* (разг. готов себе язык

откусить); *to find one's tongue* (обрести дар речи); *to give tongue* (лаять, подавать голос); *to keep a quiet tongue in one's head* (помалкивать; держать язык за зубами); *to loosen smb.'s tongue* (развязать язык кому-л.); нем.: *eine deutliche Sprache reden* (говорить ясным языком, откровенно высказывать своё мнение); *j-m die Sprache nehmen* (лишить кого-л. дара речи); *eine lose Zunge haben* (быть невоздержанным на язык); *eine schwere Zunge haben* (быть косноязычным); *die Zunge beständig rühren* (говорить, болтать без умолку); *die Zunge verschlucken* (язык проглотить, потерять дар речи); *seine Zunge hüten* (держат язык за зубами).

В русском языке элемент «язык» демонстрирует такие качества, как болтливость, остроумие, коммуникабельность, язвительность. В английском языке – неспособность сформулировать мысль, болтливость, догадка, грубость, сдержанность. В немецком языке – откровенность, удивление, болтливость, язвить, несдержанность, молчание, сдержанность.

4. Элемент «внешность».

Рус.: толстый как бочка; тяжёлая артиллерия; поперёк себя шире; ветром качает; шея – как у быка хвост; рылом не вышел; рожка – хоть портянки суши; голова с пивной котёл; рот шире ворот; трапезный вид; огнём горит; с иголки одет; одет с головы до ног; не к лицу; прям как дуга; как картинка; красив, как наливное яблочко; глаз радует; глаз не оторвёшь; во всей красе; кровь с молоком; всё при нём; англ.: *to be on all cylinders* (быть в прекрасной форме); *brown as a berry* (очень тёмный, загорелый, шоколадного цвета); *clean as a pin* (чистый, опрятный); *the answer to a maiden's prayer* («мечта девушки», красивый холостяк); *crow's feet* (гусиные лапки, морщинки); *fair as a lily* (прекрасна как лилия); нем. *Fleisch ansetzen* (полнеть, толстеть); *auf dem absteigenden Ast sein* (стареть); *sich gut ausnehmen* (выглядеть хорошо); *viel auf das Äußere achten* (придавать значение внешности, манерам, приличиям); *seine Ernst behaupten* (сохранять серьёзный вид); *j-n zum Erröten bringen* (вознать кого-л. в краску, заставить покраснеть кого-л.); *Farbe bekommen* (порозоветь); *zu klein geraten sein* (ростом не выйти).

В русском языке элемент «внешность» представляет такие признаки и характеристики человека, как полнота, худоба, уродливость, большой размер, элегантность, дороговизна, красота, здоровье. В английском языке – загар, подтянутость, чистота, естественная красота. В немецком языке – полнота, серьёзность, стыд, возрастные изменения, хорошая форма, оценка.

5. Элемент «трудолюбие/лень».

Рус.: хлеб переводит; деловой бездельник; гонять лодыря; гонять собак; бить баклуши; валять дурака; валять Ваньку; играть в бирюльки; считать ворон; плевать в потолок; торговать воздухом; торговать дрожжами; прожигать жизнь; сонная тетеря; сонная муха; перекур с

дремотой; руки не доходят; рукой не двинет; работать как лошадь; гнуть спину; семь потов сошло; англ.: *to lie down on the job* (работать недобросовестно, спустя рукава); *to bear fruit* (приносить плоды, давать результаты); *to bend over backwards* (разг. всячески стараться; из кожи вон лезть); *to burn the midnight oil* (работать по ночам, поздно засиживаться за работой); *busy as a bee* (очень занятый, трудолюбивый как пчёлка); *to come a long way* (далеко пойти, многого добиться, преуспеть); *to do the trick* (достичь цели, добиться своего); нем.: *gut abschneiden* (добиться успеха); *er hat die Arbeit nicht erfunden* (он не прочь побездельничать); *in der Arbeit aufgehen* (с головой уйти в работу); *sich auf die faule Bank legen* (предаваться безделью); *ins Blaue schießen* (бесцельно тратить время за пустым занятием; плевать в потолок); *hoch ans Brett kommen* (добиться высокого положения); *es zu etwas bringen* (добиться успеха); *arbeiten wie ein Dachs* (работать не покладая рук); *Daumen drehen* (бездельничать, сидеть сложа руки).

Элемент «трудолюбие» представлен в трёх языках достаточно полно, в отличие от элемента «лень». Однако в русском языке можно увидеть, что фразеологизмов с понятием «лень» гораздо больше, чем с понятием «трудолюбие».

6. Элемент «смелость/трусость».

Рус.: ветер в лицо; плыть по быстрине; смотреть в глаза смерти; и в ус не дуёт; всё нипочём; и ухом не ведёт; заячья душа; дрожит, как заяц; поджилки дрожат; дрожь в коленках; поджать хвост; дух захватить; без языка стал; нагнать страху; держаться за юбку; стрелять из-за угла; англ.: *cold feet* (трусость, малодушие); *to be afraid of one's own shadow* (бояться собственной тени, бояться всего на свете); *to bell the cat* (отважиться, рискнуть, взять на себя инициативу); *to bury one's head in the sand* (прятать голову в песок, придерживаться страусовой политики); *to carry one's life in one's hands* (рисковать жизнью, пуститься в отчаянное предприятие); нем.: *sich in die Büsche schlagen* (спрятаться в кусты, трусость); *Dampf vor etw. haben* (бояться кого-л.); *einen Hasenfuß in der Rasche haben* (быть трусливым как заяц); *sich ein Herz fassen* (собраться с мужеством); *sich ein Herz nehmen* (набраться храбрости, решиться, отважиться); *die Initiative an sich reißen* (захватить инициативу в свои руки).

Элементы «смелость» и «трусость» имеют одно и то же семантическое наполнение.

Таким образом, исследуемый материал позволяет выделить группы фразеологизмов, описывающих внешность и характер человека. Внешняя характеристика во фразеологизмах трёх языков отмечает характерные особенности: глаза, уши и общая характеристика внешности. Внутренняя характеристика описывает такие свойства человека, как трудолюбие / лень и смелость / трусость, болтливость / сдержанность.

Как видим из примеров, фразеологизмов антропоцентрической направленности достаточно много как в русском, так и в английском и немецком языках, что говорит о богатстве фразеологического фонда. Некоторые примеры при переводе на другой язык не демонстрируют наличие того или иного элемента, представленного в тематической группе, но тем не менее в оригинале этот элемент присутствует.

Подводя итог, следует сказать, что проблема изучения языковой картины мира связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отображает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, условия его существования. Анализ языковой картины мира тех или иных языков позволяет понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
3. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973.
4. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – Вып. 1. – С. 111 – 134.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Перемена, 2004.
6. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – Вып. 1. – С. 135 – 168.

Список использованных словарей

7. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995.
8. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.
9. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Дрофа, 2005.

Семантическое поле «грусть» и «печаль» в произведении В. Астафьева «Царь-рыба»

В статье исследуются особенности функционирования семантического поля «грусть» и «печаль» в повести В. Астафьева «Царь-рыба». На основании анализа словарных статей и текста художественного произведения выдвигается гипотеза о дифференциации и возможной взаимозаменяемости лексем «грусть» и «печаль», входящих в семантическое поле «чувство».

The article is devoted to the study of the functioning of the semantic field of «sadness» and «sorrow» in the text «King-fish» of W. Astafiev's. An analysis of entries has been hypothesized on the interchangeability of tokens «sadness» and «sorrow» in the text of the artwork.

Ключевые слова: семантика, семантическое поле, художественная речь, компонентный анализ, ядерная сема, коннотации, контекст.

Key words: semantics, semantic field, artistic speech, component analysis, nuclear sema, connotation, context.

В последнее время у лингвистов возникает активный интерес к творческому аспекту употребления языка, основанный на традиции изучения функций языковых средств в художественной речи, что подчёркивает актуальность изучения особенностей функционирования семантического поля в художественном тексте. Семантическое поле в художественном произведении должно рассматриваться как некая относительно самостоятельная лексическая микросистема. Авторский текст несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, стиля своего творца.

С точки зрения теории и психологии творчества, порождаемый текст как «язык в действии» представляет собой авторский поток сознания, выраженный в языковой форме. В связи с этим, важным и интересным представляется установление особенностей выделения «грусти» и «печали» как самостоятельных лексических единиц. Словарные дефиниции большей части эмотивной лексики сближаются благодаря общему содержанию, имеющемуся в них. Уфимцева А. А. называет «эту интегративную по сущности трансформированную по форме выражения общую для целого ряда единиц сущностную часть словарной дефиниции – идентифицирующим предикатом» [3, с. 165]. Сема эмотивности, выступая в статусе категориально-лексической семы, выполняет функцию идентифицирующего предиката и обычно представляет собой аналитическое сочетание, построенное по модели: «понятие о чувстве» + «конкретное наименование

какого-либо чувства». Так, например, в «Толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой» читаем: **Грусть**, -и, ж. Чувство печали, уныния. Г. о доме, о родных. Предаваться грусти. *В грустях кто (прост.) грусти*; **Печаль**, -и, ж. 1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. *В глубокой печали. Тихая печаль*. 2. То же, что забота (устар. и прост.). *Не твоя п. чужих детей качать (посл.). Тебе что за п.? (какое тебе дело?) Не было печали!* (говорится по поводу чего-н. неожиданного и неприятного; разг.). А в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: **Грусть**, грусти, мн. нет, ·жен. 1. Чувство легкого томного уныния, тоскливой печали (книж. поэт.). Не могу без грусти вспомнить о моей счастливой молодости. *«В минуту жизни трудную, теснится ль в сердце грусть»* Лермонтов. 2. перен., в знач. сказуемого (преим. с определениями: одна, сплошная и т.п.). О том, что по причине своих отрицательных качеств или свойств вызывает разочарование, резкое неудовольствие, низкую оценку (разг. фам.). *Работать с этим лентяем - одна грусть*; **Печаль**, печали, ·жен. 1. только ед. Скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство. *«Гляжу, как безумный, на черную шаль, и хладную душу терзает печаль»* Пушкин. *«Была без радости любовь, разлука будет без печали»* Лермонтов. *«Впалые, влажные глаза ее выражали великую, но спокойную печаль»* А. Н.Толстой. *«Ветер осенний наводит печаль»* Некрасов. 2. То, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его (·книж.). *Ты вспомни быстрые минуты первых дней,...* 3. Забота, огорчение (·разг.). *Вам-то какая печаль? Не твоя печаль* (не твое дело). *«Не было печали, так черти накачали»* погов.

Если следовать толкованиям, представленным в указанных словарях, то значения «грусти» и «печали» как эмоций могут быть функционально взаимозаменяемы, так как ядерной семой в обоих случаях является сема «чувство». Эмоциональные состояния, чувства характеризуются окраской (положительной, отрицательной, нейтральной), интенсивностью, длительностью/кратковременностью, устойчивостью, активным/пассивным характером, степенью осознанности личностью, направленностью. Эти логические признаки понятия находят свое выражение в дефинициях толковых словарей. С помощью компонентного анализа нами были выделены следующие семы, которые конкретизируют, уточняют данные понятия:

- 1) сема силы воздействия эмоционального состояния;
- 2) сема положительного/отрицательного эмоционального состояния;
- 3) сема устойчивости эмоционального состояния;
- 4) сема продолжительности эмоционального состояния;
- 5) сема интенсивности эмоционального состояния;

В результате анализа словарных статей можно сделать вывод, что «печаль» является более глубоким и сильным чувством, так как по семам «сила воздействия», «продолжительность» и «интенсивность» эти понятия в словаре Д. Н. Ушакова дифференцируются. А по семе «положительно-

го /отрицательного эмоционального состояния» и «устойчивости» явной дифференциации не происходит.

Поскольку авторский текст является самостоятельным потоком сознания, то возникает вопрос: происходит ли смешивание понятий «грусть-печаль» в произведении В. Астафьева «Царь-рыба» или они все-таки различаются. Для ответа на данный вопрос необходимо рассмотреть системные отношения единиц «грусть» и «печаль», входящих в семантическое поле «чувства».

Путем лингвосмыслового анализа из произведения В. Астафьева «Царь-рыба» нами были выделены контексты, где актуализируются лексемы «грусть» и «печаль». Таких контекстов в тексте произведения обнаружено 22. Опираясь на результаты лексикографического анализа, мы определили, что каждый новый контекст актуализирует одну или несколько дифференциальных сем, выделенных нами ранее.

Так, например, 1 сема «сила воздействия» оказалась наиболее выраженной в 14 контекстах употребления: «Лишь *слабенькое дуновение грусти* коснулось моей души, и тут же все пропало, улетучилось под напором азарта и душевного ликования» [курсив здесь и далее наш. – Е. С.] [1, I, с. 47]; «*Печаль светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днем*, рождает думы о ближних, тоску по любви, мечты о чем-то неведомом, то ли о прошлом, всегда томительно-сладком, то ли о заманчивом от неясности пугающе-притягательном будущем» [1, I, с. 59]; «С возрастом я узнал: радость кратка, проходяща, часто обманчива, *печаль вечна, благотворна, неизменна*» [1, I, с. 59]; «*День меркнет ночью, человек – печалью*», – с суеверной елейностью пропел он про себя, отгоняя мрачные думы» [1, I, с. 109].

Итак, как мы видим из контекста, «печаль» является более сильным и продолжительным чувством, чем «грусть».

По 2 семе «положительного/отрицательного эмоционального состояния» было выделено 9 контекстов употребления: «Странно все-таки, почему именно свет слабых, удаленных звезд наполняет меня *печальным успокоением?*» [1, I, с. 59]; «С *упоенной и неясной грустью* смотрела она на меня» [1, I, с. 286]; «Тень *вечной северной печали* меркла во тьме глубоко запрятанного страха» [1, I, с. 214].

Можно сделать вывод, что по данной семе грусть выступает как чувство более легкое, не несущее негативной окраски, а печаль более интенсивно выражает эмоциональное состояние героев.

3, 4, 5 семы выделяются в 20 контекстах.

«Море нагоняло на меня еще большую тоску мерным, неумолчным шумом. В его большом и усталом дыхании слышалась *старческая грусть*» [1, I, с. 418]; «До ухода солнца <...> цветок дышал теплом светила, поворачивая вслед ему яркую головку, после чего лепестки, с исподу отепленные шерстью, сразу плотно закрываются. *Грустно* опадает головка, но

внутри цветка, под лепестками, не кончается неприметная работа» [1, I, с. 174]; «Только сделался с годами обликом и в голосе *грустен* да шибко изворотливым стал» [1, I, с. 382]; «Никому еще не удалось объяснить эту *вечную печаль* северян, она живет в них, томит их, делает кроткими добряками» [1, I, с. 181]; «*Мудра, выросла печаль* – ей миллионы лет, радость же всегда в детском возрасте...» [1, I, с. 59]; «И щипнула сердце Командора тихая зависть: «вот бы всегда парнишкой быть! Ни тебе горя, ни *печали*, рыбачил бы, из рогатки пташку выцеливал, картошку печеную жрал...» [1, I, с. 105]; «Переселилась в нее материнская тайна, *печалит* глубь ее взора, хотя глаза глядят – смеются» [1, I, с. 181]; «Тень вечной *северной печали* меркла во тьме глубоко запрятанного страха» [1, I, с. 214]; «Я приостановился, приложил ладонь к корявинам ствола и услышал горькой струей *сквозящую печаль*» [1, I, с. 477].

Следует заметить, что в тексте «печаль» используется с такими эпитетами как «вечная», «мудра, выросла», «северная», а «грусть» – «старческая», что определеннее можно отнести к возрасту героя (в данном случае моря), чем к продолжительности чувства, поэтому можно сделать вывод, что по 3, 4, 5 семам «печаль» и «грусть» тоже дифференцируются. В тексте печаль выступает как более устойчивое, продолжительное и интенсивное чувство.

Данные можно представить в форме таблицы.

Таблица 1

Чувство	Сила воздействия	Продолжительность	Интенсивность	Эмоциональное состояние	
				положительное	отрицательное
<i>грусть</i>	Слабая Неясная	длительная («старческая грусть»), краткая («дуновение»)	интенсивная	«упоенная» «неясная»	
<i>печаль</i>	Вечная Сильная	«выросла печаль» «ей миллионы лет»	Более интенсивная	«печальное успокоение» «притягательна»	«томительная» «пугающая» «мрачна»

Так, несмотря на то, что «грусть» и «печаль» можно объединить в одно семантическое поле «чувства», необходимо принять во внимание их семное различие, которое приводит к тому, что слово грусть используется в русском языке для обозначения состояния чаще всего кратковременного, не причиняющего сильные душевные страдания. Слово печаль, напротив, указывает на то, что человек уже длительное время находится в данном состоянии, печаль может причинять дискомфорт, а то и сильнейшее страдание.

В связи с этим представляется не случайным, что «печаль» как чувство, несущее большую эмоциональную нагрузку при передаче эмоционального состояния героев, употребляется в 16 контекстах, а «грусть» в 6 контекстах.

Таким образом, индивидуально-авторское употребление слов «грусть» и «печаль» приводит к характерному разграничению их семантики. В семантическом поле «чувства» мы выделили микрополе «грусти» и микрополе «печали», данные микрополя не являются обособленными друг от друга. Между ними происходит наложение в семе, характеризующей «положительное/отрицательное эмоциональное состояние», поскольку «грусть» и «печаль» являются чувствами глубоко личными. В зависимости от ситуации герои произведения «Царь-рыба» испытывают то «печальное успокоение», «притягательную печаль», «упоенную грусть», то «горькую печаль», «неясную грусть». В 1, 3, 4 и 5 семах заметна дифференциация данных понятий, что позволило нам выделить «грусть» и «печаль» отдельными микрополями.

Представленный аспект исследования в дальнейшем может послужить основой для более детального анализа прозы В. Астафьева и его индивидуально-авторского использования языковых средств. Комплексный анализ авторских семантических полей позволяет моделировать огромную картину человеческой способности к предикации и индивидуальных образно-словесных возможностей отдельных писателей.

Список литературы

1. Астафьев В. Собрание сочинений. В 4 т. – М.: Мол. гвардия, 1981. – Т 1. Царь-рыба. Затеси.
2. Макеева Е. Ю. Функционально-семантическое поле как средство репрезентации концепта «желание» в английском языке (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006.
3. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – С. 20 – 380.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М., 2009.
5. Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. В. Пузырев. – М.; Пенза, 2001.
6. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. – М.: ВЛАДОС, 2002.
7. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – С. 190 – 196.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935 – 1940.

Проблема исследования прагматического значения с позиций лингвистической прагматики

В статье исследуется иерархическое положение прагматического значения в общей системе значения, определяются виды и структура прагматического значения, границы и особенности его функционирования, проводится дифференциация прагматического значения и прагматического смысла.

The paper its hierarchical position in the general system of meaning, its forms and structure. The author expresses her point of view to the problems of differentiation of pragmatical meaning and pragmatical sense.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, прагматическое значение, прагматический смысл.

Key words: pragmalinguistic, pragmatical meaning, pragmatical sense.

Лингвистическая прагматика как самостоятельное научное направление сформировалась во второй половине XX века. Её возникновение было обусловлено рядом предпосылок, среди которых можно выделить как общенаучные, в частности, ориентацию на человеческий фактор, так и частнонаучные – переосмысление терминов прагматика, прагматический, значение и др.

В рамках лингвистической прагматики изучаемые феномены определяются в тесной связи с характеристикой отправителя, получателя и ситуации общения. Это создаёт основу для понимания важнейших форм человеческой деятельности, в том числе, речевого общения, осуществляющегося с помощью речевых сигналов с присущими им значениями, а также способствует формированию преемственности в данной конкретной области между такими отраслями научного знания, как философия и семиотика, психология и лингвистика и др., что, в свою очередь, неизбежно приводит к рефлексии в отношении как самого прагматического значения, так и принципов и методов его исследования.

На современном этапе развития лингвистической прагматики значение трактуется как информация, передаваемая конкретным знаком (сигналом) в процессе коммуникации. Лингвистическая прагматика изучает значения, возникающие и существующие в коммуникативном потоке. При этом различаются значения, исходящие от отправителя текста, и значения, воспринимающиеся и интерпретирующиеся получателем текста. И те и другие значения могут быть узуальными (словарными), актуальными (контекстными) или прагматическими.

Узуальное значение слова соответствует объективному толкованию, развернуто представляющему конкретный предмет, явление, процесс, их свойства, отношения, имеющие место и потенциально могущие существовать в реальной действительности. Узуальное значение фиксируется в словаре и часто дополняется правилами комбинирования данного слова с другими словами языка. Приведём примеры узуальных значений.

Пример 1

Солнце [óh], а, ср. 1. Раскалённое небесное тело шарообразной формы, вокруг которого вращается Земля и другие планеты, (С прописное) небесное светило. *Земля – одна из ближайших к Солнцу планет. Есть правда под солнцем* (т.е. на земле, у людей). *До солнца* (до восхода Солнца). 2. Свет, тепло, излучаемое этим светилом. *Греться на солнце*. 3. перен., чего. То, что является источником, сосредоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого (высок.). *Солнце правды. Горное солнце* (устар.) – кварцевая лампа для светолечения. || ласк. **солнышко**, -а, ср. (к 1, 2 значению) || прил. **солнечный**, -ая, -ое (к 1, 2 значению). *Солнечная система. Солнечное затмение. Солнечный удар* (болезненное состояние от перегрева головы лучами солнца) [8, с. 1001]. В процитированной словарной статье арабскими цифрами (1, 2, 3) отмечены три отдельных значения слова «солнце». Каждое из данных значений является узуальным.

Внутренняя структура каждого узуального значения слова образуется тремя элементами: референтом, денотатом и сигнификатом. Референт представляет обозначаемую словом конкретную сущность (часть реальной действительности – предмет, явление, процесс, их свойства, отношения). Денотатом (экстенсионалом) называется множество сущностей, по отношению к которым может быть актуализировано данное слово. Сигнификат (интенсионал) – совокупность признаков, объединяющих и противопоставляющих отдельную обозначаемую сущность или целый класс обозначаемых сущностей и маркирующих возможные условия применимости данного слова, а также примеры актуализации слова в различном текстовом окружении.

Так, первое значение слова «солнце» составляют референт (раскалённое небесное тело шарообразной формы, вокруг которого вращается Земля и другие планеты, небесное светило), денотат (небесное тело) и сигнификат, которого есть признаки: раскалённое, небесное, шарообразной формы, вокруг которого вращается Земля и другие планеты; условия применимости слова: С прописное; примеры применения слова: *Земля – одна из ближайших к Солнцу планет. Есть правда под солнцем* (т.е. на земле, у людей). *До солнца* (до восхода Солнца).

Актуальное значение слова устанавливается в процессе конативно обусловленного сопоставления узуальных значений заданного ряда слов, выявления их взаимодействий и т.д. в конкретном текстовом окружении. Проиллюстрируем сказанное на примере казачьей поговорки.

Пример 2

Вставай, а то солнце уж в зад упёрлось (казачья поговорка). Здесь реализовано первое значение слова «солнце», зафиксированное в словаре (см. выше: солнце – раскалённое небесное тело шарообразной формы, вокруг которого вращается Земля и другие планеты, небесное светило). К такому выводу мы приходим, сопоставив узуальные значения связанных в единое высказывание слов (*Вставай, а то солнце уж в зад упёрлось*) и сформулировав общую формулу высказывания (*Просьпайся, день наступил*).

Пример 3

Месяц – казачье солнышко (казачья пословица).

В казачьей пословице «Месяц – казачье солнышко» первое словарное значение сопоставляется с третьим: слово «солнце» актуализируется одновременно для обозначения небесного светила, вокруг которого вращается Земля, и для указания на ценность, эквивалентность другого небесного светила, которое вращается вокруг Земли, – луны.

Приведём ещё один пример – отрывок из письма А. П. Чехова П. И. Чайковскому 14 октября 1889 года.

Пример 4

Очень, очень тронут, дорогой Петр Ильич, и бесконечно благодарю Вас. Посылаю Вам и фотографию, и книги, и послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне [10, II, с. 10]. В данном текстовом окружении автором актуализировано третье, переносное значение слова «солнце» (см. выше: солнце – то, что является источником, сосредоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого). К такому интуитивному толкованию мы приходим, сравнив узуальные значения цепочки слов (*и послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне*, то есть отдал бы самое дорогое).

Внутренняя структура актуального значения, также как и структура узуального значения образуется тремя составляющими: референтом, денотатом и сигнификатом. Отличие составляет только содержание сигнификата, представляющего собой совокупность признаков, объединяющих и противопоставляющих отдельную обозначаемую сущность или целый класс обозначаемых сущностей и маркирующих конкретные условия применимости слова. Сигнификат актуального значения, в отличие от сигнификата узуального значения, ограничивается одним данным примером актуализации слова. Обратившись ещё раз к процитированному отрезку, определим, что является референтом, денотатом и сигнификатом для данной актуализации слова «солнце». Референт данного актуального значения слова – источник, сосредоточие чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого; денотат – источник, сосредоточие; сигнификат – признаки: ценное, высокое, жизненно необходимое; условия применимости слова: высокий стиль; пример применения слова (пример 4).

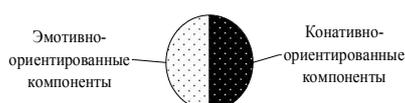
Прагматическое значение слова отражает позиционирование субъекта отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю. Например, в процитированном выше отрывке из письма А. П. Чехова П. И. Чайковскому слово «солнце» подчёркивает значимость адресата (П. И. Чайковского) для отправителя письма (А. П. Чехова), глубину уважения и восхищения писателя композитором. К интуитивному толкованию такой актуализации слова приходят составители и комментаторы сборника эпистолярных писателя – М. П. Громова, А. М. Долотова, В. В. Катаев, которые, в частности, пишут:

Пример 5

«Личные отношения Чехова и Чайковского и их переписка отмечены сильнейшим взаимным душевным притяжением. Музыка Чайковского вызвала у Чехова восторг, восхищение, она была неотъемлема от атмосферы его жизни. В своем втором письме Чайковскому Чехов писал: «Посылаю Вам и фотографию, и книги, и послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне», – мало что может быть поставлено рядом с этим признанием в эпистолярной Чехова по силе чувства и его образному выражению» [4, с. 8].

Внутренняя структура прагматического значения создаётся единством эмотивно- и конативно-ориентированных компонентов. Эмотивно-ориентированные компоненты характеризуют представления отправителя о потенциальном получателе. Конативно-ориентированные компоненты прагматического значения – интенции и пресуппозиции отправителя. Представим внутреннюю структуру прагматического значения на схеме (Схема 1).

Схема 1. Внутренняя структура прагматического значения

Компоненты прагматического значения основываются на свойстве речевых единиц не существовать изолированно друг от друга и, хотя бы потенциально, быть связанными с другими знаками. Связанность речевых единиц друг с другом создаёт своеобразный прагматический фон конкретного высказывания и речевого общения в целом.

Эмотивно-ориентированный прагматический фон может свидетельствовать: об участии / неучастии коммуникантов в речевом событии; об уверенном / неуверенном речевом поведении отправителя текста; о вероятностном оценивании отправителем речевого события как реального / нереального. Конативно-ориентированный прагматический фон может

указывать: на акцентирование (возведение в ранг доминанты) отправителем конкретных элементов высказывания; на выражение позитивного / негативного отношения субъекта отправителя к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю; на учёт отправителем прагматических ожиданий получателя текста и сообщение получателю достаточного, избыточного или недостаточного объёма информации.

Сравним ещё раз приведённые примеры 1 – 4. Мы видим, узуальные значения слова представляет собой его своеобразные инварианты (модели). Актуальное и прагматическое значения – варианты реализации конкретного инварианта в речи. Значение слова в совокупности трёх элементов (узуального, актуального и прагматического значения) одновременно является моделью некоего мыслительного содержания, полного (в данный момент познания) отражения в сознании мыслящего субъекта признаков некоторой заданной категории объектов и явлений, то есть моделью понятия.

Сформулируем промежуточные выводы. Современное исследование проблемы значения строится с учётом общелингвистической тенденции к рефлексии в отношении трактовки значения и принципов его исследования. В рамках антропоцентрически ориентированного лингвопрагматического значения разделяется на узуальное, актуальное и прагматическое. Такое разделение позволяет представить узуальное значение слова как инвариант, а актуальное и прагматическое значения как варианты реализации данного инварианта в речи.

Термины значение и смысл слова нередко отождествляются. Подтверждение этому легко найти, обратившись к словарю, где значение определяется как «смысл, то, что данный предмет (слово, знак, жест) означает» [8, с. 309], а смысл трактуется как «внутреннее содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом» [8, с. 988]. Отождествление значения и смысла имеет место и в ряде научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов [см., напр.: 1, с. 10 – 11]. При неоспоримой оправданности такого отождествления в определенных контекстах нам представляется логичным в дальнейшем разделять значение и смысл.

Отметим, что такое разделение не является новым в научной парадигме. Так, например, в работах немецкого философа Г. Фреге значение имени (по определению Г. Фреге денотат) отождествляется с конкретными предметами, явлениями и т.д., а смысл (по определению Г. Фреге сигнификат) трактуется как информационное содержание имени [12, с. 44]. Российский лингвист А. В. Бондарко противопоставляет значение смыслу, рассматривая значение как содержание единиц и категорий конкретного языка, включенное в его систему и отражающим ее особенности, а смысл как содержание, не связанное с формой данного языка [2, с. 53]. В работах российского психолога А. Н. Леонтьева значение как обобщённая форма отражения действительности противопоставляется личному смыслу, под

которым учёный понимает индивидуальную субъективную форму отражения действительности [6, с. 290]. При этом в структуре значения А. Н. Леонтьевым выделяются три основные составляющие: предметное, ролевое и языковое значение. Последнее трактуется как символическое значение, существующее на чувственной базе языка как системы специфических квазиобъектов (знаков) [7, с. 15]. В трудах другого российского психолога А. А. Пелипенко смысл рассматривается как ценностно переживаемое значение, которое, социально транслируясь, реализуется в контексте культуры, а значение – как семантический компонент смысла, наряду с компонентами экзистенциального переживания и ценностной окрашенности [9, с. 22].

В теории трёхчленной дифференциации семантического содержания Э. Косериу смысл (Sinn) как текстовая функция, реализуемая как языковыми, так и внеязыковыми средствами, противопоставлен, с одной стороны, значению (Bedeutung), отражающему содержание, создаваемое в конкретном языке на основе существующих в нем грамматических и словарных оппозиций, и, с другой стороны, обозначению (Bezeichnung) или внеязыковой референции (соотношению с именуемой в каждом конкретном случае внеязыковой действительностью) [5, с. 64 – 66].

Наиболее близко нашему исследованию толкование значения российским лингвистом Н. М. Гариповой, анализирующей значение как феномен общественного сознания в системе психики субъекта, феномен, представляющий собой потенцию смысла [3, с. 140].

В нашем исследовании, как уже было отмечено выше, смысл отождествляется с речевой реализацией значения. В данном случае значение рассматривается как инвариант по отношению к смыслу слова. Поэтому далее, изучая изолированное отражение позиционирования субъекта-отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю, будем говорить о прагматическом значении, а исследуя контекстно-обусловленное отражение позиционирования субъекта-отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю, будем иметь в виду прагматический смысл.

Исследуя внутреннюю структуру прагматического значения, мы выделили две группы компонентов (эмотивно- и конативно-ориентированные компоненты). В соответствии с внутренней структурой прагматического значения представим эмотивно- и конативно-ориентированные варианты прагматических смыслов.

Конативно-ориентированные варианты прагматических смыслов:

- выражение позитивного / негативного отношения субъекта отправителя к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю;
- акцентирование отправителем конкретных элементов высказывания;

•учёт отправителем прагматических ожиданий получателя текста и сообщение получателю достаточного, избыточного или недостаточного объёма информации.

Эмотивно-ориентированные варианты прагматических смыслов:

- участие / неучастие коммуникантов в речевом событии;
- уверенное / неуверенное речевое поведение отправителя текста;
- вероятностное оценивание отправителем речевого события как реального / нереального.

Прагматический смысл в силу своей привязанности к речевой ситуации имеет, помимо внутренней, ещё и внешнюю структуру. Внешняя структура прагматического смысла базируется на стереотипном речевом поведении личности отправителя. Под стереотипным речевым поведением мы понимаем эмотивно- и конативно-обусловленные речевые реакции отправителя, существующие в виде относительно устойчивой системы речевых действий, системы, которая формируется в ответ на привычные повторяющиеся условия общения. Прагматический смысл слова (как и стереотипное речевое поведение отправителя актуализировавшего данное слово) может отражать:

•индивидуальное ситуативное отношение субъекта отправителя к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю;

•конвенциональное социально-детерминированное отношение субъекта отправителя к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю.

Следовательно, так же, как и во внутренней структуре, во внешней структуре прагматического смысла можно выделить две группы компонентов: индивидуальные и социально детерминированные компоненты. Представим внешнюю структуру прагматического смысла на схеме (Схема 2.).

Схема 2. Внешняя структура прагматического смысла

Индивидуальные компоненты прагматического смысла представляют ценностные ориентации личности, индивидуальные моральные нормы,

приоритеты, установки, а также субъективные переживания и ощущения. Социально-детерминированные компоненты прагматического смысла отражают нормы морали и групповые ценности, групповые приоритеты и установки. Как индивидуальные, так и социально-детерминированные компоненты прагматического смысла всегда являются реальными, то есть существующими в данный конкретный момент речевой реализации, в отличие от компонентов прагматического значения, которые могут быть также и потенциальными, соответственно, существующими в скрытом виде и проявляющимся при определённых условиях.

В силу наличия индивидуальных и социально-детерминированных компонентов прагматический смысл «авторизует» прагматическое значение относительно личности отправителя текста как носителя конкретных индивидуально-личностных и лингвокультурных свойств в момент актуализации им конкретных речевых сигналов.

Прагматическое значение и прагматические смыслы не могут быть автономными, замкнутыми на себе структурами, поскольку не могут существовать отдельно от интерпретирующего субъекта и помимо чисто языковых составляющих включают в себя культурные составляющие (основной характеристикой которых является нестабильность). В связи с этим представляется, что тезис о нестабильности значения [11, с. 374], выдвинутый в рамках постмодернистской теории интертекстуальности, может быть актуален и в отношении значения прагматического.

Нестабильность прагматического значения определяется инклюзивностью / эксклюзивностью воспринимаемого объекта относительно границ перцептивного пространства субъекта. Кроме того, прагматическое значение и прагматические смыслы могут быть составляющими значения и смыслов единиц различных уровней: лексических единиц (где входит составной частью в лексическое значение), морфологических единиц (где отражает различные оттенки морфологического значения), синтаксических единиц (где может быть связано с актуальным членением предложения, то есть структурированием информации с точки зрения её новизны или степени важности для получателя), стилистических единиц (выбор которых обусловлен, прежде всего, коммуникативной ситуацией) и др.

Это не означает абсолютную невозможность интерпретации прагматического значения, но требует особенных методов, базирующихся как на традиционных, так и нетрадиционных теоретических изысканиях. На иллюстрации такого метода мы остановимся подробно в следующих статьях.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 8 – 42.
2. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1998. – С. 51 – 63.

3. Гарипова Н. М. Смысл слова и слово смысла // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 28 октября 2008 года. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 137 – 141.
4. Громова М. П., Долотова, А. М., Катаев В. В. Комментарии к переписке А. П. Чехова и П. И. Чайковского // Переписка А. П. Чехова. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – С. 8 – 9.
5. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV. – С. 62 – 72.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
7. Леонтьев А.Н. Смысл феномена смысла и его статус // Мир психологии. – М.-Воронеж: МГУ, ВГУ, 2001. – Вып. 2. – С. 13 – 20.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2006.
9. Пелипенко А. А. Рождение смысла // Мир психологии. – М.-Воронеж: МГУ, ВГУ, 2001. – Вып. 2. – С. 20 – 26.
10. Чехов А. П. Переписка А. П. Чехова. В 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.
11. Kristeva J. Bachtin, das Wort, der Dialog und der Roman // Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven. – II. Hrsg. v. Jens Ihwe. – Frankfurt-am-Main, 1972. – Band 3: Zur linguistischen Basis der Literaturwissenschaft. – S. 345 – 375.
12. Frege G. Über Sinn und Bedeutung. – [Электронный ресурс]: www.gavagai.de/HNP31.htm, 2008.

Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности

В статье рассматриваются виды и формы непрямого побуждения в текстах, представляемых на лингвистическую экспертизу. Описываются факторы, определяющие степень побуждения; выявляются неимперативные формы побудительности и маркеры скрытых форм побуждения.

This article describes different types and forms of the indirect motivation in analyzing texts. Here we can find factors determining motivation degree, non-imperative motivation forms and hidden markers of motivation forms.

Ключевые слова: побудительность, побудительная семантика, воздействие, коммуникация, высказывание, императивная форма выражения, диапозитивная форма выражения.

Key words: requiredness, imperative semantics, manipulation, communication, statement, imperative form of expression, slide form of expression.

Воздействие на человека посредством речи активно изучается в современной науке. Особую практическую и теоретическую значимость приобретает изучение такого вида воздействия, как побуждение к действию [5; 9]. Вслед за учеными, внесшими заметный вклад в разработку представления о лингвистическом явлении побудительности (В. В. Виноградов, Э. В. Мицкевич, Е. В. Гулыга, А. Н. Гвоздев), побудительность понимается нами как коммуникативная категория, выражающая волеизъявление говорящего лица, которое проявляется в речевом воздействии на адресата сообщения с целью стимулирования его к определенному поведению.

В данной статье рассматриваются примеры высказываний, побудительная семантика которых выражена косвенно или скрыто – путем ее выведения из анализа речевого контекста или ситуации в целом. Материалом для исследования послужили лингвистические единицы (высказывания, целостные тексты, диалогические единства) с побудительной семантикой и функцией, полученные приемом сплошной выборки из текстов, предоставляемых на лингвистическую экспертизу.

Во всех аспектах изучения феномена побуждения – философском, психологическом и лингвистическом – данное понятие определяется посредством феномена «воля». В философском словаре дается следующее определение данного понятия: «Воля – это сознательная целеустремленность человека на выполнение тех или иных действий» [13, с. 78]. Большой толковый словарь определяет волю как «сознательное стремление к осуществлению чего-либо; упорство, настойчивость в достижении чего-либо»

[3, с. 148]. Осознанность целеустремления является важнейшей отличительной чертой побуждения от других видов воздействия.

Несмотря на то, что цель автора побудительного сообщения (удовлетворение своих потребностей и / или желаний за счет использования потребностей и / или желаний другого человека, то есть эксплуатация воли другого человека) является некой константой, форма, в которую он облекает данную интенцию, может варьироваться. Возможность варьирования формы связана с существующими в каждой культуре этическими, этикетными нормами, различием в социальном статусе коммуникантов, их языковой компетенции, с особенностями ситуации общения и т.д. В спорных тестах, предоставляемых на лингвистическую экспертизу, основной причиной использования не прямых языковых средств и форм непрямого побуждения является характер ситуации общения – юридически значимые ситуации, связанные с осуществлением неправомерных действий, которые обуславливают необходимость частичного или полного сокрытия истинных интенций говорящего при помощи не прямых форм выражения. Другой причиной является коммуникативная позиция адресанта по отношению к адресату.

Как известно, всякое воздействие представляет собой взаимодействие субъекта и объекта [10, с. 49]. По отношению к адресату сообщения автор побудительного высказывания может ставить себя в коммуникативно более высокую / низкую позицию или воспринимать себя равным ему. Под коммуникативной позицией мы понимаем позицию адресанта по отношению к адресату сообщения. Коммуникативная позиция может меняться в различных ситуациях общения, а также по ходу общения в рамках одной ситуации. Исходя из данного положения правомерно говорить о возможности говорящего в разной степени воздействовать на волевою сферу адресата. Указанные выше прагматические характеристики побудительных высказываний, позволяют выделить следующие критерии, определяющие степень категоричности выражения побудительности: допустимая степень подавления воли адресата, коммуникативная позиция адресанта по отношению к адресату. Опираясь на данные критерии, выделим две группы побудительных высказываний, характеризующихся разной степенью категоричности выражения побудительности: а) императивные; б) диспозитивные.

Группы императивных высказываний включают в себя высказывания, характеризующиеся категоричностью выражения побудительности и отсутствием свободы выбора адресата. Для таких высказываний типично практически полное подавление воли индивида и невозможность принятия им самостоятельного решения. Императивными бывают преимущественно такие виды побудительных высказываний, в которых стороны находятся в коммуникативно неравном положении (в отношении «власти» и «подчинения», иерархии позиций коммуникантов): приказ, распоряжение, разрешение, запрет, инструкция, предписание, заказ, требование, команда,

принуждение, указание. При использовании группы диспозитивных высказываний допускается свобода выбора адресата сообщения, то есть диспозитивные высказывания являются некатегоричными. Говорящий может занимать коммуникативно более низкую позицию по отношению к адресату, быть равным с ним, либо критерий коммуникативной позиции в данной ситуации оказывается несущественным. К таким высказываниям относятся: просьба, мольба, приглашение, совет, наказ, завет, убеждение, упрощивание, предложение, наставление, заклинание, рекомендация, запрос, увещивание, призыв. Выявленные с учетом указанных выше критериев признаки позволили установить градуальные ряды побудительных высказываний разных видов по степени убывания категоричности выражения волевого компонента автора (табл. 1).

Таблица 1

Градация побудительных высказываний по степени категоричности выражения побудительности

	Основные критерии						Виды побудительных высказываний
	Степень подавления воли адресата		Коммуникативная позиция адресанта по отношению к адресату				
	Есть свобода выбора	Нет свободы выбора	Адресант ставит себя выше	Адресант считает себя ничтожным	Адресант воспринимает себя равным	Несущественно	
Группы побудительных высказываний с разной степенью категоричности выражения побудительности							
Группа императивных высказываний	-	+	+	-	-	-	Приказ, распоряжение, разрешение, запрет, инструкция, предписание, заказ, требование, команда, принуждение, указание, просьба
Группа диспозитивных высказываний	+	-	+	+	+	+	Просьба, совет, мольба, приглашение, завет, запрос, убеждение, упрощивание, наказ, предложение, призыв наставление, заклинание, рекомендация, увещивание

В качестве примера рассмотрим следующую коммуникативную ситуацию: исходной языковой формой принимается предложение «Верни мне книгу». Ниже следуют возможные вариативные способы выражения побудительности с различной степенью категоричности.

Таблица 2

Языковые варианты побудительного высказывания

	Пример	Вид побудительного высказывания
Императивные высказывания	Ты вернешь мне книгу прямо сейчас!	приказ
	Чтоб вернул мне книгу!	требование
	Ты должен вернуть мне книгу.	принуждение
Диспозитивные высказывания	Я прошу тебя вернуть мне книгу. Я был бы очень признателен, если бы ты вернул мне книгу завтра.	просьба
	Я могу получить книгу назад?	запрос
	Не хочешь ли ты вернуть мне книгу?	предложение
	Мне кажется, что книгу лучше ему отдать.	совет

В приведенных примерах прослеживается различие в степени категоричности волеизъявления, и при этом каждое высказывание может трактоваться как какой-то определенный вид волеизъявления (приказ, просьба, требование, призыв и пр.). Приведенный перечень вариантов выражения волеизъявления не является закрытым и может быть дополнен другими синтаксическими формами.

Следует оговориться, что в речевой практике коммуникантов проведение четких границ между императивными и диспозитивными высказываниями часто является невозможным в силу того, что встречаются такие виды побудительных высказываний, которые включают в себя признаки как группы императивных, так и группы диспозитивных высказываний. Примером может служить такой вид побуждения, как просьба. В зависимости от языковых средств, формирующих высказывание данного вида, оно может быть отнесено как к императивной, так и к диспозитивной группе.

Так как юридически значимые ситуации предполагают побуждение к неправомерным действиям, адресант сообщения старается скрыть, замаскировать прагматическую составляющую высказывания. Для осуществления данной задачи наиболее подходящими являются диспозитивные высказывания. Побудительность в подобных высказываниях выражается языковыми средствами, за которыми закреплено определенное грамматическое значение, не относящееся к семантике волеизъявления, но, будучи

погруженными в определенный контекст, подобные языковые средства способны выражать побудительную семантику. В этом случае языковые единицы, грамматически не являющиеся показателями побудительности в русском языке, содержательно могут выступать в качестве императивных и распознаваться в тексте как нетипичные средства выражения побуждения, например, безличные конструкции, неполные предложения, вопросительные предложения, формы изъявительного и сослагательного наклонений и т.д. Подобные языковые средства относятся к косвенным средствам выражения побудительной семантики и чаще всего являются маркерами диспозитивных высказываний.

В силу особой значимости диспозитивных видов непрямого выражения побудительности (в ситуациях полного или частичного сокрытия интенции автора) остановимся на рассмотрении именно таких средств репрезентации побуждения в языке и речи.

Многообразие средств выражения побудительных высказываний обуславливает широкий спектр форм их репрезентации в речи: «форма – это способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его внешним выражением» [3, с. 1429]. В случае прямого выражения побудительной семантики можно говорить о типовых и устоявшихся средствах, специализирующихся на выражении той или иной формы побуждения (см., напр.: [14]). Косвенные средства побуждения опираются на устойчивые повторяющиеся приемы непрямого побуждения, они закреплены в языковом сознании носителей языка и часто проявляются в виде комплексов средств, способных в совокупности передавать значение побудительности. К формам репрезентации диспозитивных высказываний относятся также скрытые формы, которые не маркированы языковыми единицами, а предполагают анализ контекстуальных значений единиц и ситуации общения. Такие формы не имеют в своей исходной семантике компонентов побудительного значения, не обладают ни специализированными морфологическими формами, ни устойчивыми моделями закономерно подвергающихся переносу значений. Например:

– *Ребят, у меня «Валидол» кончился в аптечке...*

– *У меня «Диротон» есть, это от давления* (Запись речи от 7.11.2007).

Адресант констатирует факт отсутствия неких таблеток у него в аптечке, на что адресат отвечает констатацией наличия у него таблеток от давления. Как не прямое побуждение к действию («дайте «Валидол»»), так и ответ на это побуждение («Валидола нет, возьмите таблетки от давления») выражены в не прямой форме – путем констатации положения вещей. В данном случае как бы опущена общая посылка, логическое звено, известное обоим говорящим. Такого рода побуждения и запреты требуют от собеседников общей пресуппозиции – определенного фонда общих знаний.

Несмотря на не прямое выражение побуждения в подобных высказываниях адресат, как правило, адекватно декодирует прагматику данных единиц. При этом значимыми становятся разные виды знаков, маркирующие побудительную интенцию адресанта. Именно о таких ситуациях писал П. Ф. Стросон в своей работе «Намерение и конвенция в речевых актах»: «Чтобы речевой акт был возможен и слушатель распознавал намерение говорящего, в языке должны существовать или говорящий должен найти средства сделать свое намерение явным» [12].

Как показал наш анализ, в текстах, предоставляемых на лингвистическую экспертизу, функционируют следующие формы непрямого побуждения, маркирующие высказывания, относящиеся к диспозитивной группе: намек, угроза, предупреждение и оценочное суждение.

В толковых словарях слово намек толкуется таким образом: «слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке» [8], «слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понята только по догадке» [11, II]. Ключевым в обоих определениях является слово «догадка». Таким образом, сущность намека заключается в косвенной передаче некоего содержания, причем это содержание оказывается в имплицитных слоях семантики высказывания и текста [2]. На языковом уровне побуждение в форме намека может быть выражено, например, посредством экспликации прецедентного феномена. Так как прецедентные феномены не отражают информацию об окружающей действительности, а извлекают эту информацию из других текстов [6], они становятся удобными средствами для говорящего при указании на характер противоправного действия в форме скрытого побуждения. Например, денежные средства и действия, связанные с их передачей, в исследуемых нами текстах обозначаются следующим образом: «*по три... по пять*», «*не имей сто друзей*», «*...в карман не положишь*», «*...сыт не будешь*», «*сами мы не местные*». Спектр используемых говорящими прецедентных феноменов довольно широк и разнообразен: названия литературных произведений и цитаты из них, имена персонажей и исторических личностей, высказывания видных государственных деятелей, афоризмы и пр.

Другой формой непрямого выражения побуждения является угроза. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой дается следующее определение: «Угроза – запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло» [8]. Основная функция угрозы – регуляция поведения собеседника путем вызова у адресата чувства страха и посредством этого воспрепятствование действию или намерению его реализации адресатом, либо косвенная экспликация негативной оценки совершенного факта или события [7, с. 94]. В языке данная форма побуждения может реализовываться посредством импликации. В логике импликация записывается в виде формулы: посыл → следствие. В языке данная логическая связь по своему применению приближена к грамматической конструкции «если...»,

то...». Например: ... *Я тебе еще раз сказал: еще раз про меня заикнешься, Леш, тебе хуже будет.* В данной логической связке один из компонентов может быть опущен и тогда данное положение выступает в одном из вариантов: а) «если + 0»; б) «0 + то», где символ «0» (ноль) обозначает отсутствующий элемент формулы. При этом один факт, имеющий формальное языковое выражение, актуализирует в сознании реципиента мысль, не имеющую формального выражения, о другом факте: *Я могу с Вами всё разорвать, и можете на гражданке бегать. Мне безразлично* (схема «0 + то»); *Как договаривались, до 15 не отдашь...* (схема «если + 0»).

От угрозы следует отличать предупреждение как форму непрямого выражения побуждения. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается следующее определение: «Предупреждение – это извещение, предупреждающее о чем-нибудь, предостережение» [8]. Таким образом, можно сказать, что предупреждение представляет собой важную информацию, предоставляемую заблаговременно с целью оказать регулирующее воздействие на поведение адресата. Например: *В пятницу собираетесь идти? В пятницу поздно будет.* В данном высказывании содержится предупреждение адресата о несвоевременности визита с целью корректировки времени выполнения действия адресатом.

Достаточно распространенной формой побуждения является оценочное суждение. Под оценочным суждением в науке понимают высказывание, в котором субъект выражает свое позитивное или негативное отношение к окружающему миру, определяемое совокупностью объективных и субъективных факторов. При этом оценка выступает в качестве главного коммуникативного смысла высказывания [1, 4]. Отметим, что в определенном контексте главной прагматической функцией оценочного суждения может стать побуждение к действию или запрет действия. Приведем пример.

M2 Я завтра Вам все привезу.

M1 Это плохая идея.

В арсенале этикета речевого общения имеется широкий спектр производимых речевых формул, предназначенных для выражения побудительности. Например: *Я Вас слушаю* (адресант побуждает адресата начинать общение); *Вы свободны* (адресат сообщает, что адресант никем не задерживаем, то есть он может идти); *До свидания* (констатирует окончание беседы и побуждает адресата удалиться) и так далее. В то же время во фразеологии речевого этикета имеются и обратные примеры, когда императивные по форме выражения потеряли семантику побудительности и предназначаются для установления речевого контакта и поддержания вежливых отношений. Например: *Будьте здоровы; Здравствуй; Спаси Бог!* и т.д.

Побудительная семантика может закладываться в текст посредством констатации положения вещей. Например: *Я все сказал* (адресант констатирует полноту излагаемой информации и выражает нежелание продолжать процесс коммуникации); *Вас в приемной уже ждут* (адресант

констатирует факт ожидания и побуждает адресата войти); *На улице мороз, а вы открыли дверь и стоите* (адресант констатирует погодные условия, факт наличия открытой двери и бездействие адресата, побуждая последнего к изменению положения дел).

Итак, при наличии у говорящего интенции к сокрытию семантики побуждения в юридически значимых ситуациях прагматика побуждения, тем не менее, должна быть воспринята адресатом верно. В данном случае, заменяя прямые формы выражения непрямыми, а императивные высказывания диспозитивными, говорящий предполагает, что их интерпретация адресатом будет верной, поскольку в языковой компетенции и речевом опыте носителей языка имеются не только ядерные (прямые и императивные) формы побуждения, но периферийные варианты. Знание носителями языка вариативных способов выражения побуждения и умение выводить нужную информацию из текста обуславливает возможность адекватного восприятия не только императивных, но и диспозитивных высказываний, маркированных в тексте средствами косвенного и скрытого выражения побудительности.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74 – 89.
2. Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла. – [Электронный ресурс]: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Baranov.htm>
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
5. Галяшина Е. И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы научно-практического семинара. – М.: Галерея, 2003. – Ч. 2. – С. 48 – 64.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003.
7. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику. Учебное пособие. – М.: Флинта, 2007.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1993.
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: НОРМА, 2005. – С. 371 – 393.
10. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003.
11. Словарь русского языка в 4 т. (МАС) / под ред. Евгеньевой А. П. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
12. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / сост. Б. Ю. Городецкой, И. М. Кобозева. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 130 – 150.
13. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963.
14. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. – М.: Едиториал УРСС, 2001.

Диалектология и гуманитарная география

В статье рассмотрены методы географической интерпретации материалов диалектной лексикографии. Обоснованы этапы комплексного лексико-географического исследования территорий и объектов, являющихся элементами и компонентами языковой картины мира.

The article is devoted to methods of geographical interpretation of the dialect lexicography materials. It describes the stages of complex lexical and geographical studies of territories and separate objects which are the parts of the worldview.

Ключевые слова: диалектология, гуманитарная география, языковая картина мира, традиционная культура, культурный ландшафт.

Key words: dialect lexicography, the Humanities Geography, language worldview, traditional culture, cultural landscape.

В условиях усиления интегративных тенденций в науке представляется закономерным и необходимым комплексное изучение объективного материального мира, социальной реальности как совокупности реальностей индивидуальных и их отражений в системе географических представлений и языковых образов. Ассоциирующееся с человеком пространство сложно понять без анализа идеальной составляющей – субъективного «человеческого фактора», всей совокупности причин, в том числе на первый взгляд второстепенных, определивших территориальную структуру общества и ряд присущих ей качеств. Эту задачу способна решать гуманитарная география, нацеленная на исследование пространственных представлений, формирующихся в различных географических, исторических, культурных средах с опорой на гуманитарные источники, но преимущественно средствами географии.

Одним из важнейших источников гуманитарной географии является диалектная терминология – результат познавательной и практической деятельности носителей культуры традиционного типа, определявшей на протяжении длительного времени (включая период, когда устная и письменная культуры существовали параллельно) формирование пространственных структур разного типа: систем расселения, землепользования, коммуникаций. Содержащаяся в народных говорах географическая терминология отражает доступную для восприятия традиционным сознанием географическую реальность и составляет важную часть этнической картины мира – суммы представлений человека о мире, отчасти осознаваемых, отчасти, бессознательных, сформировавшейся на основании этнических констант и ценностных доминант [9]. Использование в

гуманитарно-географических исследованиях диалектных материалов, в том числе исторической народно-диалектной лексики, открывает обширные возможности для реконструкций процессов расселения, преобразования геосистем, формирования образов материально и духовно освоенного геопространства. Существуют различные подходы к обработке, интерпретации и представлению языковых данных.

Логико-понятийные моделирование – универсальный метод, нацеленный на создание концептуальной системы знаний об объекте, представленной в вербальной или графической форме и отражающей не только все понятия, но и отношения между ними [6, с. 60 - 65].

Лексико-географический метод разработан для использования в исторической и гуманитарной географии [12], опирается на диалектные словари (региональные, областные, отдельных уездов / районов, поселений) и предполагает следующую последовательность действий: 1) систематизация диалектной лексики с использованием логико-понятийного моделирования и кросс-культурного анализа народной и научной терминологии; 2) анализ содержания и структуры терминосистем; ранжирование географических объектов по степени значимости для носителей говора; 3) визуализация языковой информации с помощью карт и пространственных схем; 4) определение взаимосвязей между ареалами бытования народных терминов и распространением соответствующих географических объектов и явлений (представляющих опасность экзогенных процессов, почв, кормовых трав, промысловых видов животных и проч.). Для решения историко-географических вопросов помимо диалектной лексики привлекается топонимия и микротопонимия.

Ландшафтно-лексикологический способ, разработанный В. С. Жекулиным, входит в число методов исторической географии ландшафтов [7]. Местная и историческая ландшафтная лексика (ландшафтно-лексикологический материал по В. С. Жекулину) локализуется по геокомплексам и анализируется в связи с ландшафтными особенностями и воздействием человека на природу. Языковые данные используются для восстановления особенностей прошлых географических ландшафтов и характера изменения геосистем. Источниковая база метода – документы XVI-XVIII веков, а также словари И. И. Срезневского, В. И. Даля, Г. Е. Кочина и др.

Методика использования языковых материалов и их роль в создании нового научного знания зависит от тематики исследования. Можно выделить следующие направления.

1. Описания процессов расселения населения, хозяйства, природопользования. Языковые данные привлекаются для объяснения, конкретизации и иллюстрации основных положений исторической географии. Одним из основных лингвистических источников по социально-экономической исторической географии является «Опыт терминологиче-

ского словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашева (1843 – 1844) [3]. Вышедшее в 1886 году исследование промышленности Древней Руси Н. Я. Аристов [2] в значительной степени построено на исторической лексике, для объяснения которой привлекалась народная терминология. Понятие *промышленность* включало в прошлом все основные занятия населения. В соответствии с этим в сферу внимания автора была вовлечена лексика охоты и рыбной ловли, сельского хозяйства, солеварения, гончарного и кирпичного промысла, металлургии железа, меди и металлообработки, а также вся связанная с ней географическая терминология. Приведены также названия работ и *рабочих людей*, специализировавшихся на определенных видах деятельности. В числе источников Н. А. Аристов назвал рукопись И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», опубликованную позднее в 1893 – 1912 годах.

М. К. Любавский, автор ряда работ по исторической географии России, изданных в начале XX века, использовал диалектные слова для объяснения происхождения этнонимов, выявления специфики природных условий и природопользования (сельского хозяйства и промыслов) [10, с. 78]. Одним из первых Любавский обратил внимание на пространственно-временную динамику *деревни* – поселения с прилегающими пашнями и лугами. Он отметил чередование двух стадий: роста надела за счет присоединения *притереб* – земель, расчищенных из-под леса и кустарников, и запустевания надела, связанного с истощением почв [10, с. 82].

В настоящее время диалектологи собрали обширный материал по регионам Европейской России и Сибири. Лексике сельского хозяйства и промыслов посвящены работы О. И. Блиновой, И. В. Богданова, Е. Я. Брызгаловой, А. С. Герда, Б. А. Палагиной, К. П. Римашевской, В. Г. Рудилева, А. И. Березовской и др. Опубликованы также своды терминов по отдельным видам хозяйственной деятельности, например, словари А. В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» (1992) и А. Д. Сыщикова «Лексика крестьянского деревянного строительства» (2006).

Народно-диалектная лексика применяется при построении классификаций поселений, угодий, компонентов геосистем. В работах В. С. Жекулина народно-диалектная лексика письменных документов использована для выявления существовавшей в прошлом ресурсной оценки земель. В типологии, построенной на основе исторических источников, использованы такие признаки, как местоположение, механический состав грунтов и цвет гумусового горизонта, величина надела, возделываемые культуры, удаленности от поселения [7].

Авторы коллективной монографии «На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII-XX вв.» привлекли диалектную и историческую лексику для построения типологии

поселений, размещения административных, религиозных и торговых центров, анализа внутренней неоднородности территории поселения, при- сельных и удаленных угодий *на отставке*. Как характерная черта Прикамья выделены *шутёмы, шутьмы* – поля, разрабатывавшиеся на лес- ных делянках, засевавшиеся до пяти раз, а затем забрасывавшиеся [1, с. 82 - 83, 89].

Географическая лексика говоров отдельных поселений и низовых единиц административного деления (как исторического, так и современно- го) является основой для моделирования образов географической реально- сти разного уровня – от элементарных ареалов природопользования и локальных систем расселения, историко-географических систем типа «по- селение – окрестность» до обобщенных моделей региона. Графикация и картографикация вербализованных объектов позволяет выявить простран- ственные оси, ядра, рубежи, определить границы ойкумены носителей языка. Сопоставление содержания региональных терминосистем – ключ к выявлению ландшафтов-аналогов, обозначенных одним термином в уда- ленных регионах (обычно это геосистемы, обладающие морфологическим и ресурсным сходством и осваиваемые носителями культур единого исто- рического типа). В полиэтнических регионах и этноконтактных зонах сравнение систем терминов позволяет определить объекты, воспринимае- мые носителями разных языков независимо от типа хозяйственной дея- тельности и других особенностей культуры, а также этнически обусловленные черты восприятия географической реальности.

Построение картографических моделей на основе данных по диалект- ному членению территории – путь к изучению расселения отдельных эт- нических групп, их взаимодействия с коренным населением (см.: [4]).

В заключение отметим, что в настоящее время назрела необходимость в консолидации усилий лингвистов и географов для создания целостных материально-идеальных моделей территорий с сохраняющейся системой традиционного расселения и природопользования. Работы подобного рода могут вестись в рамках проекта создания «Лексического атласа русских народных говоров», исследований истории формирования диалектов [5] и культурного ландшафта [8]. Этнокультурное ландшафтоведение, близкое по методам и источниковой базе к исторической географии ландшафтов В. С. Жекулина, в значительной степени обязано своему возникновению работам лингвистов. Автор термина Н. И. Толстой определял этнокультур- ный ландшафт как материально-идеальную систему, включающую народ- ный язык, говоры, народные обряды, представления и всю народную духовную культуру вкуче с элементами включенной в нее материальной культуры, и что особенно важно, систему, представляющую единое целое как с научной точки зрения, так и в представлении самих носителей куль- туры [13, с. 21]. Географической основой культурного ландшафта служат территориальные системы топологической размерности типа «поселение –

окрестность» [11] – базовый объект исторической географии и полевых диалектологических и микротопонимических исследований. На более высоком таксономическом уровне языковые материалы (диалектная лексика, топонимия) служат одним из основных источников для реконструкции историко-культурных зон и ареалов контактирования разных этнических групп, что составляет предмет культурной и этнической исторической географии и исторической диалектологии.

Алгоритм региональных и локальных исследований включает 1) создание базы диалектной лексики, описывающей различные стороны восприятия и освоения геопространства; 2) графикацию языковой информации и картографирование вербализированных объектов (образно-географическое моделирование данную задачу решает только частично); 3) кросс-культурный, сравнительно-географический и сравнительно-исторический анализ термин-систем и картографических моделей; 4) определение объема и содержания систем терминов, выявление территориальных ядер и зон концентрации языковой информации.

Список литературы

1. Александров В. А., Власова И. В., Кремлева И. А. и др. На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII-XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. – М.: Наука, 1989.
2. Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. – СПб., 1866.
3. Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. В 2 т. – СПб., 1843 – 1844.
4. Герд А. С. Верхняя Русь в свете данных русистики // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 59 – 71.
5. Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (история ландшафта). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
6. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
7. Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982.
8. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008.
9. Лурье С. В., Этнопсихология как наука об этнической самоорганизации. – [Электронный ресурс]: <http://ethnopsychology.narod.ru>.
10. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб.: Лань, 2000.
11. Скупинова Е. А. Диахронический подход к исследованию процесса освоения ландшафтов Вологодской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Л., 1982.
12. Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007.
13. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Наука, 1995.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 81.2Р-2

И. П. Лапинская

Организация стиля в художественном тексте

В статье анализируются единицы стиля, аспекты и варианты их взаимодействия на пути к смыслу художественного текста.

Style units, aspects and variants of their correlations on the way to the feature text sense are discussed in the article.

Ключевые слова: единицы стиля, номинативные последовательности, смысл, контактные и дистантные связи, разнообъемность, разноструктурность, уровни организации текста, принцип дополнительности.

Key words: style units, nominative successions, sense, contact and distant connections, volume diversity, structure diversity, text organization levels, addition principle.

Лингвистическая традиция обращения к понятию «стиль» давно сделала термин многозначным. Выделяют стили языка, речи и художественного текста, говорят о стилях литературных школ и направлений, изучают практическую стилистику русского языка. Научное осмысление художественного текста определило стиль как связующее звено в отношениях текст – стиль – смысл. С одной стороны, создание текста всегда создание его стиля. «Стиль есть способ осуществления, отличающийся совокупностью своих приемов и идеальных установок», – писал В. В. Колесов [5, с. 424]. С другой – «исполнение» смысла «проявляется в стиле» [5, с. 424] и опирается на разные способы передачи информации – образы, логику, знания и жизненный опыт автора [14].

Условием исполнения смысла выступает содержание текста, которое формируется соотношениями (сопоставлениями и противопоставлениями) реальных – предметов и субъектов и их признаков, данных в динамике и неизменности, представленных в наличии или отсутствии и т.д. В. В. Виноградов об этом сказал так: «Ведь действительность, раскрывающаяся в художественном произведении, воплощена в его речевой оболочке; предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения» [3, с. 192].

В одновременных и неразрывно связанных процессах тексто-, стиле- и смыслообразования принимают участие одни и те же единицы. При этом каждый из процессов обеспечивают разные грани и уровни их семантики и структуры. Сами же единицы вступают в разные типы внутритекстовых отношений, создавая тем самым разные уровни организации (архитектоники) текста.

Как структурно-семантические единства эти единицы принимают участие в линейном развертывании связной речи, в их категориальных параметрах вертикально выстраиваются модели текстообразования [20]. При стилеобразовании единицы выступают как семантико-смысловые единства; они организуются в номинативные последовательности, цель которых – упорядочить внетекстовую не только семантическую, но и смысловую разнонаправленность каждой из единиц и обеспечить интеграцию смысла целого текста. Предназначенность стиля к «исполнению смысла» ставит вопрос о свойствах единиц стиля и тех отношениях внутри текста, которые выступают способом и условием реализации этих свойств, а также задают уровни организации текста. Перейдем к описанию свойств единиц стиля.

Типологию единиц стиля и параметры их внутритекстовых соотношений обнаруживает аналитический поиск, который разворачивается в конкретном тексте и движется в направлении от целого к его элементу [2, с. 244]. Обращаем внимание: исследовательский поиск единиц стиля оказывается иным в сравнении с отбором и комбинацией языковых средств [19, с. 494], что осуществляется автором–создателем в ходе стилеобразования. Однако именно на этом пути выявляется одно из основополагающих свойств единиц стиля – их текстовая обусловленность.

Надо сказать, что проявления текстовой обусловленности единиц стиля отмечались давно, но это обозначалось термином «индивидуальная манера автора»: например, использование неточных цитат в стихотворении Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна», особых форм сочетания авторского повествования и речи героев, как в рассказе А. Платонова «Третий сын», чередования ритмов, присущего стихотворению в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» [15].

Мысль о множественности типов единиц стиля принадлежит В. В. Виноградову [6]. Ученый писал: «Члены словесно-художественной структуры усматриваются в самой системе организации, во внутреннем единстве целого. Это – прежде всего те стилевые отрезки или потоки, те композиционные типы речи, связь и движение которых образует единую динамическую конструкцию. Далее, это могут быть – при отсутствии конструктивного разнообразия в строе целого – те композиционные члены строфы, абзацы и т.п., которые по субъективно-экспрессивной окраске речи, или по употреблению форм времени, или по семантическому своему строю, или по своеобразиям синтаксического построения отличаются друг от друга и следуют один за другим, соотносятся один с другим, подчиняясь

тому или иному закону структурного сочленения. Грани между отдельными частями литературного произведения не привносятся извне, а понимаются из самого единства целого. Эти части, а также границы и связи между ними определяются не только приемами непосредственных сцеплений, но также и смысловыми пересечениями в разных плоскостях» [3, с. 278].

Принцип множественности типов стилистических единиц соотносит эти единицы с единицами уровней языковой системы, в их число включаются и собственно речевые, и текстовые построения [3, с. 278; 2, с. 244]. Поэтому второй стороной типологической множественности выступает разнообъемность и разноструктурность единиц стиля. Множественность типов единиц коррелирует с множественностью функций самих единиц стиля, их участием в смысловых пересечениях в разных плоскостях, то есть в передаче разных обертонов смысла текста. Другими словами, одна и та же единица стиля способна принимать участие в образовании стиля несколькими гранями семантики и смысла. Наш анализ показал, что в рассказе И. А. Бунина «Темные аллеи» одна и та же единица стиля обладает по крайней мере двумя функциями – она завершает образование метафоры и обозначает начало нового тропа – мифа [17; 18]. В другом тексте, стихотворении Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна», одна и та же стилевая единица – имя субъекта, исторического лица – совмещает функции мифологемы и аллегии.

Разнообъемность и разноструктурность единиц не выступает препятствием, а оказывается условием их равнозначности на пути интеграции смысла текста: разделенные уровнями языковой и речевой иерархии, единицы стиля объединяются в тексте по принципу дополнительности. Так, в рассказе И. А. Бунина «Темные аллеи» смысл «смирение» дважды передается синтаксемно-сакральными цветами, сочетающими черное и красное, в одежде героини, позой героя, сидящего с потупленным взором, и финальным фрагментом в композиции текста [10].

Сам смысл текста в процессе интеграции проходит разные стадии – соотносясь с «разными плоскостями текста», он изменяется, развивается, обогащается, уточняется, но не реализуется ни в одной из единиц стиля и в целом тексте остается невербализованным, или, как пишет О. С. Ахманова, «подразумеваемым» и «словесно не выраженным» [1, с. 434]. По этой причине широко распространена идея о множественности смыслов текста, а сами смыслы представляются предметом герменевтики – интерпретации читателем и аналитиком – и определяются всем спектром культурных и личностных возможностей воспринимающего. Следует обратить внимание на то, что зависимость интерпретаций от личности и времени способна обнаружить и новые глубины смысла, и упростить его чрезвычайно.

Основы исследовательского поиска заключены в текстообразовании: а) выборе и сочетании моделей развертывания текста – темпоцентрической, аксиоцентрической и логоцентрической [20]; б) субъектной его орга-

низации – моно- или полисубъектной, что обеспечивает взаимодействие речевых сфер автора и героев или отсутствие такого взаимодействия [9; 13]; в) в многоаспектности обнаружений предметов и субъектов, известной как портрет, пейзаж, поступок, речь [11]. Интеграцию смысла обеспечивают способы «связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения», то есть сеть соотношений, которая охватывает все уровни формирования смысла и в которой объективируются все его составляющие.

Для исследователя составляющие смысла выступают в форме отдельных единиц стиля и их внутритекстовых объединений, которые мы называем смыслонесущими номинативными последовательностями. Участие всех единиц стиля в формировании смысла вовсе не означает их линейного контактного взаимодействия. «Художественное произведение не представляет собой «прямолинейного» построения, в котором символы [то есть единицы стиля, «работающие» на один смысл. – *И.Л*] присоединялись бы один к другому наподобие разложенных в ряд прямоугольников домино или такой мозаичной картины, где составные части непосредственно явлены и четко отделены. Символы, соприкасаясь, объединяются в концентры, которые, в свою очередь, следует рассматривать опять-таки как новые символы, которые в своей целостности подчиняются новым эстетическим преобразованиям», – говорил В. В. Виноградов [2, с. 244 – 245].

Опираясь на разнообъемность и разноструктурность единиц стиля, можно говорить о двух типах их взаимодействия в пространстве текста. Контактно взаимодействуя, они образуют более крупные единицы стиля, которые, в свою очередь, взаимодействуют дистантно. Например, в рассказе «Темные аллеи» именные адъективно-субстантивные синтаксемы в контактных связях создают словосочетание «в холодное осеннее ненастье», передающее признаки открытого пространства [7]. Далее признаки открытого пространства дистантно соотносятся с признаками закрытого пространства, выраженными предикативной единицей «в горнице было тепло, сухо и опрятно» [8]. Еще пример: в стихотворении «Пестель, поэт и Анна» именные субъектные синтаксемы в контактных связях образуют ряд однородных членов «Пестель, поэт и Анна»; далее в тексте уже ряды однородных членов, дистантно расположенные, выступают смыслонесущими единицами стиля: «Пестель, поэт и Анна» – «Он весьма умен. И крепок духом. Видно, метит в Бруты» – «говорили о Ликурге, и о Солоне, и о Петербурге». Как видим, именно третий компонент в ряду задает объемность соотношений в линейной последовательности контактно расположенных единиц стиля, что подтверждает и статус единицы стиля у синтаксического построения.

Назовем свойства номинативных последовательностей элементов – единиц стиля.

1. Последовательности формируются в соответствии с принципом дополнительности и вытекающей из него равнозначности всех членов, поскольку они в равной мере участвуют в организации смысла. Как писал А. Г. Горнфельд, в тексте «нет ничего более или менее важного, более или менее выразительного; каждая – и самая ничтожная – ее [системы текста. – *И.Л.*] часть говорит о целом, говорит за целое. ... Не соответствие действительности является здесь законом, а внутренняя логика элементов» [4, с. 437].

2. При этом внутри последовательности отношения между равнозначными членами могут быть разных типов: а) соположенности, противопоставленности, как при синтаксическом выражении образа автора в рассказе «Темные аллеи», б) общего и частного, как при передаче многообразия социально значимых характеристик человека в том же тексте, в) неожиданности, что преобразует хозяйку постоялой горницы в Надежду, известную герою тридцать лет назад, а затем в человека, дарующего прощение. Включенность в последовательность обнаруживает и имплицитные члены последовательности. Так, в уже названном тексте предметом анализа автора выступают основные христианские добродетели – надежда и любовь. Третий компонент – вера – не обсуждается и остается имплицитным, но он восстанавливается при чтении, ибо Христос присутствует постоянно в жизни человека, будь то лик Его на иконе, будь то бледное солнце.

3. Протяженность последовательности, то есть количество входящих в нее элементов, обусловлена текстом и не является величиной постоянной. В одном и том же тексте разные последовательности обладают разной протяженностью, например последовательности, представляющие портреты Николая Алексеевича, кучера и Надежды в рассказе «Темные аллеи» [11], или последовательности однородных членов в стихотворении «Пестель, поэт и Анна», представляющие по преимуществу трехкомпонентные единицы стиля, но включающие и большее – до восьми компонентов – их количество; тем более последовательности в разных текстах.

4. Порядок следования элементов в последовательности определяется направлением развития смысла, поэтому является константной текстовой характеристикой. Так, холодное осеннее ненастье после встречи в горнице сменяется появлением бледного солнца и присутствием его желтого света до конца текста. Солнце не обжигает, а освещает путь странника, поскольку прощение вины возрождает человека к жизни в христианской вере: напомним, что солнце – сакральное обозначение присутствия Христа. Еще пример: многообразие социально значимых внешних характеристик человека сменяется в последнем фрагменте описанием «пустых полей», ибо в смирении, к которому приходят автор и герой, человек сосредоточен на отношениях между ним и Богом. Так что изменить порядок следования элементов без изменения смысла текста [12] не представляется возможным.

5. Включенность элемента в последовательность проявляет его потенциальные свойства и наделяет способностью интегрировать необходимый автору смысл. Так, в уже приведенном примере «говорили о Ликурге, и о Солоне, и о Петербурге» продолжение мифологем – имен исторических лиц Ликург, Солон названием столицы государства Петербург задает прочтение всех членов ряда как знаков типа государственной власти: Солон и Ликург вошли в историю как правители-реформаторы; Петербург в то время, о котором идет речь в стихотворении (1821 г.), стоял на пороге выбора политического пути. Еще пример: второй фрагмент рассказа «Темные аллеи» обладает всеми признаками мифа, вследствие чего первый и третий фрагменты как члены последовательности обретают такой же статус [18]. Третий пример. В том же рассказе в одном ряду оказываются слова мать, жена, хозяйка дома: «Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?» Расположенность слова хозяйка, не имеющего сакрального смысла, в одном ряду с сакральными словами мать и жена наделяет и это слово особым смыслом; более того сакрализуется и не присутствующее, но подразумеваемое в тексте (хозяйка моего петербургского дома) слово «хозяин».

6. Поскольку интеграцию смысла обеспечивает сеть соотношений, в тексте осуществляется взаимодействие не только элементов внутри последовательности, но и самих последовательностей как элементов последовательностей иного уровня формирования смысла. Это реализуется в совмещении тропов и их взаимопереходе, сочетании смыслов, передаваемых разными уровнями организации единиц стиля. Например, «желанная» жизнь за окном в стихотворении «Пестель, поэт и Анна», передаваемая словосочетаниями и предикативными единицами, гармонирует со строфическими «вольностями» автора, что продолжает настойчивое, но не повторяющееся фрагментирование поэтической строки и придание статуса единицы стиля полустрочию.

7. Разновидностями номинативных последовательностей выступают типизированные риторикой способы развития смысла – градационные ряды, парцеллированные структуры, повторы, антитезы. Нами отмечены последовательности нескольких типов: а) созданные единицами, связанными словообразовательно, б) компонентами одного семантического поля, в) синтаксическими конструкциями разной структуры, но обладающими единством оценки, г) лексическими единицами, обладающими общностью на уровне семантических компонентов лексем, д) текстовыми единствами, получающими статус фрагмента.

8. Вариантами типов связи между соотносящимися единицами выступают ритмические связи. Можно говорить о системах ритмов в пределах прозаического и поэтического текстов. Ритмическая организация текста не только выступает одной из характеристик его «выстроенности», но и сама

по себе оказывается носителем определенных внутритекстовых смыслов и смысла текста как целого.

9. Итог внутритекстового ряда – всегда иносказание, оно может иметь тропеическое выражение как метафора, миф, символ. А может сохранять несформулированность выводного знания, предназначенную для того, чтобы стать открытием читателя и аналитика.

Итак, организация (архитектоника) стиля в художественном тексте – это взаимодействие единиц стиля в пределах смыслонесущих последовательностей и самих последовательностей в целях интеграции смысла текста, который остается открытием для читателя и ученого.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М., 1980.
3. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981.
4. Горнфельд А. Г. О толковании художественного произведения // Введение в литературоведение: Хрестоматия. – М., 1988. – С. 436 – 441.
5. Колесов В. В. Философия русского слова. – СПб., 2002.
6. Лапинская И. П. К вопросу о единицах текста (единицы текста в концепции В. В. Виноградова) // Инновационные процессы в лингводидактике. – Воронеж, 2008. – С. 54 – 63.
7. Лапинская И. П. Коммуникативно-смысловые параметры текста: инициальная структура рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи» // Инновационные процессы в лингводидактике. – Воронеж, 2004. – С. 63 – 70.
8. Лапинская И. П. Коммуникативно-смысловые параметры текста: качественные характеристики пространства героя. По рассказу И. А. Бунина «Темные аллеи» // Инновационные процессы в лингводидактике. – Воронеж, 2004. – С. 71 – 78.
9. Лапинская И. П. Образ автора в средствах синтаксиса // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – СПб. – 2009. – № 5. – Т. 1. Серия филология. – С. 134 – 142.
10. Лапинская И. П. О взаимосвязи стиля и смысла в художественном тексте // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. – Воронеж, 2010. – С. 109 – 115.
11. Лапинская И. П. Ритмическая организация прозаического текста. // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. – Воронеж, 2007. – С. 63 – 70.
12. Лапинская И. П. Роль отношений тождества в содержании и структуре художественного текста. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – СПб. – 2010. – № 4. – Т. Серия филология. – С. 194 – 202.
13. Лапинская И. П. Соотношение приема и форм выражения образа автора в тексте художественного произведения // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. – Воронеж, 2007. – С. 71 - 80.
14. Лапинская И. П. Способы текстуализации смыслов в художественном тексте. // Инновационные процессы в лингводидактике. – Воронеж, 2008. – С. 64 – 74.
15. Лапинская И. П. Стилистический потенциал понятия «индивидуальная манера автора» // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. – Воронеж, 2010. – С. 116 – 122.

16. Лапинская И. П. Стиль и смысл в художественном тексте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – Волгоград. – 2010. – № 10 (54). – С. 17 – 20.

17. Лапинская И. П. Текстуализация метафоры в художественном тексте (на материале рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – Волгоград. – 2009. – № 10. – С. 51 – 54.

18. Лапинская И. П. Текстуализация мифа в художественном тексте (на материале рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – Волгоград. – 2010. – № 2. – С. 146 – 150.

19. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990.

20. Припадчев А. А. Проблемы исторической лингвистики текста: Монография. – Воронеж, 2004.

Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации контекста

В статье в парадигме когнитивно-дискурсивного направления отечественной когнитивной лингвистики описывается контекст. Осмысление контекста как когнитивного образования, в котором осуществляется дискурсивная деятельность субъектов, является важным в сопоставительных исследованиях дискурса, поскольку приближает к пониманию сложной «работы» человеческого сознания по формированию дискурсивных стилей.

In the article context is interpreted as a cognitive phenomenon. This interpretation of context is very important for cross-cultural discourse studies because it results in understanding how speakers of the Russian and English languages do their discourse activity.

Ключевые слова: контекст, когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики, индивидуальное и коллективное знание, субъект дискурсивной деятельности.

Key words: context, cognitive and discourse approaches to context, individual and shared knowledge, the doer of discourse activity.

Цель работы – продемонстрировать важность когнитивно-дискурсивного направления отечественной когнитивной лингвистики в понимании контекста как когнитивного образования в сопоставительных исследованиях, посвященных изучению языка «в действии», то есть дискурса.

Актуальность работ, выполненных в парадигме когнитивно-дискурсивного подхода к языку, не вызывает сомнений. Как отмечает автор когнитивно-дискурсивного направления отечественной когнитивной лингвистики Е. С. Кубрякова, «лингвистический анализ принимает форму когнитивного, когда основной акцент (или акценты) при рассмотрении явления делается на его участии в познавательных процессах, в обобщении опыта взаимодействия человека с миром, в актах обработки и переработки воспринятой информации человеком и т.д. Но анализ этого же явления принимает форму дискурсивного, когда изучается его специфика в актах общения и когда основное внимание уделяется его месту в дискурсивной деятельности. Таким образом, когнитивными аспектами оказываются в лингвистическом анализе аспекты, связанные с пониманием роли изучаемого явления в формировании определенных структур знания и образовании особых форматов знания, вербализующих складывающиеся в сознании человека концепты и объединения концептов. Дискурсивными же аспектами в лингвистическом анализе становятся скорее аспекты, касающиеся распределения информации по поверхности разных единиц языка, с кон-

кретными чертами ее «упаковки» в эти единицы и с приспособлением этих единиц к условиям и требованиям нормального протекания самой дискурсивной деятельности» [14, с. 31]. Поэтому обращение к контексту, в котором субъектом осуществляется дискурсивная деятельность, является важным и актуальным, поскольку приближает исследователя к пониманию специфики реализации дискурсивных стилей и дискурсивных практик субъектом дискурсивной деятельности – носителем русского и английского языков.

Осмысление контекста как образования, связанного с сознанием человека, то есть когнитивного конструкта, не является абсолютно новым в отечественной лингвистике. Так, в работе «Типология языка и речевое мышление» С. Д. Канцельсон, сопоставляя падежи разных языков, приходит к выводу о том, что «контекст – не генератор значений, а их внешний «проявитель», позволяющий отличить одну функцию падежа от других [8, с. 42]. Г. Я. Солганик свидетельствует о том, что «только контекст позволяет установить, что мы собственно хотим узнать..., контекст является важнейшим средством определения смысла суждения, его предиката и субъекта» [22, с. 23]. Функция контекста, по Л. В. Цуриковой, заключается в соблюдении прагматической адекватности дискурса [24].

В других работах также подчеркивается решающая роль контекста в когнитивной активности человека: все, что человек воспринимает и понимает, помещено для него в определенные рамки значений, подвергается своего рода «априорному означиванию»; нечто воспринимается и понимается человеком всегда уже из какой-то «предвосхищающей» схемы, позволяющей обрабатывать информацию тем или иным способом» [19, с. 13]. В этой связи верно предположение З. Я. Кармановой о том, что «дискурс развертывается по принципу адекватной ориентации языковой личности в каждой конкретной ситуации и обстоятельствах [9, с. 77].

Теория «внутреннего контекста» А. А. Залевской свидетельствует о понимании контекста как ментального образования, динамически самоорганизующейся системы, которая способна интегрировать продукты взаимодействия когнитивных, перцептивных и аффективных аспектов психической деятельности индивида [7]. И. С. Бороздина и Т. Ю. Сазонова справедливо отмечают, что в различных ситуациях одни и те же объекты могут концептуализироваться по-разному в зависимости от того, воспринимается ли объект как единое целое, или же говорящий концентрируется на какой-либо его части [21].

У Н. Н. Болдырева когнитивный контекст представляет собой «связанную структуру знания, в которой нашим опытом познания мира запрограммировано наличие определенных элементов или событий и их соответствующая интерпретация или оценка» [4, с. 17]. В качестве когнитивного контекста, по Н. Н. Болдыреву, может выступать та или иная когнитивная область (ментальное пространство, концептуальная структура),

содержащая знания определенного рода, так или иначе ассоциированные с данной языковой единицей [3]. Значения слов в системе языка, по мнению Н. Н. Болдырева, соотносимы не столько с парадигматическим и синтагматическим контекстами, «сколько с определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [2, с. 17-18]. Так, одно и то же высказывание *Холодно!* в разных когнитивных контекстах может передавать разный смысл: о погоде, об игре, правильности догадки [11, с. 26]. Одно и то же поведение, в зависимости от того, осуждается оно или одобряется, в контексте той или иной культуры может иметь различные когнитивные основания. Например, в результате одних и тех же действий одну и ту же хозяйку можно назвать «скупой» либо «экономной» (примеры Н. Н. Болдырева). По И. Т. Касавину, смысл высказывания «Джон находится здесь» зависит от того, где находится адресат и адресант. Для одного из них смысл этого высказывания может быть оформлен следующим образом: «Джон находится там» [10]. В этой связи некоторые исследователи полагают, что при каждом повторе словесных или невербальных форм происходит модификация их восприятия человеком: «даже если повторить какую-то фразу слово в слово, то сам факт ее повторения в ином пространстве и времени делает ее другой» [18, с. 76]. В связи с этим автор цитаты полагает, что то, что подразумевается под повтором, на самом деле псевдоповтор, воспроизведение, предполагающее одновременно и реализацию старого и произведение нового состояния реального мира.

Когнитивно-дискурсивная интерпретация контекста связана с проблемой индивидуального и коллективного сознания, поскольку субъект дискурсивной деятельности уникальным образом сочетает в себе признаки культуры и социума, значимых в процессе его социализации, а также индивидуально-личностные особенности, сформированные в результате общения с миром, присвоением общественного опыта, в результате когнитивной обработки информации, поступающей к субъекту из внешней действительности. В этой связи Е. С. Кубрякова отмечает, что «хотя речь говорящего и отражает субъективный образ объективного мира и индивидуальную картину мира, все это преломлено через коллективные сведения о мире, уже «пропущенные» через язык и объективированные в них» [13, с. 21]. Изучая природу сознания, С. А. Осокина полагает, что сознание, ментальная структура человека, оперирующая знаками, стало рассматриваться как нечто такое, что может быть не идентично самому себе в разные моменты времени. Обнаружилось, как полагает С. А. Осокина, что в каждом человеке «одновременно живет несколько субъектов мыслительной деятельности, и какой из этих субъектов работает в данный момент времени, зависит от бесконечного множества обстоятельств» [18, с. 30].

О том, что коллективное знание обладает двойной детерминацией – социокультурной и биолого-психологической – размышляет Н. И. Курга-

нова [15]. Автор различает ядро и периферию в коллективном знании. Ядро формируется за счет наиболее востребованной и актуализированной части информации, «которая играет жизненно важную роль для членов того или иного лингвокультурного сообщества», тогда как периферию формирует зона индивидуальных различий, «которая является результатом уникального индивидуального опыта конкретных индивидов, их творческого и нестандартного отношения к миру» [15, с. 22].

На необходимость различать два типа концептов, а именно: концепт как достояние индивида и концепт как инвариант, указывает А. А. Залевская. А. А. Залевская исходит из положения о том, что «...видение мира людьми всегда определяется культурой, а то, что признается «объективным», на самом деле несет на себе отпечаток «субъективности», хотя в качестве субъекта в таком случае выступает культура» [6, с. 61].

Многие ученые отмечают, что субъект формируется в обществе в процессе социализации и, следовательно, не может не нести на себе отличительные черты этого общества, в котором происходит его становление [12]. По Н. А. Бердяеву, *homo sapiens* входит в человечество не как человек вообще, а только как человек национальный [1]. По мнению Л. С. Лурье, все представители одного этноса обладают сходным менталитетом, понимаемым как «совокупность сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этнической традицией» [17, с. 45]. В этой связи И. В. Привалова отмечает, что субъект не только усваивает социальный опыт, но и активно воспроизводит его. Автор полагает, что языковой и неязыковой опыт индивида можно рассматривать как «слепок модели общества, в котором сфокусированы культурно-национальные эталоны восприятия и общения» [20, с. 139].

У Л. В. Цуриковой индивид рассматривается в качестве активного носителя как общественного, так и индивидуального, характерного только для его психической организации, сознания. Л. В. Цурикова отмечает, что «как носитель индивидуального сознания он вносит свой вклад в общественное сознание, в том числе и через культуру, в которой «отстаивается» все, что нормируется, канонизируется, институционализируется». Автор метафорически замечает, что «через культуру как через фильтр идет и обратный процесс обогащения индивидуального сознания за счет сознания общественного» [25, с. 21 – 22].

Проведя глубокий теоретический анализ литературы по проблеме исследования коллективного знания, Н. И. Курганова, цитируя работы В. Ф. Петренко и А. Н. Леонтьева, приводит свидетельства того, что индивидуальное знание не является порождением исключительно индивидуального сознания, поскольку человеческое восприятие и осознание мира ограничены конкретно-исторической системой значений, которая вырабатывается в той или иной культуре. Автор полагает, что индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений, а осознание им

явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые они получают в общении [15, с. 20].

Исследования В. В. Красных свидетельствуют о том, что «каждый человек говорящий обладает индивидуальным когнитивным пространством (ИКП), набором коллективных пространств (ККП) тех социумов, в которые он входит, и когнитивной базой (КБ) того национально-лингвокультурного сообщества, членом которого он является [12, с. 23].

По Н. Н. Болдыреву, «индивидуальность знания отдельного человека заключается не столько в их исключительности и неповторимости, сколько в индивидуальном характере количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания, плюс его индивидуальная оценка и интерпретация» [4, с.17]. В этой связи, как справедливо отмечает Н. И. Курганова, возникает задача исследования результатов и процессов когнитивной деятельности, вырабатываемых в рамках определенной культуры, а значит, «проведения сравнительно-сопоставительных исследований фрагментов знаний с целью выявления общего и культурно-специфического в содержании ментальных репрезентаций у носителей разных языков и культур» [15, с. 19].

Применительно к изучению дискурса Е. С. Кубрякова отмечает, что язык должен изучаться в рамках дихотомии «когниции и коммуникации» как «объект двойственный, диалектически сложный» [13, с. 15]. С точки зрения когнитивного подхода, как отмечает Е. С. Кубрякова, «у разных исследователей в фокусе внимания могут находиться либо вопросы о том, какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами (то есть каковы когнитивные основания этих форм), либо вопросы о том, с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [13, с. 12].

На основании изучения литературы мы предполагаем, что часть информации, поступающей к человеку из внешнего мира, фиксируется как «манера речи» (ведения дискурса) носителей языковой культуры, которая «определяется регулярным и последовательным использованием ими определенных интерактивных и языковых стратегий устной и письменной коммуникации» [5, с. 305]. Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова справедливо в этой связи отмечают, что предпочтение тем или иным стратегиям носители языка отдают чаще всего неосознанно. Выбор обусловлен присущими языковому сообществу глубинными ценностными ориентирами, верованиями и ожиданиями: «следуя принятым в их языковых культурах конвенциям общения, носители разных языков и разных вариантов одного языка в аналогичных коммуникативных условиях могут вести общение по-разному, реализуя свойственный их культуре дискурсивный стиль» [5, с. 305]. Так, например, один и тот же смысл «Скамья покрашена, можно испачкаться» передается разными дискурсивными стилями: *Осторожно, покрашено!*

(инструкция, предупреждение) в языковом сознании носителей русского языка и *Wet paint* (констатация факта) – английского.

Когнитивно-дискурсивные основы контекста дают возможность полагать, что субъект дискурсивной деятельности видит мир не через призму своего языка, а через призму своей концептуальной системы, индивидуально усвоенной каждым субъектом (коллективным или индивидуальным) информации, поступающей из внешнего мира. Часть индивидуальной концептуальной системы репрезентируется в дискурсивной деятельности субъекта – носителя русского и английского языков.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что субъекты – носители языков вступают в дискурсивную деятельность с определенным багажом знаний и представлений, системой отношений к миру. В дискурсивной деятельности они демонстрируют, модифицируют не только профессиональную культуру, но и личностные социокультурные смыслы (общаются не культуры, а люди, их представляющие), передают личное отношение к происходящим событиям. Иными словами, «познающее существо вырезает из реальности именно то, что соотносимо с его деятельностью» [16, с. 37].

В этой связи важно отметить, что мы не отрицаем верность суждения о том, что «несмотря на наличие в сознании коммуникантов обширного когнитивного пространства, включающего индивидуальные знания, полученные в результате обработки личного опыта, в своем речевом поведении участники общения опираются на те знания и представления, которыми обладают все члены одного с ними языкового сообщества, и на знания, составляющие общий когнитивный фонд участников данной интеракции» [23, с. 7]. Речь, на наш взгляд, идет о сложном диалектическом единстве общего и индивидуального в концептуальной системе человека.

Таким образом, когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики формирует концептуальную основу для понимания природы контекста как когнитивного образования. Когнитивный контекст мы рассматриваем в качестве ведущего фактора конфигурации дискурсивных стилей. В этой связи важно отметить, что представления о мире формируются в ходе познавательной деятельности человека, и часть из них фиксируется языковыми структурами, а также дискурсивными стилями.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Избранные труды / вступит. ст. Т. А. Филиппова. – М.: РОССПЭН, 2010.
2. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина. 2008. – С. 11 – 29.
3. Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания / Языковое знание и языковое сознание // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. 1. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. – С. 91 – 103.

4. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5 – 22.
5. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Академия, 2007.
6. Залевская А. А. Интегративный подход к пониманию текста. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков: сборник научных трудов. – Тверь: ТГУ, 2003. – С. 58 – 68.
7. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.
8. Канцельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. Карманова З. Я. Феноменология контекста // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – Вып. 38. – 2009. – № 39 (177). – С. 76 – 84.
10. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М., 2008.
11. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. – М.: Восточная книга, 2010.
12. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
13. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Вместо введения // Когнитивные исследования языка/ гл. ред. серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. IV. Концептуализация мира в языке: сб. научн. тр. – С. 11 – 24.
14. Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 30 – 45.
15. Курганова Н. И. Проблема исследования коллективного знания в когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2. – 2010. – С. 18 – 26.
16. Лекторский В. А. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: Материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3 – 37.
17. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект-пресс, 1997.
18. Осокина С. А. Языковые механизмы воздействия на человека: Монография. – Барнаул: Графикс, 2007.
19. Позднякова Е. М. Когнитивное и концептуальное картирование в рекламной коммуникации // Рекламная коммуникация: Лингвокогнитивные аспекты исследования: колл. моногр. / под ред. Е. М. Поздняковой. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 11 – 20.
20. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак: Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2005.
21. Сазонова Т. Ю., Бороздина И. С. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2 (023). – С. 27 – 33.
22. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. – М.: КомКнига, 2006.
23. Цурикова Л. В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 5 – 15.
24. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2002.
25. Цурикова Л. В. Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 17 – 25.

Влияние прагматических пресуппозиций на выбор форм обращения в современном англоязычном публичном дискурсе

В статье выявляются базовые прагматические пресуппозиции, которые оказывают влияние на выбор социально уместных форм обращения в современном англоязычном публичном дискурсе. Устанавливается, что существенная роль принадлежит базовым прагматическим пресуппозициям, отражающим степень социальной близости коммуникантов. Анализируется взаимодействие социальных ролей коммуникантов в рамках коммуникативных стратегий: «создание круга своих» и «создание круга чужих».

The article is devoted to basic pragmatic presuppositions that affect the selection of socially appropriate address forms in modern English public discourse. It is established that the essential role belongs to the basic pragmatic presuppositions, reflecting the degree of social proximity of communicators. The author analyses the interaction of social roles of communicators within the communicative strategies: «forming one`s image» strategy and «forming another`s image» strategy.

Ключевые слова: базовые прагматические пресуппозиции, степень социальной близости коммуникантов, социально уместные формы обращения, коммуникативная стратегия «создание круга своих», коммуникативная стратегия «создание круга чужих», условия реализации прагмалингвистического потенциала обращения.

Key words: basic pragmatic presuppositions, the degree of social proximity of communicators, socially appropriate address forms, «forming one`s image» communicative strategy, «forming another`s image» communicative strategy, conditions of realization of the pragmalinguistic potential of address forms.

В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать условия реализации прагмалингвистического потенциала обращения путем выявления базовых прагматических пресуппозиций, обуславливающих выбор социально уместных форм обращения в современном англоязычном публичном дискурсе (политической речи, судебной речи, религиозной проповеди). Под прагматическими пресуппозициями понимаются такие, которые определяют уместность высказывания [8, р. 173 - 175; 9, р. 99 - 100]; опираются на информацию, данную в контексте, и на общий когнитивный фонд участников коммуникации (насколько данная информация релевантна для адресата) [1, с. 390; 4, с. 396]; «обеспечивают сдвиг в смысловом поле адресата <...> на уровне массового сознания» [2, с. 14].

В рамках анализа условий, определяющих выбор социально уместных форм обращения в англоязычном публичном дискурсе, был установлен набор базовых прагматических пресуппозиций, отражающих степень социальной близости коммуникантов. Данные пресуппозиции описывают взаимодействие социальных ролей коммуникантов по линии «свой – чу-

жой» («знакомый – незнакомый», «друг – враг», «мы – они»). Дуальная оппозиция «свой – чужой» может быть представлена в рамках коммуникативных стратегий «создания круга своих» и «создания круга чужих». В основу данных коммуникативных стратегий положены два принципа: интеграция – поиск и сплочение сторонников («своих») и дистанцирование – отстранение от взглядов, действий, решений противников («чужих») [3, с. 67; 5; 6, с. 215].

В соответствии с этими принципами в текстах англоязычных публичных выступлений можно выделить две группы обращений, влияющих на способ соотношения ролей коммуникантов: 1) обращения к знакомым, «своим»; 2) обращения к незнакомым, «чужим». Рассмотрим возможности выбора указанных групп обращений в политической речи, судебной речи и религиозной проповеди.

В политической речи выбор форм обращения обусловлен коммуникативной стратегией «создание круга своих». Суть данной коммуникативной стратегии заключается в объединении политических борцов [7, с. 316], установлении контакта и создании доверия между политиком и аудиторией, опираясь на общие знания, общие интересы и взаимопонимание в процессе политической коммуникации [3, с. 216].

Проведенный анализ показал, что данная коммуникативная стратегия может быть реализована через осознаваемый адресатом целенаправленный выбор обращений, которые имеют разное значение.

1. Выражают групповую социальную, профессиональную, партийную солидарность (friends, my friends, my citizens, my fellow citizens, distinguished citizens, distinguished delegates, colleagues, officials, my fellow Democrats, Parliamentaries, Ambassadors, Prime Ministers, members of Congress и др.); например: «*Members of Congress, the choices we make together will answer that question*» [11] (обращение президента США Дж.Буша (мл.) к членам Конгресса).

2. Отражают интересы этнической общности (Americans, fellow Americans, my fellow Americans, fellow Texans, Huston, Quincy и др.); например: «*My fellow Americans, every time I prepare for the State of the Union, I approach it with hope and expectation and excitement for our nation*» [12] (обращение президента США Б. Клинтона к согражданам-американцам); «*And, yes, Quincy, that's why we finally passed health reform in America – reform that will begin to end some of the worst practices in the insurance industry this year*» [16] (обращение президента США Б. Обамы к жителям Квинси, штат Иллинойс).

Важным атрибутом вышеуказанных видов обращений, обусловленных коммуникативной стратегией «создание круга своих» в политическом дискурсе, является сема контакта, общности, доверия, имплицитруемая в словах friend и fellow, за счет которой политический деятель стремится подчеркнуть определенную общность с аудиторией. Притяжательное ме-

стоименные *ты* в обращениях данного вида усиливает сему связи и обеспечивает процесс интимизации отношений коммуникантов «на основе психологического созвучия политического деятеля и аудитории» [6, с. 216].

3. Имеют значение совместности, объединенности (all, everybody, everyone, all the leadership, all the women senators); например: «Good afternoon, *everyone*. It is a great honour for me to be here today and to say a few words to you, and really the first thing I want to say is a huge thank you for the work that you have done, ...» [10].

В судебной монологической речи, где моделируется поведение участников судебных прений (адвоката/прокурора), выбор социально уместной формы обращения обусловлен коммуникативной стратегией «создания круга чужих». В основу данной стратегии положен принцип дистанцирования (отстранения судебного оратора от взглядов, действий, решений «чужих» (незнакомых), то есть остальных участников судебного процесса. Для реализации данной модели речевого поведения в соответствии с целевыми установками адресанта (привлечение аудитории на сторону оратора, формирование убеждений судей и суда присяжных в правильности ораторской позиции, организация и направление внимания суда, вовлечение его в ход своих рассуждений) в речевой акт вводятся такие формы обращения, которые выражают:

1) почтительное отношение к судьям (Mr. Chief Justice, Justice Kennedy – AmE; My Lord, My Lady – BrE; Your Honor (AmE) / Your Honour (BrE), к суду присяжных (ladies and gentlemen of the jury – AmE); например: «In the end I would have to say, *my Lord*, it is a matter for you» [17] (обращение британского адвоката Р. Рамптона к судье на заседании Королевского суда Лондона);

2) вежливое, уважительное отношение ко всем присутствующим в зале членам суда, остальным слушателям (members of the court, folks); например: «*Folks*, it is in this time period, February 2001, that Moussaoui comes to the United States» [15] (обращение американского адвоката Эдварда МакМахона к гражданам, присутствующим на судебном процессе по делу Закариаса Миссауи).

Общение в религиозной проповеди нацелено на осознание общности единоверцев, «своих», и их обособления от «чужеродных» групп. Критерием религиозной общности коммуникантов здесь выступает категория религиозной веры, а именно, сопричастность определенной религии, институализированной в церкви. В отличие от «своих», «чужие» представлены языковыми личностями в нерелигиозной коммуникации, атеистами или представителями другой религии.

Таким образом, выделенные нами коммуникативные стратегии «создания круга своих» и «создания круга чужих» в религиозной проповеди на функциональном уровне включают две составляющие: единение – круг

«своих», исполняющих волю Бога, и дистанцирование – круг «чужих», не исполняющих волю Бога.

К речевым способам реализации чувства духовного единства адресанта и адресата в религиозной проповеди можно отнести выбор следующих форм обращения:

1) обращения к аудитории последователей религиозного учения, демонстрирующие принадлежность адресата к конфессионально гомогенной группе верующих (*Christians, congregation, Evangelical church, brothers, sisters, beloved in the Lord Jesus Christ, people of the Diocese of Nothampton*); например: «*But, congregation, smoking isn't the only harmful habit we know of*» [13];

2) обращения к отдельным целевым группам, в зависимости от возраста, пола, социального положения, интересов (например, к детям, подросткам, людям младшего и/или старшего поколения), выражающие сопричастность вере (*boys and girls, children, ladies, young ladies, young person, young people, young and old, parents, wives*); например: «*...And when we start obeying and implementing the word of God in our life, young people, our lives will be changed*» [14].

Данные примеры обращения проповедников к собранию верующих свидетельствуют о том, что проповедники стараются концентрировать свое внимание на создании духовного внутригруппового единства, религиозной, конфессиональной общности адресата на основе единоверия. Таким образом реализуется коммуникативная стратегия «создания круга своих».

Итак, анализ условий, влияющих на выбор социально уместных форм обращения в англоязычной политической речи, судебной речи и религиозной проповеди, позволил выявить набор базовых прагматических пресуппозиций, отражающих степень социальной близости коммуникантов. Данные прагматические пресуппозиции раскрывают сущность обращения как категории социальной, помогающей передавать важную социальную информацию от одного участника акта коммуникации другому, и реализующей основную прагматическую установку публичного дискурса – оказание целенаправленного воздействия на адресата.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 389 – 390.
2. Дьякова М. Л. Прагматическая направленность текстов публичных выступлений (на материале текстов обращений американских президентов к Конгрессу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993.
3. Овчинникова Н. В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2006.
4. Падучева Е.В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 396.

5. Салахова А. Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2006.

6. Самарина И. В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям «создания круга своих и круга чужих» // Вестник СамГУ. – 2006. – № 8 (48). – С. 213 – 219.

7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.

8. Finch G. Linguistic Terms and Concepts. – London: Macmillan, 2000.

9. Yule G. Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Список источников

10. Blair T. Tony Blair thanks UK armed forces in Basra visit, January 4, 2004. – [Электронный ресурс]: <http://keepTonyBlairforPM.wordpress.com/blair-speech-transcripts-from-1997-2007>.

11. Bush G. W., Jr. State of the Union Address, February 2, 2005. – [Электронный ресурс]: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>.

12. Clinton W. J. State of the Union Address, January 27, 2000. – [Электронный ресурс]: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>.

13. Davis K. The God of Life, May 20, 2004. – [Электронный ресурс]: <http://www.theseed.info>.

14. Legge D. How To Stay In A Sin Suck World, 1998. – [Электронный ресурс]: <http://www.preachtheword.com>.

15. MacMahon E. Opening Statement of Defense Attorney Edward MacMahon in the Zacarias Moussaoui Trial, March 6, 2006. – [Электронный ресурс]: <http://www.law.umkc.edu>.

16. Obama B. Remarks by President Obama on Wall Street Reform in Quincy, Illinois, April 28, 2010. – [Электронный ресурс]: <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-and-remarks>.

17. Rampton R. Defence Counsel's Opening Statement on behalf of the Defendants, Royal Court of Justice, London, January 11, 2000. – [Электронный ресурс]: <http://www.fpp.co.uk/Penguin/opening/Rampton1.html>.

Теоретические аспекты функционирования термина в художественном тексте

В статье определяется круг понятий и проблем, возникающих при изучении функционирования термина в художественном тексте. В статье даются определения понятий термин и антропоцентры текста, рассматривается вопрос читательского восприятия научных терминов, предлагается классификация случаев терминопотребления в художественном тексте.

The article defines a scope of concepts and problems which emerge while studying term functioning in literary text. The article contains definitions of such concepts as term and anthropocenters of text, studies the issues of reader's perception of scientific terms and suggests a classification of instances of term usage in literary text.

Ключевые слова: термин, художественный текст, автор, читатель, антропоцентры, проблема понимания.

Key words: term, literary text, author, reader, anthropocenters, problem of understanding.

Термины являются интересной и обширной частью лексики и одновременно элементом научного познания. Особенно велика их значимость в условиях «информационного взрыва», характеризующего культуру новейшего времени, поскольку именно с их помощью человек получает возможность овладеть огромными массивами информации и сделать определенные научные выводы. Бурное развитие науки и техники ведет к проникновению терминов во все сферы человеческой деятельности, даже в те из них, где само существование терминов еще относительно недавно представлялось практически невозможным или воспринималось как крайне нехарактерное. Одной из таких сфер является современная художественная литература, в язык которой термины начинают проникать все более активно.

Научные терминологии начали свое формирование достаточно давно, но понятие «термин» (происходящее от латинского 'terminus' – «пограничный знак, предел, граница») в науке в основном сформировалось довольно поздно – примерно к началу XX века. С начала 30-х годов XX века в отечественной лингвистике наметилась тенденция к выделению особого раздела знаний – терминологии. Основоположителем русской терминологической школы явился Д. С. Лотте, работы которого оказали большое влияние на становление терминологии как раздела науки. Большой вклад в развитие терминологии внесли труды Г. О. Винокура, О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова, Р. А. Будагова, Р. Г. Пиотровского, А. А. Реформатского и

многих других. Эти авторы поставили целый ряд вопросов (лингвистическая сущность термина, природа и организация терминологий), которые до сих пор остаются в центре внимания исследователей.

В настоящее время терминологические проблемы исследуются по следующим направлениям: лингвистическое описание природы термина и организации терминологий; автоматизированные методы анализа терминологий; анализ терминологий с целью конструирования языков для современных информационных систем; стандартизация научно-технической терминологии. Несмотря на большое количество работ, посвященных вопросам терминологии, исследователи неоднократно отмечали отсутствие общепринятого определения самого понятия «термин». Например, в монографии В. П. Даниленко насчитывается девятнадцать определений этого понятия, причем автор подчеркивает, что этот список можно продолжить [7, с. 83 – 86], а в работе З. И. Комаровой приводится даже классификация различных определений термина [10, с. 3 – 13].

Выработка точного определения термина затруднена не только из-за сложности самого понятия, но и из-за неоднородности терминологической лексики, в которой можно выделить научный, общетехнический, профессиональный слои и, кроме того, собственно термины и номенклатурные обозначения или номенклатуру [15, с. 90]. Особенно трудно трактовать это понятие, используя материал различных научных дисциплин и областей знаний. Возможно, именно поэтому исследователи терминологий далеких друг от друга областей науки часто исходят из различных теоретических установок, что грозит опасностью возникновения самостоятельных терминологических теорий для каждой науки [21, с. 6 – 7].

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на различных определениях термина, существующих на данный момент. Для удобства дальнейших рассуждений примем за базовое определение, которое дает А. С. Герд, как лежащее в русле большинства современных исследований и при этом одно из наиболее развернутых: термин – это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и букв-символов, сочетание слова и цифр-символов), обладающая в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно полно и точно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия. Термин обязательно соотносим с определенной единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания [6, с. 69].

Термин – результат процесса научной абстракции и по отношению к тому или иному специальному исследованию представляет собой завер-

шающий этап. Многочисленные исследователи выделяют целый ряд дифференциальных признаков и особенностей термина. При этом до сих пор среди ученых не существует единого мнения в вопросе о том, какие признаки являются наиболее важными, позволяющими выделить термины из всего множества общеупотребительных слов. Среди наиболее часто выделяемых признаков термина находятся дефинитивность (Р. А. Будагов, О. С. Ахманова и др.), однозначность (А. А. Реформатский, Н. П. Романова и др.), номинативность, то есть соотнесенность знака с понятием (Р. Ю. Кобрин, Б. Н. Головин, А. С. Герд и др.), а также системность и стилистическая и эмоционально-экспрессивная нейтральность (Д. С. Лотте, Р. Г. Пиотровский и др.). Несмотря на непрерывно ведущуюся дискуссию по данным аспектам термина, исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Происходит постоянное переосмысление старых и выдвижение новых гипотез. Одни исследователи отмечают ряд вышеперечисленных признаков термина как фиктивные [16], а другие вообще заявляют о признании терминологической вариативности как объективного состояния системы специальных знаков, а среди сущностных свойств термина называют такие качества как процессуальность, динамизм, противоречивость, способность к формально-семантическому варьированию [17]. В свете идей историзма в развитии языка эти возражения имеют под собой определенные основания, однако в синхронном плане общепризнанные положения о терминах в достаточной степени применимы (см, например, работы С. Д. Шелова, который отдельно оговаривает, что эти положения не касаются исторического развития понятийного содержания терминов, а также авторских разногласий в трактовке терминов [21, с. 6 - 7]).

Таким образом, с условием соблюдения требования синхронности можно считать основными качествами идеального термина дефинитивность, однозначность, номинативность, системность, а также стилистическую и эмоционально-экспрессивную нейтральность. Признавая тот факт, что в реальности далеко не все термины обладают этими качествами, мы считаем, что они достаточно полно отражают сущность термина как научного и лингвистического понятия.

Исследуя функционирование термина в тексте художественного произведения, мы опираемся на тезис о том, что в принципе терминология нехарактерна для литературного языка, недаром исследователи рассматривают ее как положительный признак языка научной прозы [18, с. 6]. Являясь основой научного текста, термины активно проникают во все виды речи. Как уже указывалось выше, особенно этот процесс активизируется в последнее время.

Общее свойство естественного языка – сжатие кода, когда в процессе развития языка возникают новые слова для обозначения понятий, выра-

жаемых ранее большим числом слов [11, с. 147]. Это свойство языка ускоряет темп передачи информации и улучшает качество коммуникативных процессов. Частный случай данного языкового свойства, «очевидно интуитивно осознанного учеными разных областей знания и стихийно «взятого на вооружение», – появление терминов [9, с. 13]. Однако требования относительно ускорения передачи информации и повышения качества коммуникации предъявляются не только к научным текстам – данные требования характерны для языка в целом и все более актуальны в современном мире. Это одна из причин проникновения терминов, например, в бытовой диалог, а также в художественную литературу. В этих видах речи термины переосмысляются и метафорически обыгрываются. При этом необходимо принять во внимание и те изменения, которые происходят при восприятии термина читателем.

Во-первых, читатель художественного текста неизбежно будет воспринимать термин более упрощенно, чем поймет этот же термин читатель научного текста. Об этом еще в 1940 году писал академик Л. В. Щерба: «Слово золотник (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает, как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это золотник, а это нет? Поэтому в общем словаре приходится так определять слово золотник: «одна из частей паровой машины». Прямая (линия) определяется в геометрии как «кратчайшее расстояние между двумя точками». Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы называем в быту «линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз). (Не следует думать, что здесь скрыт *circulus viciosus*: в основе наших обывательских понятий прямо, направо, налево лежит, я думаю, линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой)». Затем Л. В. Щерба делал вывод, что логически строго определенные понятия «не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» [22, с. 100].

Здесь мы подходим к тому антропоцентрическому принципу, который лежит в основе разного понимания одного и того же термина в зависимости от того, в каком тексте этот термин окажется. Причина этого – разные адресаты научного и художественного текстов. Если в первом случае адресат – человек, имеющий специальные знания по теме, которой посвящен научный текст, то во втором – это обычный читатель, для которого не обязательно наличие специальных научных знаний. Мы будем более подробно говорить об этой идее в следующем разделе, посвященном проблемам восприятия научных терминов читателем художественного текста и концепции «идеального читателя».

Из положения, что термины в принципе нехарактерны для языка художественной литературы, следует также и возможность применения в процессе их исследования такого понятия как актуализация или выдвиже-

ние. Это понятие берет начало от представителей Пражского лингвистического кружка, которые под актуализацией понимали такое использование языковых средств, «которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма, деавтоматизированное» [5, с. 355].

Как указывает В. А. Кухаренко, при нарушении предсказуемости контекстуальной реализации исходных значений, единица языка обязательно актуализируется, то есть приобретает дополнительную емкость [12, с. 26]. Подобная реализация потенциальных возможностей языковой единицы возможна только в контексте художественного произведения. Занимаясь исследованием этой проблемы, Р. Г. Пиотровский показал, что «термин, вырванный из терминологической системы, перестает выполнять свою терминологическую функцию и, обрастая дополнительными коннотативными значениями, может стать средством передачи эмоциональных и даже эстетических смысловых оттенков» [16, с. 134].

Применяя вышеизложенное к теме данного исследования, можно предположить, что термин в художественном тексте всегда будет нарушением внутренней нормы и, соответственно, всегда будет привлекать особое внимание читателя. Термин «внутренняя норма» заимствован из работ Б. А. Ларина, где под внутренней нормой произведения понимается его контекст, образуемый закономерным расположением элементов с большой предсказуемостью, на фоне которых выделяются отклонения – элементы с низкой предсказуемостью [13]. Б. А. Ларин говорит о важности отклонений от нормы, создающих своеобразие с помощью комбинаторных приращений смысла, которые «образуются из взаимодействия совокупности слов» [14, с. 36]. Безусловно, в ряде случаев появление терминов в тексте художественного произведения в достаточной степени предсказуемо, поскольку тема и сюжет произведения каким-либо образом связаны с научно-технической сферой человеческой деятельности. Поэтому правы те исследователи (например, Н. Н. Бочегова), которые указывают на определенную степень предсказуемости терминов в жанрах научной фантастики и так называемого «производственного романа» [4]. В этом случае отклонение термина от контекста будет ослаблено, хотя это не означает полное отсутствие возможности актуализации термина.

На новом этапе развития лингвистики возникла необходимость изучения текста в коммуникации. Это связано с признанием важности человеческого фактора в языке, где важнейшее место отводится человеку, «активно и целенаправленно создающему и использующему знаки для определенных целей коммуникации» [1, с. 4]. Общеизвестно, что художественный текст абсолютно антропоцентричен. В системе его коммуникативно-прагматических отношений присутствует несколько антропоцентров. Основными антропоцентрами художественного текста являются адресант и

адресат акта реальной художественной коммуникации, то есть автор и читатель. Однако необходимо понимать, что адресант и адресат художественного текста существуют отдельно друг от друга во времени и пространстве. В реальности присутствует только один участник коммуникации, при этом второй домысливается [2, с. 20]. Как пишет Умберто Эко, всякий текст – «это ленивый механизм, требующий, чтобы читатель выполнял часть работы за него» [23, с. 4]. При каждом прочтении читатель заново создает «лично-актуальный смысл-образ текста» [20, с. 73], причем всякий раз новый читательский образ текста может отличаться от предыдущего. С позиции реципиента важно осуществить процесс адекватного декодирования текста, что предполагает учет множества составляющих его смысловых компонентов. Процесс понимания предполагает «не только обработку и интерпретацию воспринимаемых данных, но и активацию и использование внутренней, когнитивной информации» [8, с. 158].

Некоторые авторы даже говорят о том, что именно читатель является истинным центром художественного произведения и заявляют о полном уничтожении автора: «голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо» [3, с. 384].

Ни в коем случае не стремясь преуменьшить роль читателя как основного антропоцентра любого произведения, так как любая эксплицитно выраженная мысль должна иметь своего адресата, все же отметим, что процесс восприятия текста читателем с трудом поддается анализу, поскольку недоступен прямому наблюдению. Несмотря на большое количество предпринятых в последнее время попыток осмысления восприятия текста, понятие «восприятие» в них зачастую подменяется хотя и схожим, но не вполне тождественным понятием «интерпретация» [2, с. 15]. В то же время необходимо сказать и о том, что невозможно умалять роль автора текста, также являющегося полноценным участником художественной коммуникации и основным антропоцентром художественного текста. Более того, следует отметить, что существует гораздо больше объективных возможностей для декодирования авторской версии смысла текста с опорой на языковую данность самого текста. «Осуществляя свою, авторскую дискурсию, продуктом которой является текст, автор закладывает в него интерпретационную программу для реального читателя. При этом он исходит из своих собственных представлений об адресате и его внутреннем мире» [2, с. 15, 18 - 19]. Таким образом, при создании текста автор исходит из собственных представлений о его адресате, создавая образ воображаемого читателя, «своего рода идеальный тип, в котором автор видит будущего соратника», которого У. Эко называет образцовым читателем и противопоставляет его читателю эмпирическому. При этом в распоряжении автора есть определенная стратегия, некий набор сигналов, которые «указывают дорогу» идеальному читателю, существующему в авторском

воображении [23, с. 8]. Эти сигналы поддаются декодированию посредством интерпретации – целенаправленного анализа текста.

Таким образом, в наших дальнейших рассуждениях мы будем исходить из факта наличия у произведения двух основных антропоцентров, обуславливающих реальную художественную коммуникацию – автора и читателя, которые не синхронизированы друг с другом во времени и пространстве. Для осуществления декодирования авторской стратегии построения текста при интерпретации мы будем использовать понятие «идеальный читатель», трактуя его как постоянно присутствующее в сознании автора представление о будущем адресате создаваемого текста.

Используя в тексте художественного произведения те или иные термины, автор рассчитывает на определенное читательское восприятие, необходимое для достижения задуманной им цели. При этом он опирается на создаваемый им образ читателя и прогнозирует его восприятие. Рассчитывая на успешную коммуникацию, автор учитывает интеллектуальные, социальные и психологические параметры предполагаемого читателя [19, с. 137]. Этим предопределяется выбор содержания и формы вербального представления текста, отбор и комбинирование языковых средств [24, с. 257].

Термины – достаточно своеобразный пласт лексики, и не всегда читателю понятен тот или иной встретившийся ему в тексте художественного произведения термин. От того, насколько органично термин существует в художественном тексте, зависит успех коммуникации в целом. Автор использует термины в художественном тексте, безусловно, намеренно. Намеренной является и стратегия автора, когда он объясняет или не объясняет тот или иной появившийся в тексте термин. Авторы в подавляющем большинстве случаев не рассчитывают на то, что их читатели владеют специальной терминологией (это показали наблюдения над терминологическими включениями в англо-американской литературе). Поэтому они «обрабатывают» термин – стараются обеспечить адекватное восприятие смысла текста, даже если читатель незнаком с термином. Для этого может использоваться непосредственное определение термина, его метатекстовое толкование, определение значения по ближайшему контексту [24, с. 257]. Однако наблюдения над большим корпусом текстов (изучены произведения таких авторов, как Арчибальд Джозеф Кронин, Майкл Крайтон, Том Клэнси, Синклер Льюис, Джон Роберт Фаулз, Агата Кристи, Артур Хейли, Джин Уэбстер, Джон Ирвинг, Абрахам Вергиз и др.) показывают, что не всегда автору необходимо обеспечивать читателя объяснением использованного термина. В ряде случаев обработка термина может проводиться лишь частично или отсутствовать вовсе. С другой стороны, возможно возникновение ситуаций, когда автору по каким-либо причинам необходимо выполнить обработку термина, который и без того частично или полностью понятен «идеальному читателю».

Таким образом, прослеживается возможность произвести классификацию случаев терминопотребления в художественных текстах, опираясь, с одной стороны, на восприятие «образцового читателя» (такое, каким видит его автор), а с другой – на собственные действия автора (авторскую обработку термина). Следуя данным принципам, мы получаем две оппозиции: 1) термины, понятные образцовому читателю – термины, не понятные образцовому читателю; 2) термины, объясненные автором – термины, не объясненные автором. Объединяясь в тексте, эти оппозиции предстают в следующем виде.

1. Термины, понятные читателю и не объясненные автором, которые мы называем «прозрачные необъясненные термины» (ПНТ).

2. Термины, непонятные читателю и не объясненные автором, именуемые «непрозрачные необъясненные термины» (ННТ).

3. Термины, непонятные читателю и объясненные автором, именуемые «непрозрачные объясненные термины» (НОТ).

4. Термины, понятные читателю, но все же объясненные автором, именуемые «прозрачные объясненные термины» (ПОТ).

Не следует думать, что все случаи терминопотребления в художественном тексте можно однозначно отнести к той или иной группе данной классификации. Существует множество пограничных случаев, а также случаев, с трудом поддающихся интерпретации. Причины очевидны – живой текст непременно шире, чем любое искусственное построение, которым является и наша классификация. Тем не менее, применение данной классификации при анализе терминов, встречающихся в художественном тексте, может способствовать более глубокому проникновению в авторскую стратегию порождения текста и более точному декодированию авторских интенций.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Термин – это непреходящий элемент научного познания, в последнее время активно проникающий во все сферы человеческой деятельности, в частности, в художественный текст.

2. Общепринятого определения термина не существует. Характерные особенности идеального термина, взятого в синхронном аспекте – дефинитивность, однозначность, номинативность, системность, стилистическая и эмоционально-экспрессивная нейтральность.

3. При переносе термина в контекст художественного произведения происходит его актуализация и, возможно, переосмысление. При этом термин может утрачивать некоторые из своих качеств.

4. Автор и читатель – основные антропоцентры художественного произведения, осуществляющие художественную коммуникацию, но при этом не синхронизированные во времени и пространстве. При употреблении терминов в процессе художественной коммуникации автор рассчитывает

на определенное читательское восприятие, необходимое для достижения задуманной им цели, опираясь при этом на создаваемый им образ «идеального читателя».

5. Опираясь на читательское восприятие, прогнозируемое автором, и авторскую обработку термина, можно произвести первичную классификацию случаев терминопотребления в художественных текстах, которая может оказаться полезной при исследовании частотных закономерностей встречаемости, а также особенностей использования терминов в художественной прозе.

Список литературы

1. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова. – Ташкент, 1988.
2. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. – СПб., 2006.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
4. Бочегова Н. Н. Стилистическая функция терминов в контексте художественного произведения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1978.
5. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 338 – 377.
6. Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание. – СПб., 1996. – С. 68 – 90.
7. Даниленко В. П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). – М., 1977.
8. Дейк Т. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII. – С. 153 – 211.
9. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.
10. Комарова З. И. О сущности термина // Термин и слово. – Горький, 1979. – С. 3 – 13.
11. Кубрякова Е. С. Коммуникативные единицы языка // Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики: сб. науч. тр. МГИИЯ. – М., 1985. – Вып. 252. – С. 118 – 127.
12. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – Л., 1978.
13. Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи // Русская речь. Новая серия. – Л., 1927. – Вып. 1. – С. 42 – 74.
14. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974. – С. 27 – 53.
15. Омеляненко Т. Н. Терминологизация общеупотребительной лексики в истории английского языка // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования. – М., 1983. – С. 88 – 99.
16. Пиотровский Р. Г., Рахубо Н. П., Хажинская М. С. Системное исследование лексики научного текста. – Кишинев, 1981.
17. Сложеникина Ю. В. Термин: живой как жизнь (почему термин может и должен иметь варианты). – [Электронный ресурс]: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Slozhenikina/index.php?sphrase_id=11943
18. Теория и практика английской научной речи / ред. М. М. Глушко. – М., 1987.
19. Тураева З. Я. Этнопсихологические особенности адресованности текста // Studia Linguistica-4. Языковая система и социокультурный контекст. – СПб., 1997. – С. 133 – 14.

20. Филиппов В. С. Текст: на все четыре стороны // Чествуя филолога (К 75-летию Ф. А. Литвина). – Орел, 2002. – С. 66 – 74.
21. Шелов С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. – СПб., 1998.
22. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Известия Академии наук. Отделение литературы и языка. –1940. – № 3. – С. 89 – 117.
23. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб., 2002.
24. Юдина Т. В. Прагматика иноязычного включения в художественном тексте // Studia Linguistica-8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб., 1999. – С. 252 – 258.

Образ адресата рекламного текста с точки зрения постулатов речевого общения

В статье описано имплицитное отражение в рекламных текстах информации об адресате. Оно связано с постулатами Г. П. Грайса, из которых подробно рассмотрены постулаты категории количества. Констатируется, что подробные тексты ориентированы на неосведомленных адресатов, а краткие тексты рассчитаны на адресатов, целенаправленно ищущих рекламную информацию.

The article deals with the implicit information about the expected addressee which each advertising text contains. This information is connected with the Gricean conversational maxims. Detailed advertising texts imply uninformed addressees, whereas brief advertising texts imply addressees purposefully looking for specific products or services.

Ключевые слова: реклама, образ адресата, постулаты речевого общения, постулаты количества, имплицитная информация.

Key words: advertisements, image of the addressee, conversational maxims, maxim of quantity, implicit information.

Вопрос о том, каким образом в тексте получает отражение личность адресата, на которого ориентировался автор, пока еще изучен мало и преимущественно на материале художественной литературы [2; 8; 12; 13; 14]. Так, например, Е. И. Бударagina, проанализировав языковые средства, моделирующие образ адресата художественного текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выделила среди них обращения, номинационные ряды читателя и персонажей, метатекстовые операторы, отбор информации и пояснения, оценочные средства, заглавия, графическую организацию текста [9]. Вместе с тем образ предполагаемого адресата находит отражение и в нехудожественных текстах, например, мемуарных [3; 4; 6], научных [5; 7] и рекламных [1].

Как показывают наблюдения, важным инструментом для реконструкции образа адресата нехудожественного текста являются постулаты речевого общения, описанные Г. П. Грайсом [10; 13]. Анализируя обыденное речевое общение с позиций логики, Г. П. Грайс обнаружил, что оно подчинено так называемому принципу кооперации, суть которого ученый сформулировал так: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [10, с. 222]. Конкретными проявлениями принципа кооперации являются подробно описанные Г. П. Грайсом постулаты речевого общения, которые исследователь объединил в четыре группы: постулаты категории количества, качества, отношения и способа.

Постулаты категории количества требуют соответствия объема информации коммуникативным запросам этого адресата. Постулаты категории качества определяют степень истинности высказывания. Постулат категории отношения требует обязательности смысловых связей между отдельными блоками информации. Постулаты категории способа требуют однозначности и ясности высказывания, для чего коммуниканты используют адекватный выбор языковых средств: слов, стиля, сокращений, иноязычных выражений, либо сопровождают используемые им языковые средства комментариями и пояснениями.

Самого Г. П. Грайса открытые им постулаты интересовали в связи с тем, что подсознательная осведомленность говорящего и слушающего об этих постулатах дает им широкие возможности для передачи информации в неявном виде. Так, например, знание постулата категории количества «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется» позволяет использовать в речи такие внешне тавтологические высказывания, как *Женщина есть женщина*. Логическое выведение скрытого содержания, или так называемой имплицатуры, происходит на основании знания получателя текста о том, что говорящий не должен был, сказав меньше, чем необходимо, произнести совершенно неинформативное высказывание о тождестве женщины самой себе. Понимая это, адресат получает возможность обнаружить в данном высказывании неявный смысл 'Женщине присущи некоторые особенности, с которыми необходимо считаться' [10, с. 227 – 228].

Однако значение концепции Г. П. Грайса значительно шире, чем об этом писал сам исследователь. На основании постулатов Г. П. Грайса можно получать и такую имплицитную информацию, которая не входила в коммуникативные намерения автора [11]. В частности, опираясь на постулаты Г. П. Грайса и анализируя использованные в тексте языковые средства, можно определить, на какого адресата был ориентирован данный текст.

Цель данной статьи – руководствуясь постулатами речевого общения Г. П. Грайса, определить, каким образом из различных рекламных текстов могут быть почерпнуты сведения об их предполагаемых адресатах. В ограниченных рамках данной статьи мы подробно рассмотрим только такую информацию, которая обусловлена следованием постулатам категории количества.

Материалом для анализа послужили рекламные тексты радиостанции «Эхо Москвы», тексты размещенных в г. Москве рекламных плакатов и перетяжек, а также тексты из специализированных рекламных газет за 2009 – 2011 годы. Основанием для объединения в рамках данного исследования именно этих источников послужила их потенциальная предназначенность для разных адресатов. Если радио- и уличная реклама воспринимается прежде всего получателями, не ищущими рекламной ин-

формации, то материалы из рекламных газет ориентированы, скорее, на адресатов, специально разыскивающих такую информацию.

Как уже говорилось, соблюдение постулатов категории количества определяет количество информации в тексте, необходимое адресату для его восприятия. На этом основании можно утверждать, что подробные, обстоятельные рекламные тексты предполагают неосведомленного о содержании услуг адресата, который, однако, целенаправленно ищет исчерпывающую рекламу, способную помочь ему сделать свой выбор. Обратимся к примерам. Анализируемые фрагменты приводимых ниже рекламных текстов выделены курсивом.

«Дом окон. Светопрозрачные конструкции, деревянные, AL, пластиковые. Остекление. AL (provedal), ПВХ (veko), дерево (финские технологии). Заводское остекление балконов, лоджий. Гарантия. Скидки до 20 %. Внутренняя и наружная отделка. Вынос, крыши, сайдинг, шкафы, утепление, кирпичная кладка, отделка фасадов искусственным камнем любой сложности. Бесплатная консультация. Скидка читателям газеты 20 %. 772-57-89, (495) 411-46-38, www.okondom.ru» («Экстра М». Вып. «Север». 2009. № 13 (951)).

В этом тексте наряду с установкой оконных конструкций адресату предлагается выбрать их материал: *светопрозрачные, деревянные, алюминиевые или пластиковые*. При этом предлагается выбор технологий: если адресат хочет установить алюминиевые рамы, ему следует выбрать технологию *provedal*; если пластиковые – технологию фирмы *Veiko*; если деревянные, то следует выбрать рамы, изготовленные по *финским технологиям*. Кроме того, сообщается, что параллельно с установкой оконных рам возможно *заводское остекление балконов и лоджий, их внутренняя и наружная отделка, расширение балконного пространства – вынос, изготовление крыши над балконом и его утепление, облицовка балкона пластиковыми панелями – сайдинг, кирпичная кладка, отделка фасадов искусственным камнем любой сложности*, а также изготовление *шкафов* на балконе. Из сказанного следует, что данная реклама ориентирована на адресата, который хочет сделать качественный ремонт, однако не имеет конкретных требований к содержанию услуги и поэтому нуждается в обстоятельном перечислении всех возможных вариантов.

Напротив, короткие и лаконичные рекламные тексты рассчитаны на осведомленного адресата, который знает, чего он хочет, и ищет определенную рекламную информацию. Поэтому такие тексты содержат минимум сведений, так как их адресат, найдя рекламное сообщение, способен по телефону выяснить все интересующие его подробности. Как правило, эти тексты можно найти в специальных рекламных изданиях, например: *«Остекление. Окна ПВХ. Сетка в подарок. Т. (495) 502-6790» («Телепрограмма». 2010. № 25 (433))*. Как видно, текст этого примера гораздо более краток, чем предыдущий. Он содержит только основную информацию –

остекление окон из материала ПВХ. Данное рекламное предложение представлено номинализованными конструкциями, которые в данном контексте можно развернуть, например: *Фирма предлагает остекление окон. Производится установка оконных рам из материала ПВХ. При установке оконных рам предлагается сетка в подарок.* Из сказанного следует, что предполагаемый адресат этой рекламы целенаправленно ищет информацию об установке окон.

Следует отметить, что соблюдение постулата категории количества определяет соблюдение остальных постулатов (категории качества, категории отношения и категории способа) и тот объем информации, который необходим адресату для адекватного восприятия текста. На основании постулата категории количества при соблюдении постулата качества определяется количество аргументов; при соблюдении постулата категории отношения – количество связывающего части текста метатекста; при соблюдении постулата категории способа – количество разъясняющей значение языковых выражений информации.

Помимо сказанного, следует отметить, что на постулате категории количества базируется прием расширения рамок рекламного сообщения, позволяющий вводить в состав основного текста дополнительные сведения, способные привлечь внимание неосведомленного адресата, не ищущего рекламную информацию, и оставлять против его воли в памяти рекламное сообщение. Рекламные тексты, построенные на основании этого приема, можно назвать сюжетными, серийными и текстами с повторами.

Сюжетная реклама представляет собой текст, в котором основное сообщение либо сопровождается дополнительным сюжетом, направленным на привлечение внимания адресата, либо растворено в этом сюжете. Такая реклама предполагает неосведомленного адресата, не ищущего рекламных предложений, импульсивного, легкого на подъем и быстро принимающего решение о покупке. Сюжетная реклама обычно размещена в радиопередачах – в форме инсценировок, в периодических печатных изданиях – в форме писем в редакцию, в метро – в форме текстов-диалогов, например: *«Муж больше не пьет!!! Мой муж много лет был алкоголиком. Это при том, что раньше употреблял наркотики. Мне говорили, что лечить бесполезно. К счастью, нарколог помог нам раздобыть редкий фитокомплекс. Вскоре муж перестал напиваться в стельку, потом бросил совсем, вернулся к жизни. Сейчас может позволить себе по праздникам выпить. Как все нормальные люди, не испытывая похмелья и зависимости.*

Комментирует Разумовский В. А.: Фитокомплекс – крупнейшее открытие в борьбе с алкоголизмом, благодаря которому избавились от алкогольной зависимости уже тысячи людей по всему миру. Теперь фитокомплекс доступен у нас. Фитокомплекс восстанавливает выработку пептидов, отвечающих за нормальное состояние психики и устранение ал-

коговой зависимости. В результате воздействует на тягу к алкоголю, психоэмоциональные процессы, регенерирует клетки печени, нормализует функции гипоталамуса, рекомендован даже при женском алкоголизме, возможно применение без ведома больного, применяется при сопутствующих заболеваниях.

Проконсультируйтесь со специалистом.

Информация строго конфиденциальна.

Остерегайтесь подделок! ОГРН 1057748280920.

Телефон в Москве 8 (495) 231-23-52» («Центр plus». Вып. «Восток». 2009. № 14).

Данный рекламный текст содержит не только основную информацию – сведения об антиалкогольном фитокомплексе, но и дополнительные сведения: о названном комплексе сообщается в форме письма-благодарности женщины за совет воспользоваться фитокомплексом, и нарколог подробно рассказывает о свойствах этого препарата. Из приведенного текста следует, что его предполагаемыми адресатами являются женщины, мужа которых злоупотребляют спиртными напитками, но которые специально не ищут информацию о лечении алкоголизма и, видимо, ничего не знают об этом. Можно предположить, что эти женщины, скорее всего, привыкли черпать информацию из рассказов других людей, так как их внимание может привлечь чья-то конкретная жизненная история, похожая на их жизнь и понятно изложенная, например, в форме письма. К тому же, с их точки зрения, авторитетен комментарий «разумного» врача по фамилии Разумовский, который пусть и непонятно, но уверенно рассказывает о препарате.

Нередко в качестве дополнительного сюжета, особенно в радиорекламе, используются инсценировки, привлекающие внимание адресата к основному содержанию рекламы. Такие рекламные тексты рассчитаны на ироничного, обладающего чувством юмора адресата, например: «Женский голос. *Забудьте об отдыхе! Сейчас мы станцуем танец зубной боли. Сожмите челюсть. Перекосите лицо улыбкой. Правую руку положите на левую щеку. Вот так! Подвывайте в такт!* Мужской голос. *Стоп! Не дайте боли себя учить!* Примите “Пенталгин”. Его пять компонентов помогают избавиться от боли, вновь обрести свободу и легкость! “Пенталгин”. Сильнее боли! Имеются противопоказания. Перед применением необходимо проконсультироваться со специалистом» («Эхо Москвы», 2010).

В данном тексте основное рекламное сообщение о свойствах препарата «Пенталгин» предваряется дополнительным сюжетом, который привлекает внимание адресата к препарату, – монологом Боли, манипулирующей человеком. Дополнительный текст, описывая симптомы боли, дает возможность адресату почувствовать, что бывает, если не принимать обезболивающее лекарство. Из сказанного следует, что приведенный текст

рассчитан на не осведомленного об обезболивающих препаратах адресата, который, однако, хорошо знаком с болью, например, зубной, и способен относиться к ней с иронией.

Часто в радиорекламе используются прецедентные тексты. Такая реклама рассчитана на адресатов, которые знакомы с этими текстами и способны с радостью на них откликнуться. Например:

«Первый мужской голос. *Давай логически! Ты можешь* пойти в ресторан “Галерея художника”?»

Второй мужской голос. *Могу!*

Первый мужской голос. *А я могу?*

Второй мужской голос. *Тожe можeшь!*

Первый мужской голос. *Мы оба можем!* В “Галерею художника”.

Второй мужской голос. *Железная логика!*

Первый мужской голос. А весь наш коллектив – 1108 человек – *может?*

Второй мужской голос. *Ты гений!*

Первый мужской голос. *Сейчас не об этом!* Значит, есть что?

Второй мужской голос. *Что?*

Первый мужской голос. Новогодняя перспектива!

Третий мужской голос. Корпоративный Новый год, юбилеи, свадьбы и дни рождения в просторных и великолепных залах ресторана “Галерея художника”! Европейская и грузинская кухня. Пречистенка, 19. Телефон: 6-3-7-3-5-2-2» («Эхо Москвы», 2010).

В этом тексте в качестве привлекающего внимание сюжета использован известный диалог друзей из телефильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», которые обсуждают, кто должен лететь в Ленинград – Павел или Женя. К легкоузнаваемым репликам киногероев (Давай логически!; Железная логика!; Ты гений!; Сейчас не об этом!) добавлены слова, несущие основную рекламную информацию. Из сказанного следует, что предполагаемый адресат данной рекламы не осведомлен о местах проведения корпоративных праздников и не разыскивает их, однако в принципе может воспользоваться информацией на эту тему. Являясь поклонником фильма «Ирония судьбы», он способен обратить внимание на рекламу со знакомыми репликами.

Серийная реклама представляет собой несколько самостоятельных рекламных текстов, которые содержат, как правило, одну и ту же основную информацию, но сопровождают ее в каждом тексте новым дополнительным сюжетом, привлекающим внимание адресата. Анализируя функции дополнительного текста в каждой из серий, можно выделить два типа серийной рекламы, которые рассчитаны на разных адресатов: реклама с параллельными сюжетами и со сквозным сюжетом.

Серийные тексты с параллельными сюжетами меняют тему, привлекающую внимание адресата, в каждом новом тексте и поэтому ориентированы на широкий круг неосведомленных адресатов, не ищущих рекламных предложений, но способных внезапно увлечься сюжетом. Такие адресаты импульсивны, легки на подъем и быстро принимают решение о покупке. Обратимся к примерам. Следующая ниже реклама представляет собой три независимых друг от друга текста, которые рекламируют услугу МТС «Поиск», из чего следует, что адресат этой серии текстов свободно владеет мобильным телефоном и пользуется его различными опциями. Однако эти тексты содержат разную дополнительную информацию, направленную на привлечение внимания адресата, из чего следует, что адресаты у этих текстов разные. Например: А. *«Ируся, что, самая умная? Уже полдня торчит в Ленинке! Услуга МТС Поиск. Отправь имя и номер друга на 6630 и будь в курсе, где твои друзья. МТС. Оператор свободы. www.mts.ru»* (Реклама в московском метро, 2010); Б. *«Зачем Толстый три часа толчется в Царицыно? Услуга МТС Поиск. Отправь имя и номер друга на 6630 и будь в курсе, где твои друзья. www.mts.ru»* (Реклама в московском метро, 2010); В. *«Я знаю, где сейчас мой ребенок. Услуга МТС Поиск. Отправьте ИНФО на номер 7788 и всегда знайте, где ваши дети. www.mts.ru»* (Реклама в московском метро, 2010).

Текст А привлекает внимание репликой с упоминанием Российской государственной библиотеки – Ленинки, на основании чего можно предположить, что предполагаемым адресатом этого текста является учащийся человек, например, студент или аспирант. Текст Б привлекает внимание вопросом о том, почему некий *Толстый три часа толчется в Царицыно*, из чего следует, что потенциальным адресатом этого текста является молодой человек, которому, скорее всего, хорошо известно о крупном радиорынке в Царицыно. Текст В содержит в качестве дополнительной информации сообщение женщины о том, что она осведомлена о местоположении своего ребенка. Из этого вытекает, что предполагаемый адресат этого текста – женщина, беспокоящаяся о своих детях.

Серийные тексты со сквозным сюжетом развивают выбранную тему, связывая тексты одной серии единым сюжетом. Они рассчитаны на неосведомленного адресата, который не ищет рекламных предложений, но, однажды обратив внимание на рекламный сюжет, с интересом встретит его продолжение. Адресат этих текстов способен увлечься рекламой, но ему, как правило, требуется время, чтобы принять решение о покупке.

Подобные тексты «подстерегают» своего адресата в потоке радиопередач, в вагонах общественного транспорта, на уличных перетяжках, на рекламных плакатах, в популярных печатных изданиях. Примером рекламы этого типа может служить следующая серия текстов о распродаже в торговой сети «Метро», построенная как переписка босса и его секретарши: *«Женский голос. Уважаемый Эммануил Аполлонович! Завтра я*

на работу не выйду. На это у меня есть пятьсот причин. Они все – в “Метро”!

Первый мужской голос. До 21-го октября в честь открытия пятидесятого торгового центра “Метро” в России – золотые скидки более чем на пятьсот артикулов!

Женский голос. Это “Метро” выгодно!

Второй мужской голос. Покупки в “Метро” осуществляются держателями карты клиента» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2009);

«Первый мужской голос. Дорогая Галочка! Завтра на работу можете не выходить: сам еду в “Метро”. Там и увидимся!

Второй мужской голос. До 21-го октября в честь открытия пятидесятого торгового центра “Метро” в России – золотые скидки более чем на пятьсот артикулов!

Первый мужской голос. Это “Метро” выгодно!

Второй мужской голос. Покупки в “Метро” осуществляются держателями карты клиента» («Эхо Москвы», 2009).

Первый из только что приведенных текстов привлекает внимание адресата смелыми словами секретарши о том, что она не придет на работу из-за шопинга. Второй – с одной стороны, неожиданным сообщением начальника о том, что он тоже занят шопингом, и с другой – продолжением уже известного сюжета. Оба текста ориентированы на адресата, который увлечен развитием забавной ситуации и сам способен заняться шопингом в одном из магазинов «Метро». На основании сказанного можно предположить, что адресат приведенной серии рекламных текстов не ищет специально информацию о распродажах, однако при методичном напоминании о рекламируемой услуге может ею воспользоваться. Кроме того, адресат, по видимому, увлекается шопингом, стремится к выгоде и обладает чувством юмора.

Реклама с повтором представляет собой текст, в котором название рекламируемой продукции повторяется несколько раз. Такие тексты ориентированы на адресата, который не ищет рекламных сообщений, но после неоднократного повторения основной информации способен, вспомнив название, воспользоваться рекламой. Например: «Мужской голос. *Линзы “Биофинити”* – элитные контактные линзы нового поколения. Смотрите на мир легко и уверенно! *Линзы “Биофинити”* – невероятно комфортно, удобно в обращении, не требует дополнительного увлажнения и насыщает Ваш глаз рекордным количеством кислорода. *“Биофинити” – линзы, о которых Вы забываете*» («Эхо Москвы», 2009). В данном тексте сочетание *линзы «Биофинити»* повторяется три раза, из чего следует, что предполагаемый адресат этой рекламы специально не ищет информацию о линзах и обладает не очень хорошей памятью, но в определенной ситуации способен вспомнить сведения из рекламы. Кроме того, в состав рекламных

текстов с повтором, как можно видеть, часто включаются номера телефонов с повторяющимися цифрами для облегчения запоминания.

Следует отметить, что нередко разные виды рекламы могут совмещаться в одном тексте. Так, с одной стороны, приведенные ниже тексты объединены сквозным, чуть намеченным сюжетом, привлекающим внимание адресата к рекламе: молодой человек пренебрегает свиданием ради стильного автомобиля «Porsche 911», настолько шикарного, что с помощью этого автомобиля он заглаживает свою вину, – следовательно, эти тексты могут быть отнесены к серийной рекламе. С другой стороны, в этих текстах в названии марки автомобиля и в комбинации цифр телефона повторяется числительное *девятьсот одиннадцать*, поэтому текст можно отнести к текстам с повтором. «Porsche. Porsche 911. Повод сбежать со свидания. Порше Центр Москва. Тел. (495) 787 9 911. Тел. (495) 937 911 1» (Текст на перетяжке в Москве, 2011); «Porsche. Porsche 911. Способ заглавить свою вину. Порше Центр Москва. Тел. (495) 787 9 911. Тел. (495) 937 911 1» (Текст на перетяжке в Москве, 2011). К сказанному следует добавить, что предполагаемым адресатом этой рекламы является не осведомленный об автомобильном рынке молодой человек, который способен обратить внимание на романтический сюжет, связанный с автомобилем. Адресат богат, ценит престиж, самоуверен и ставит материальное благо выше морального.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие выводы. Каждый конкретный рекламный текст ориентирован на определенную категорию адресатов, и образ предполагаемого адресата отражается в тексте в виде выбора различных языковых средств. В основу реконструкции образа адресата рекламного текста могут быть положены постулаты речевого общения Г. П. Грайса. Ориентируясь на использованные в тексте способы передачи содержания, а также на постулаты Г. П. Грайса, исследователь может сделать выводы о знаниях и коммуникативных запросах предполагаемого адресата текста. Соблюдение постулатов категории количества определяет то количество информации в рекламном тексте, которое необходимо адресату для его восприятия. В соответствии с постулатами категории количества обстоятельный рекламный текст предполагает два типа адресатов: неосведомленного адресата, который не ищет рекламную информацию, и неосведомленного адресата, который специально ищет рекламу, но нуждается в подсказке. Короткий и лаконичный текст рассчитан на осведомленного, уверенного в себе адресата, ищущего конкретную информацию. На основании постулата категории количества выработаны приемы, позволяющие привлекать внимание адресата к тексту и строить разные тексты – сюжетные, серийные и тексты с повтором.

В заключение следует отметить, что аналогичным образом можно реконструировать образ адресата рекламного текста на основании других постулатов речевого общения Г. П. Грайса.

Список литературы

1. Акулова Е. В. Жанр «объявление о знакомстве»: гендерная и этнокультурная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2010.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356 – 367.
3. Бакланова И. И. Лексическое наполнение нехудожественного текста как источник сведений о его авторе и адресате // *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. – Gdańsk, 2008. – Т. 3. – С. 41 – 50.
4. Бакланова И. И. Образ адресата мемуаров как компонент модуса текста // *Модальность в языке и речи: Новые подходы к изучению*. – Калининград, 2008. – Ч.3. – С. 220 – 222.
5. Бакланова И. И. Образ адресата научного текста и способы его реконструкции // *Człowiek. Świadomość. Komunikacja*. Internet: IV Międzynarodowa konferencja naukowa “Język rosyjski w przestrzeni językowej i kulturowej Europy i świata”. Warszawa, 2008. – С. 68 – 75.
6. Бакланова И. И. Образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров // *Русский язык в школе*. – 2009. – № 5. – С. 71 – 75.
7. Бакланова И. И. Языковые особенности учебных и научных текстов с точки зрения постулатов Грайса // *Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы*. II Международная конференция. – Гранада, 2010.
8. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1996. – Т. 5. – С. 287 – 297.
9. Бударagina Е. И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
10. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 217 – 237.
11. Федосюк М. Ю. Соблюдают ли русские постулаты речевого общения Грайса? // *Язык. Культура. Общение: Сб. научных трудов в честь юбилея проф. С. Г. Тер-Минасовой*. – М., 2008. – С. 95 – 104.
12. Формановская Н. И. Адресат в речевой коммуникации (речеведение – теория общения) (к юбилею М. Н. Кожинной) // *Формановская Н. И. Избранные статьи разных лет*. – М., 2007.
13. Шмелева Т. В. Социальный аспект смысла предложения // *Русский язык за рубежом*. – 1981. – № 2. – С. 72 – 77.
14. Шмид В. Нарратология. – М., 2003.

Причины имплицитирования информации в процессе коммуникации

В статье рассматриваются такие причины представления информации в имплицитной форме, как вежливость, феномен «лица», социальный статус собеседника, гендерный фактор, формальность/неформальность ситуации, тенденция к эвфемизации речи, усиление воздействующей функции сообщения (при манипулировании), «диалогичность» и некоторые другие. Показано пересечение причин при выборе коммуникантом стратегии общения. Автор статьи делает вывод о большей воздействующей функции имплицитно представленной информации по сравнению с эксплицитной.

The article studies reasons why this or that information is presented in an implicit (hidden) way. The reasons under analysis include such phenomena as politeness, “face”, social status of an interlocutor, gender, formality/informality of the situation, the tendency to use euphemisms, strengthening the effect of a communicative act (while manipulating), “dialogic affect”, and some others. The reasons revealed do not constitute a strict hierarchy and can intercept each other while choosing a communicative strategy of interactions. The author of the article makes a conclusion about a stronger effect produced by implicitly presented information in comparison with the information presented in an explicit way.

Ключевые слова: имплицитный, эксплицитный, вежливость, подтекст, речевой акт, косвенный речевой акт, «лицо», социальный статус, род, формальность / неформальность, рафинирование, диалогичность, эвфемизация, пресуппозиция, парольная имплицитность.

Key words: implicit, explicit, politeness, subtext, speech act, indirect speech act, «face», social status, gender, formality/informality, refinement, euphemization, dialogism, presupposition, privacy code implicitness.

Способ передачи информации (эксплицитный или имплицитный) определяется автором сообщения в зависимости от ряда факторов. Одной из причин, побуждающих коммуникантов выводить информацию за рамки эксплицитной, является необходимость соблюдения принципа вежливости, что признается необходимым условием эффективной коммуникации. Впервые о вежливости как о лингвистическом явлении упомянул Поль Грайс. Несмотря на то, что П. Грайс не занимался изучением вежливости как таковой, выдвинутая им теория продемонстрировала значение данной категории для успешного речевого общения.

Следуя принципу вежливости, субъект общения не всегда может прямо выразить собственные мысли и желания, а также требования к собеседнику. Стремление достичь максимальной эффективности коммуникации вынуждают его отходить от прямолинейного способа выражения мыслей в пользу завуалированности и подтекста.

Поворотным моментом в исследовании вежливости как одного из причин имплицирования информации становится разработка теории речевых актов Дж. Остином в 1962 году [12] и далее Серлем в 1969 году [14]. С помощью классификации коммуникативных актов ими делалась попытка объяснить выбор языковых средств для реализации интенции коммуникантов. Введя в науку понятие косвенного речевого акта, ученые определяют, могут ли конкретные речевые акты претендовать на регулярную косвенность, а соответственно на предпочтение имплицитных форм выражения.

Современным взглядом на проблему вежливости как на одно из условий эффективности коммуникации и отнесения определенного количества информации за зону эксплицитности является учение Т. В. Фурменковой: «вежливость является одним из тех социальных феноменов, посредством которых межличностное взаимодействие регулируется таким образом, чтобы оно протекало ровно, успешно и бесконфликтно» [10, с. 6]. Вежливость тесно связывается с «презентацией себя». С точки зрения прагматики вежливость – это «набор стратегий, выбираемых коммуникантами для достижения своих целей наиболее бесконфликтным путем в каждом конкретном коммуникативном акте» [10, с. 6], выбор которых зависит от внешних (параметры ситуации) и внутренних (моральные установки, культура) факторов.

«Понятие «вежливость» хорошо известно в каждой культуре, но его практическое воплощение разнится от одной культуры к другой» [10, с. 27]. Оно основывается не только на лингвистическом компоненте. Невербальное поведение признается важнейшим элементом коммуникации. В рамках успешной коммуникации вежливость выступает интенцией второго уровня наряду с интенцией первого уровня, то есть прямой целью сообщения. Адресант зачастую готов пожертвовать высказыванием непосредственной интенции в пользу реализации принципа вежливости, надеясь на способность адресата восстановить намеренно им имплицированное.

Не следует забывать, что лингвопрагматика трактует вежливость отменно от ее бытовой интерпретации. Если в бытийном понимании вежливость – это желание либо намерение быть внимательным к собеседнику, то в научном – это набор коммуникативных стратегий, используемых собеседниками для достижения целей коммуникации. В соответствии с лингвистическим пониманием термина особое значение приобретает «выбор», понимаемый как фокус на определенных стратегиях и тактиках ведения коммуникации, а также на конкретных языковых формах. В данном случае можно выделить два подхода к изучению понятия вежливости в коммуникации как причины имплицирования информации: формальный (акцент на языковых средствах) и содержательный (акцент на стратегиях, речевых актах). Нам наиболее ценным представляется последний ввиду недостаточной изученности вопроса именно с этой стороны.

В качестве одной из причин, побуждающих коммуникантов выводить сообщаемое за пределы эксплицитного высказывания, выступает так называемая проблема «лица». Затронутую еще П. Грайсом, ее продолжает рассматривать Е. Гофман. Им было предложено метафорическое понятие лица, которое автор определяет как положительно оцениваемую социальную реалию, на которую говорящий эффективно претендует, а собеседник воспринимает, как полученную им во время социального контакта [13]. Понятие лица может раскрываться не только непосредственно в единичном коммуникативном акте, но быть результатом череды ситуаций.

В продолжение мысли, высказанной П. Грайсом, а вслед за ним Е. Гофманом, Т. В. Фурменкова и С. С. Тахтарова говорят о действиях, угрожающих потерей лица или имиджа, что мы считаем одной из причин отнесения собеседником содержания высказывания в разряд имплицитного. «Для того чтобы сохранить гармонию социального и коммуникативного взаимодействия, участники общения вынуждены искать такие стратегии для достижения своих коммуникативных целей, которые могут нейтрализовать угрозу «лицеповреждающего» эффекта от совершаемых ими речевых действий» [10, с. 45]. «Лицо», по Т. В. Фурменковой, может быть как позитивным, так и негативным. «Таковые действия либо ограничивают свободу коммуниканта и независимость выбора, либо не обеспечивают искомого одобрения и симпатии со стороны других ... с одной стороны, эти действия могут быть направлены против интересов «социального лица» адресата, включая как его «позитивное лицо» (например, в случае упрека), так и его «негативное лицо» (например, в случае приказа). С другой стороны, можно говорить о действиях, по определению нарушающих интересы либо «позитивного», либо «негативного» «социального лица» адресанта (ср., например, извинение и предложение услуги)» [10, с. 45].

Собеседники самостоятельно определяют характер коммуникативного действия и, сообразуясь с этим, выбирают соответствующие средства, прямые (эксплицитные) или косвенные (имплицитные) для реализации коммуникативного акта. Лицо (имидж) собеседников находится в тесной взаимосвязи. Пренебрегая лицом собеседника, адресант наносит ущерб и себе как обладателю коммуникативной компетенции. Избегание категоричности в высказывании служит оптимизации речевого контакта.

Социальный статус собеседников, на наш взгляд, также играет определяющую роль в процессе принятия решения о способе выражения содержания сообщения. Например, У. Лабов рассматривает вежливость на фоне таких концептов, как престиж и стигма [7]. Как престижные характеризуются речевые конструкции, употребляемые представителями высших кругов. Стигматичными признаются конструкции, свойственные речи низших слоев общества. Таким образом, очевиден уклон данной точки зрения в поле социолингвистики. Коммуникативные ситуации в этой связи могут рассматриваться как симметричные (между представителями одного

класса, уровня образованности, пола) и асимметричные (равное социальное положение, одинаковые возраст, пол) [2].

Рядом ученых упоминаются еще и гендерные различия в той степени, в которой они сказываются на применении форм вежливого либо невежливого обращения: «гендерные стереотипы отражают совокупность социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры» [10, с. 68]. Свой отпечаток на способ выражения также накладывает формальность / неформальность ситуации. Если в неформальной обстановке прямое свернутое выражение может быть воспринято как допустимое, например, для просьбы, то в формальной – это приказ, характеризующийся неуважением либо подчеркиванием более низкого положения адресата.

Меньшая категоричность способствует снижению стигматичности высказывания и появлению иллюзии самостоятельного принятия окончательного решения, что, в свою очередь, способствует большей успешности коммуникативного акта, направленного на стимулирование нужного действия со стороны адресата сообщения.

Среди причин имплицитирования высказывания отмечают также существование конвенций, интернациональную стереотипизацию речевого опыта, а также тенденцию к так называемому «рафинированию» языка [11], получившую распространение в последнее время. Прямые способы выражения зачастую ведут к неудаче. Все большее значение в коммуникации приобретают этикетность, что продиктовано правилами, общепринятыми процедурами общения. А. В. Щербинина, наряду со многими авторами, упоминает «социально приятный климат общения», имея в виду следование этикетным нормам, правилам и обычаям делового общения, объясняя этим причины использования косвенных высказываний вместо прямых, то есть имплицитных вместо эксплицитных. В качестве причины учеными отмечается исключительная емкость косвенных высказываний.

Тенденция к эвфемизации речевой деятельности также способствует увеличению количества подразумеваемой (имплицитной) информации. Под эвфемией Н. М. Потапова понимает «употребление эвфемизма в речи, выбор непрямого способа номинации для более эффективного достижения целей высказывания, а также абстрактное лингвистическое понятие, используемое лингвистами для описания бытования эвфемизмов в речи» [4, с. 5], причисляя туда же случаи метафоризации, метонимизации и сокращения. Употребление эвфемизмов тесно связывается с эмоциональной сферой человека. Историческая природа эвфемизмов – табу, боязнь произнести слово, непосредственно называющее предмет, что являлось результатом древних поверий и культурных ценностей. С течением времени страх эволюционировал и превратился в страх выглядеть или звучать неприлично или неуместно. Еще одно сильное эмоциональное чувство – отвращение, что тоже может послужить причиной перефразирования либо

использования наиболее уместного для ситуации выражения. Это может относиться к человеческим недостаткам, физическим порокам, физиологическим функциям, болезни, смерти. Эвфемистическая замена может быть обусловлена чувством стыда.

Эвфемия может быть продиктована социально-обусловленными мотивами [4, с. 35], такими, как статус в обществе (стремление среднего класса соответствовать требованиям общества, когда представители высшего класса могут позволить себе проигнорировать подобные требования) [6], хотя явление эвфемии наблюдается у всех классов и слоев населения. Социальная роль также обуславливает выбор формы выражения, отсюда эвфемистичные названия многих непрестижных профессий. Н.М. Потапова говорит об асимметричных ситуациях общения (подчиненный – начальник), для которых в большей степени характерно явление эвфемии.

Эвфемизм в процессе коммуникации выполняет ряд функций. Он призван смягчать ситуацию, снимать могущее возникнуть при использовании прямого способа выражения напряжение, снимать возможное ощущение дискомфорта. Эвфемизмы также выполняют маскировочную функцию с целью более эффективного воздействия, что широко используется в публицистическом стиле согласно принципам политкорректности. Эффект смягчения стигматичности достигается в силу семантической редукции (сокращение доли информации), либо изменения статуса с отрицательной оценки (выдвижение на задний план), что свойственно для эвфемизмов. Эвфемизмы могут также употребляться с целью сокрытия информации от случайных или сторонних слушателей [4, с. 68 - 70].

Имплицитированная информация склонна оказывать большее влияние на получателя сообщения в сравнении с той же информацией, но выраженной эксплицитно. Связано это с тем, что эксплицитная информация в общении воспринимается как предназначенная для осознания, ради передачи которой и было составлено сообщение. Имплицитная же информация, которая обладает меньшей коммуникативной значимостью, вследствие чего и подается косвенно, не в той степени контролируется сознанием, сосредоточенным на восприятии явно выраженной информации. Это свойство имплицитной информации и косвенных речевых актов часто используется при манипулировании. Имплицитирование информации способствует усилению аргументации. «В отличие от информации, которая содержится в сообщении в явном виде, имплицитная информация, как правило, не осознается адресатом, она действует в обход аналитических процедур обработки информации. Поэтому адресат не склонен подвергать ее какой-либо оценке, относиться к ней критично или сомневаться в ней» [3, с. 38]. Извлечение скрытой информации представляется адресату как участие в создании сообщения, что делает сообщение более притягательным для восприятия. «Адресат сам выводит эту информацию при интерпретации сообщения, а не получает ее в готовом виде, поэтому, как правило,

принимает ее такой, какая она есть, и не ищет ей подтверждения. Иными словами, действительность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения» [3, с. 38].

Разумность имплицирования определенного рода информации может быть обусловлена явлением, которое О. С. Сыщиков называет «диалогичностью», которая может быть как перспективной, так и ретроспективной. О диалогической имплицитности идет речь в случаях, когда обе стороны коммуникации владеют информацией из предшествующей ситуации общения и не видят смысла в эксплицировании последней, либо имеют опыт общения в соответствующем виде дискурса. Имплицитное долженствование также объясняется пресуппозиционными знаниями о статусе партнера, наличие которых делает излишним прямое выражение долженствования. Ситуативные пресуппозиции также могут объяснять причины имплицирования выражения: если речь идет, например, о претензиях, то коммуниканты знают о правах и обязанностях друг друга и могут их не «озвучивать». Выделяется еще и такой вид имплицитности, как парольная имплицитность [8], которая в текстах, например, делового дискурса связана с понятием коммерческой тайны.

В рамках данной статьи рассмотрены несколько причин, ввиду которых коммуникант принимает решение о выведении информации либо ее части за рамки эксплицитного способа выражения. Список причин признается автором статьи открытым и может дополняться в зависимости от угла рассмотрения проблемы. Автором также подчеркивается размытость границ и взаимопроникаемость многих из упомянутых причин: например, этикетность, феномен «лица», зависимость способа выражения от статуса партнеров могут входить как составляющие части при рассмотрении такой причины, как вежливость.

Список литературы

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985. – С. 73 – 90.
2. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С. 42 – 52.
3. Пирогова Ю. К. Прагматические функции имплицитной информации как средства воздействия и PR // Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М., 2001. – С. 209 – 227.
4. Потапова Н. М. эвфемизмы в языке и речи (на материале англоязычного делового дискурса): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. – Волгоград, 1992.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
7. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып. 7. Социолингвистика. – С. 42 – 96.
8. Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2000.

9. Тахтарова С. С. Импликатуры вежливости в мейотической коммуникации // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сборник статей / сост. И. А. Шаронов. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2008. – С. 215 – 221.
10. Фурменкова Т. В. Средства реализации принципа вежливости в американском варианте современного английского языка (на примере речевых актов общения, просьбы, приветствия): дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2005.
11. Щербинина А. В. Косвенные высказывания и их функции в тексте (на материале декларативных речевых актов): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2002.
12. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford: Oxford University Press, 1962.
13. Goffman E. Interaction Ritual: essays in face-to-face behavior. – New York: Garden City, 1967.
14. Searle J. R. Indirect Speech Acts // Cole P. and Morgan J. (eds) Syntax and Semantics 3: Speech Acts. – New York: Academic Press, 1975. – P. 59 – 82.

Политический анекдот как средство реализации речевой многозначности в английском и русском языках

В статье исследуется речевая многозначность как средство создания российского, британского и американского политического анекдота. Особое внимание уделено каламбуру как типичному стилистическому приему для создания комической ситуации. Определены особенности принадлежности политического анекдота к той или иной национальной культуре.

The article contains the study of speech polysemy as a means of creation political anecdotes in British, American and Russian languages. Special attention is paid to puns as a typical stylistic method for humorous situations. Special features of political anecdotes' national belonging were determined.

Ключевые слова: политический анекдот, речевая многозначность, каламбур, амфиболия, игра слов.

Key words: political anecdote, speech polysemy, pun, amphiboly, play on words.

Политика представляет собой сферу жизни общества, направленную на определение формы, сути и содержания деятельности государства. Политическая подсистема общества включает в себя политические институты (партии, государство), политические нормы (обыденные политические взгляды, идеи, теории). Все эти аспекты находят отражение в политических анекдотах. Тексты этой группы отличаются чрезвычайной подвижностью и незамедлительной реакцией на изменившуюся политическую ситуацию, они быстро входят и выходят из употребления [6, с. 177].

В каком-то смысле, анекдоты отчетливо отображают ход развития современной эпохи и нередко описывают ее события более правдиво, чем это делают историки или исследователи. Интересно, что при существовании «железного занавеса» появился термин «whispered anecdotes», который свидетельствовал о запрещенности данного жанра: анекдоты (особенно политические) рассказывались шепотом и только тем, кто заслуживал доверие.

Отмечается, что «становление особого языка анекдота осуществлялось не стихийно, а испытывало воздействие со стороны литературного канона: текст анекдота фиксировал наиболее удачные продукты авторской и народной языковой игры» [6, с. 76 – 77]. Темой политических анекдотов всегда являлись сами политики и их действия, политические системы, а также условия жизни в стране.

Исследователи заметили, что «политические анекдоты характеризуются двойственным положением по отношению к существующей в кон-

кретном обществе идеологии. С одной стороны, идеология как система взглядов, продукт теоретической деятельности идеологов господствующего класса «служит объектом насмешки в комических текстах. С другой стороны, выбор объекта насмешки всегда обусловлен существующей идеологией и строго регламентируется ею» [6, с. 117].

Давая определение понятию «анекдот», обычно подчеркивают его комический характер. Отмечается, что лишь иногда исследователи придерживаются иной точки зрения, считая, что существуют и серьезные анекдоты. Это справедливо для литературного жанра, но не для фольклорных видов анекдота, которые были и остаются сугубо комическими. Истинный анекдот – это острота, сюжетно оформленная, когда даже отдельная фраза осознается как реплика из театрализованного представления (в основном анекдоты представляют собой не повествовательные тексты, а драматизированные, как, например элементарная сценка, реже – диалог, а иногда одна реплика) [1].

Необходимо определить различие между понятиями шутка и анекдот. «Шутка – малоформатный текст с неожиданной и остроумной развязкой, комический эффект которого создается благодаря связи между динамической (ситуационная модель, описывающая фрагмент реального исторического времени на оси отношений адресат-адресант) и фоновой (модель вымышленной действительности) ситуациями. Анекдот – малоформатный самодостаточный текст с неожиданной и остроумной развязкой. Шутка представляет собой микротекст, функционирующий в микротексте и не существующий вне его. Шутка, как правило, возникает в конкретной коммуникативной ситуации. Анекдот может функционировать как в микротексте, так и самостоятельно» [6, с. 44].

Анекдотическая острота, или пуант, может создаваться различными способами: деформированием языковых клише, актуализацией прямых значений составляющих слов фразеологизма, а также омонимией и многозначностью слова, на которой строится анекдот. Структура текста анекдота подразделяется на две плоскости: первая, состоящая из компонентов, формирующих перцептивную установку у слушателей на основании фоновых знаний реципиента, и, собственно, текстовая часть анекдота. «Достижение комического эффекта непременно происходит в развязке текста, что отличает шутку и анекдот от короткого юмористического рассказа, в котором комический эффект может создаваться автором многократно и на протяжении всего произведения» [6, с. 44].

Рассмотрим речевую многозначность как средство создания политического анекдота. Исследователи определяют многозначность как обязательный атрибут слова как языкового знака. Слово является средоточием многих свойств, неоднородных в силу сложности системы языка. Одно и то же слово вступает в разные отношения с другими словами, воспринимается как элемент разных подмножеств в составе множества единиц словар-

ного состава языка. В каждое из этих подмножеств, выделяемых на разных основаниях, слово входит какой-то одной своей стороной, благодаря одному из своих свойств [4].

Отмечается, что «в речевом акте каждый раз реализуется какое-то одно из значений многозначного слова, используется один из его семантических вариантов. Лишь иногда встречаются – или специально создаются ради комического эффекта – случаи, в которых речевое окружение слова и ситуация оказываются недостаточными для снятия полисемии, и тогда возникает либо нечаянное недоразумение, либо каламбур – сознательная игра слов, построенная на возможности их двоякого понимания» [5, с. 43]. Выделяют основные критерии каламбура, отграничивающие каламбур от всех остальных видов игры слов: 1) двуплановость; 2) юмористический и сатирический эффект. Именно эти черты позволяют исключить из понятия каламбур такие явления, как обычное звуковое сходство, омоформию в рифмах и другое. Также приводится определение данного феномена как «стилистического оборота речи или миниатюры определенного автора, основанных на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова или словосочетания» [8, с. 15 – 16]. Каламбур, безусловно, можно считать типичным стилистическим приемом для создания комической ситуации. Каламбур может представлять собой языковую игру, понятную обоим участникам, а может и являться игрой для публики, когда участники коммуникации не понимают (или якобы не понимают) причины расхождения смысла в происходящем диалоге [3, с. 129].

Зачастую происходит путаница в терминах языковая игра, игра слов и каламбур. Языковая игра определяется как «использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего комического) эффекта» [7, с. 79], «отступление от нормы, нечто необычное» [8, с. 13]. Двусмысленность, или неясность выражения, допускающая два различных истолкования, в лингвистике носит название амфиболия. В зависимости от обыгрываемых лексических единиц, амфиболия бывает интонационной, номинативной или глагольной. Данный тип многозначности характеризуется несовместимостью и разнородностью значений многозначных единиц [2]. Некоторые ученые рассматривают амфиболию как логическую ошибку и предлагают способы ее устранения, или иными словами – способы снятия неоднозначности при ее возникновении с помощью расстановки запятых, интонации или инверсии. В данной работе будут рассмотрены случаи, когда применение двусмысленности обладает интенциональной нагрузкой, поэтому ее снятие не имеет обязательного характера. Преднамеренная амфиболия – вершина ораторского искусства. Непреднамеренная амфиболия – нарушение законов и правил ортологии, препятствующее эффективной коммуникации.

Принадлежность анекдота к той или иной национальной культуре можно определить по особенностям и наличию разнородных единиц языковой картины мира той или иной нации. Среди них: реалии, мифы, стереотипы, прецедентные тексты, национальные символы и др. Так, например, в политической жизни США крайне важны предвыборные баталии между доминирующими партиями республиканцев и демократов, а также то, насколько хорошо политиками выполняются предвыборные обещания. Это всегда находит отражение в ряде шуток: *A politician is one who shakes your hand before elections and your confidence after* [15]. Англичане же, например, уделяют в анекдотах намного меньше внимания теме интимных отношений, чем это делает какая-либо другая нация. Некоторые характеристики комического и юмора являются универсальными для британского английского и американского английского, а в случае каламбура это относится и к русским анекдотам и шуткам.

Политический анекдот в нашей стране – явление своеобразное и насчитывающее в истории своего формирования уже не один десяток лет. Разумеется, характер и суть шуток постоянно менялись, в зависимости от существующих настроений в обществе. Политический анекдот зачастую выполняет функцию сопротивления правящему режиму. Исследователи называют этот жанр неформальной политической коммуникацией и отмечают, что «критическое отношение к декларируемым в официальном дискурсе политическим ценностям, к личностям, представляющим официальную властную элиту, приводит к тому, что в дискурсе политического противостояния они становятся объектами смехового восприятия, реализующегося в таких жанрах, как анекдот, пародия, памфлет, ироническая поэзия и др.» [9, с. 314].

Чаще всего в политическом анекдоте для придания комического эффекта обыгрываются многозначные слова: Парфюмерные товары к Ленинскому юбилею: одеколон «Ленинский дух», пудра «Прах Ильича», мыло «По Ленинским местам»; – Чем вы занимались до семнадцатого года? – *Сидел* и дожидался. – А после семнадцатого? – Дождался и *сел*; Вчера Борис Николаевич Ельцин весь день проработал с *документами*. Он еще раз пересмотрел свой паспорт, военный билет и свидетельство о рождении; Смотрит Борис Николаич телевизор, а там ведущий говорит: «В горы *выброшен* десант». – «Зачем *выбросили!* Может, еще не испортился?!» [11].

Здесь же происходит и обыгрывание некоторых свойств фразеологизмов: – В Госплане категорически запрещено *плевать в потолок*. – Почему? – Потому что оттуда *взят* первый пятилетний план; – Не слишком ли много мы *на себя берем?* – строго спросил президент у своего окружения. Пристыженные соратники переглянулись и быстренько убрали со стола лишнюю бутылку водки; – Кто у нас высшее лицо в государстве? – *Муха*. – Почему? – Выше замминистра – министр. Выше министра – премьер. Вы-

ше премьера – Ельцин. А Ельцин всегда *под мухой*; – Должен ли народ послать подальше своих руководителей? – Зачем? Они и так *далеки от народа* [11].

В основе пуанта политического анекдота может также лежать обыгрывание языковых клише: – Президент провёл заседание *за закрытыми дверями*. – К вечеру ключи были найдены; – Вчера в Кремле *указом Президента* была убита муха. После чего указ был возвращен обратно на стол; – Товарищи члены Политбюро, проголосовавшие за избрание Юрия Владимировича Андропова, могут *опустить руки* и отойти от стенки! [11].

Исследователи отмечают, что юмор занимает особое место в англоязычной культуре и имеет много различных форм. На самом первом уровне юмор выражается в виде британской любви к фарсу – грубой плоской шутке, в ее физическом и наглядном выражении, а также юмор принимает форму плохо скрываемого намека или игры слов. В качестве предмета такого юмора выступают половые отношения или физиологические отправления, язык бывает часто примитивен, с большим количеством «нехороших» слов. Важной характеристикой такого юмора является именно амфиболия [3, с. 123].

Например, в анекдот «In order to meet the conditions for joining the Single European currency, all citizens of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland must be made aware that the phrase "*Spending a penny*" is not to be used after 31st December 2001. From this date, the correct terminology will be: "*Euronating*". Thank you for your attention» [14] заложено идиоматическое выражение «to spend a penny», означающее в переводе на русский язык «мочиться». В данном случае происходит выражение негативного отношения британской общественности к идее объединения европейцев путем реализации прямого значения слов «to spend» (тратить) и «a penny» (пенс, пенни). Для этого также используется созвучие слова «euronate», образованного от названия единой европейской валюты «Еуро» со словом «urinate». В результате происходит реализация двух синтаксических моделей в одном предложении для создания комического эффекта.

Любовь к каламбуру является характерной особенностью британского юмора. Исследователи утверждают, что «английский язык, содержащий различные многозначные слова и выражения, представляет собой идеальную материю для такого юмора», а также, «что это объясняется, прежде всего, краткостью среднестатистического английского слова и вероятностью фонетического совпадения (омонимии)» [3, с. 123]. Это отчетливо видно и в следующих примерах: The government claims it's *following the will* of the people. I didn't even know we'd died! A politician has to be able *to see both sides of an issue*, so he can *get around* it; The reason they bury politicians 26 feet under is because *deep down* they're nice guys [12]. Отмечается также, что «в английской этнокультуре финансовые соображения оказываются более существенными, чем чувства людей, англичане юмористически пе-

реживают отношение к смерти, что совершенно неприемлемо в русской культуре» [3, с. 139].

Американский юмор также не лишен моды на шутки, ведь одни анекдоты считаются актуальными, другие – устаревшими. Однако в политическом анекдоте можно выделить некоторые постоянные объекты для высмеивания, одним из них является выражение негативного отношения в адрес того или иного политика или политической партии: On her Listening Tour, Hillary Clinton learned that a local sandwich shop in a town she was visiting had named a sandwich after her. She visited the shop and asked what was in her sandwich. «Mostly *baloney*», said the proprietor [13]. В данном случае реализуются два значения многозначной лексической единицы «*baloney*»: 1) болтовня, чепуха; 2) болонская (копчёная) колбаса (от англ. Bologna sausage), что наглядно демонстрирует негативную оценку политической деятельности упомянутого политика. То же самое можно проследить и в следующих анекдотах: The good news about Hillary Clinton's nationalized health care plan is that everyone will be *covered*. The bad news is that it will be with dirt; The problem with a Hillary Clinton run Social Security *trust* fund is that there would soon be a lack of *trust* and a lack of funds [13]; An attractive woman was leaving the White House after completing an appointment. She walked the length of the hall to the elevator, where she pressed the button. When the elevator arrived, the doors opened revealing President Clinton standing inside next to the row of floor buttons. He smiled, looked at the woman, and said, "Are you *going down*?" The woman replied, "No, I don't work here"; George W. Bush and his driver were going to Air Force One and were passing a farm. A *pig* jumped out in the road suddenly. The driver tried to get out of the way, but he hit him. He went in the farm to explain what had happened. He came out with a beer, a cigar, and a tons of money. Bush saw this and said, "My God, what did you tell them?" The driver replied, "I told them that I'm George W. Bush's driver and I just killed the *pig*" [15].

Таким образом, можно утверждать, что к числу основных характеристик британского юмора относятся игра слов, в частности, каламбуры, что свойственно американскому и российскому юмористическим дискурсам. Карикатурно перевернутые нормы поведения тематически связаны с теми культурными концептами, которые оказываются актуальными для определенной культуры или политического положения в стране. Наличие у лексической единицы или речевого выражения одновременно несколько различных смыслов нередко становится средством создания политического анекдота. Построение анекдота основывается на точке бисоциации (полисемичной единице), которая представляет собой особого рода языковые единицы, многозначность и функциональный синкретизм которых допускают два различных варианта толкования текста анекдота. Причина появления подобных шуток возникает в результате негативной идентификации политического деятеля или партии, а также из необходимости раскритико-

вать их действия и решения. В двусмысленном выражении противопоставляется разумное и нелепое, ничтожное и возвышенное, безобразное и прекрасное, что и приводит к созданию комического эффекта, который, в свою очередь, нарушает привычные образы и нормы.

Список литературы

1. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 581 – 598.
2. Воркачев С. Г. Лексические пресуппозиции эксплицитных показателей модальности субъективной оценки и их методическое осмысление (испанский язык) // Иностранные языки в высшей школе. – 1989. – № 21. – С. 66 – 76.
3. Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
4. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Высш. шк., 1984.
5. Маслов М. Ю. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1997.
6. Месропова О. М. Структурные, прагматические и содержательные аспекты текстотипов "анекдот" и "шутка": На материале американских текстов: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999.
7. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.
8. Санников В. З. Язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.
10. Якименко Н. В. Каламбур как лингвостилистический прием в английском языке и пути его воссоздания в переводе: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984.

Источник языкового материала

11. Политические анекдоты. – [Электронный ресурс]: <http://www.smeshok.com/>
12. Политические анекдоты. – [Электронный ресурс]: <http://www.unwind.com/jokes-funnies/politicaljokes/politicalshorts.shtml>
13. Политические анекдоты. – [Электронный ресурс]: <http://sites.google.com/site/hillaryclintonjokes/>
14. Политические анекдоты. – [Электронный ресурс]: <http://www.ukdebate.co.uk/forums/index.php?topic=279.0>
15. Политические анекдоты. – [Электронный ресурс]: <http://thejokes.co.uk/jokes-about-politicians-3.php>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'1

Л. В. Топка

Межъязыковое и национально-культурное пространство речеповеденческой ситуации

В статье рассматривается проблема сопоставления разных национально-культурных и языковых общностей с целью выявления их универсальных черт и этноспецифических особенностей. Данное сопоставление проводится на примере речеповеденческой ситуации «успокаивание» в английском и русском языках.

The article deals with a comparison between different national-cultural and linguistic communities to reveal their universal features and ethnospecific peculiarities. The comparison is carried out on the pattern of the speech-behavioural situation of «Soothing» in the Modern English and Russian languages.

Ключевые слова: язык, культура, речеповеденческая ситуация «успокаивание», семантическая доля.

Key words: language, culture, speech-behavioural situation of «Soothing», semantic segment.

Взаимопонимание между людьми обусловлено принадлежностью к одной национальной культуре и общением на одном языке. Каждая культура по-своему производит отбор и структурирование информации о внешнем мире. В языковом сознании представителей разных культур формируются разные инвариантные элементы, которые являются «основой сохранения самобытности культур и самоидентификации их носителей» [8, с. 7]. Национальная духовная культура допускает исследование объективными методами лингвистического анализа, хотя бы в некоторых своих фрагментах [4], поэтому мы находим возможным проведение этого исследования через выделение речеповеденческих тактик или семантических долей определенных речеповеденческих ситуаций: «предложение», «участие», «предостережение», «пожелание», «требование», «укор» и других, составляющих пространство некатегоричности/категоричности как семантической константы внутреннего мира человека [12; 13].

Любая речеповеденческая ситуация представляет собой абстрактное семантическое образование (смысловую структуру), составленную из определенного набора семантических долей, имеющих социальную природу и национально-культурную специфику. Доли, формирующие семантическое пространство речеповеденческой ситуации, можно разделить на межъязыковые, или универсальные, и национально-культурные, или эт-

носпецифические. Межъязыковые семантические доли, в свою очередь, допускают разделение на общечеловеческие и региональные (типичные для какой-либо определенной этнокультурной общности) [4, с. 68]. Процесс выделения долей позволяет обнаружить закреплённость какой-либо из них за конкретным народом, его культурой, образом жизни, которые находят свое выражение в языке.

Составляющей семантической константы некатегоричность в современном английском языке и константы категоричность в русском языке является ситуация «успокаивание». Она возникает как ответная реакция на проявление категоричного, излишне эмоционального или психически неадекватного поведения одного из участников общения. Коммуникант, находящийся в определенном эмоциональном состоянии, может быть опасен по причине неумяемости, гнева, ярости либо труден в общении. неизбежно возникает необходимость воздействовать не на разум и волю, как это происходит, скажем, в ситуации «уговаривание», а на его эмоции и чувства [7, с. 185], чтобы внести изменение в его поведение и добиться необходимой реакции на свои речевые или неречевые действия.

Успокоить – значит «сделать спокойным, внушить спокойствие; умерить, смягчить» [9, с. 1100], «to soothe – to make less angry, excited, or anxious; comfort or calm, or to make less painful» [16, с. 1290]. Стремление говорящего помочь адресату отражается в его речевом поведении в виде психологической помощи, которая может проявляться в экспликации понимания проблем партнера по коммуникации, выражении сочувствия, а в неречевом поведении – в осуществлении конкретных действий.

Ситуация «успокаивание» в английском и русском языках представляет собой пространство, не имеющее ядерной зоны, а объединяющее семантические доли разных ситуаций, подчиненных глобальной цели – успокоить партнёра по коммуникации. Следовательно, в ее пределах может находиться несколько конституентов, входящих в неё как частное в общее. Каждый из них может быть представлен не только одной, но и несколькими долями. Данное явление может быть рассмотрено как пересечение нескольких разных сверхзадач, где происходит спецификация одной из них для осуществления особой цели – другой сверхзадачи [3].

«Успокаивание» как в русском, так и в английском языке образуется слиянием нескольких ситуаций: «предложение», «советование», «просьба», «пожелание», «укор», «участие», «ирония» и других.

Рассмотрим следующую знаковую ситуацию, где говорящий (Elinor) пытается успокоить свою сестру (Marianne), находящуюся на грани отчаяния из-за предательства близкого человека: «I only wish, – replied her sister (Elinor), – there were anything I could do which might be of comfort to you» [21, с. 178]. Попытка использования семантической доли «стремление говорящего компенсировать неблагоприятные условия, в которых находится адресат, предложением помощи, оказанием услуги», относящейся к смеж-

ному пространству ситуаций «предложение» и «участие», не привела к положительному результату: «This, as everything else would have been, was too much for Marianne, who could only exclaim, in the anguish of her heart: «O, Elinor, I am miserable indeed», – before her voice was entirely lost in sobs» [21, с. 178]. Говорящий продолжает успокаивать адресата, используя семантическую долю «указание на нежелательные последствия для третьего лица, исход которых зависит от адресата», находящуюся в зоне сопряжения ситуаций «предостережение» и «шантаж»: Elinor could no longer witness this torrent of unresisted grief in silence. – «Exert yourself, dear Mariann», she cried, «if you would not kill yourself and all who love you. Think of our mother; think of her misery while you suffer; for her sake you must exert yourself» [21, с. 178].

Адресат все еще находится в состоянии нервного подъема: «I cannot, I cannot», – cried Marianne; «leave me, leave me, if I distress you; leave me, hate me, forget me; but do not torture me so. Oh! how easy for those who have no sorrow of their own to talk of exertion! Happy, happy Elinor, you cannot have an idea of what I suffer» [21, с. 179]. Говорящий прибегает к одному из семантических инвариантов ситуации «участие» – «указание говорящего на возможные действия адресата, его физическое, эмоциональное состояние»: «I can have no pleasure while I see you in this state. And you will never see me otherwise. Mine is a misery which nothing can do anyway» [21, с. 179].

Первые четыре предложения следующего высказывания говорящего представляют семантическую долю «порицание говорящим действий адресата», относящуюся к ситуации «укор», а последующие – «раскрытие перспективы (неизбежности, предвидения) неблагоприятных для адресата последствий (зла, трагедии, неприятности)», составляющую пространство ситуации «участие»: «You must not talk so, Marianne. Have you no comforts? No friends? Is your loss such as leaves no opening for consolation? Much as you suffer now, think of what you would have suffered if the discovery of his character had been delayed to a later period – if your engagement had been carried on for months and months, as it might have been, before he chose to put an end to it. Every additional day of unhappy confidence, on your side, would have made the blow more dreadful» [21, с. 179].

Стремление говорящего усовестить адресата, привести его к раскаянию за свое излишне эмоциональное поведение не привело к желаемому результату: «...» «Well, then, another day or two perhaps; but I cannot stay here long, I cannot stay to endure the questions and remarks of all these people. The Middletons and Palmers – how am I to bear their pity? The pity of such a woman as Lady Middleton! – oh! what would he say to that!» [21, с. 184]; и он применяет «указание на возможные действия, которые с точки зрения говорящего в данной ситуации являются для адресата наиболее подходящими либо выгодными», относящиеся к пространству ситуации «советование»: Elinor advised her to lie down again, and for a moment she did

so; but no attitude could give her ease, and in restless pain of mind and body she moved from one posture to another, till growing more and more hysterical, her sister could with difficulty keep her on the bed it all, and for some time was fearful of being constrained to call for assistance [21, с. 184].

Следующая составляющая ситуации «успокаивание», которую использует адресант, – «стремление говорящего компенсировать неблагоприятные условия, в которых находится адресат, предложением помощи, оказанием услуги» – находится в зоне сопряжения ситуаций «предложение» и «участие»: Some lavender drops, however, which she was at length persuaded to take, were of use; and from that time till Mrs. Jennings returned, she continued on the bed quiet and motionless [21, с. 184].

В русском языке пространство ситуации «успокаивание» также представлено слиянием семантических долей, относящихся к различным ситуациям. Рассмотрим некоторые из них, например, ситуацию, из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», когда хозяин дома, Степан Аркадьич, переживает из-за ссоры с женой, а его камердинер Матвей и нянюшка, Матрена Филимоновна, пытаются его успокоить:

«– Ничего, сударь, образуется, – сказал Матвей.

– Образуется?

– Так точно-с.

Адресант использует семантическую долю «уверенное утверждение говорящего относительно какого-либо факта или события» как составляющую пространства уверенности.

– Ты думаешь? Это кто там? – спросил Степан Аркадьич, услышав за дверью шум женского платья.

– Это я-с, – сказал твердый и приятный женский голос, и из-за двери высунулось строгое рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

– Ну что, Матреша? – спросил Степан Аркадьич, выходя к ней в дверь.

Несмотря на то, что Степан Аркадьич был кругом виноват пред женой и сам чувствовал это, почти все в доме, даже нянюшка, главный друг Дарьи Александровны, были на его стороне.

– Ну что? – сказал он уныло».

Следующая семантическая доля, которую использует говорящий, – «указание на возможные действия, которые с точки зрения говорящего в данной ситуации являются для адресата наиболее подходящими», относится к ситуации «советование»:

« – Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! Люби кататься ...

– Да ведь не примет...

– А вы свое сделайте. Бог милостив, богу молитесь, сударь, богу молитесь.

– Ну, хорошо, ступай, – сказал Степан Аркадьич, вдруг покраснев. – Ну, так давай одеваться, – обратился он к Матвею и решительно скинул халат» [19, с. 11–12].

Коммуниканты находятся в отношениях субординации, статусы говорящих (камердинер и нянюшка) ниже статуса адресата (хозяин дома). Социальная ситуация является ненормативной и проходит при нейтральной тональности общения. Однако, несмотря на неравенство статусов (восходящий статусный вектор взаимодействия), возрастные различия и близкая социально-психологическая дистанция позволяют говорящим успокоить адресата.

Еще одной составляющей пространства успокоивания в русском языке является семантическая доля «категоричное указание на действия адресата, которые с точки зрения говорящего в данной ситуации являются, нормативными, желательными или необходимыми по объективным причинам», относящаяся к ситуации «требование». Говорящий (городовой, следящий за соблюдением порядка в общественных местах) обращается к адресату (в данном примере адресат коллективный – это двое дерущихся людей) с целью прекратить драку и успокоить нарушителей порядка.

«– Полно, господа, не извольте драться в публичных местах. Вам чего надо? Кто таков? – строго обратился он к Раскольникову, разглядев его лохмотья» [18, с. 41].

Анализ данной ситуации показывает, что на оси противопоставления «равенство-неравенство» говорящий занимает более высокое положение. Его статус (городовой) выше, чем статус адресата (бывший студент). Социальная ситуация является нормативной: городовой – нарушитель общественного порядка. Обстановка общения и далекая психологическая дистанция между коммуникантами обуславливают выбранную тональность общения – вначале нейтральную, затем сниженную, поскольку лохмотья – признак, указывающий на невысокий статус адресата. Нарастание категоричности высказывания говорящего может наблюдаться и при близкой психологической дистанции, как в следующем случае:

«– Полно дичь пороть, Александр! Мало ли на свете таких, как твоя – Марья или Софья, что ли как ее?

– Ее зовут Надеждой.

– Надежда? А какая же Софья?

– Софья ... это в деревне, – сказал Александр нехотя.

– Видишь ли? – продолжал дядя, – там Софья, тут Надежда, в другом месте Марья. Сердце – преглубокий колодезь: долго не дощупаешься дна. Оно любит до старости...» [17, с. 135].

Следует подчеркнуть, что при близкой психологической дистанции между коммуникантами зачастую встречается и весьма фамильярный вид тональности их взаимодействия. Говорящий, Антон Иваныч, успокаивает

свою давнюю знакомую, расстроенную отъездом ее сына в Петербург делать карьеру:

«— Полно вам, матушка Анна Павловна, слезы-то тратить! — сказал Антон Иваныч с притворной досадой, наполнив рюмку наливкой. — Что вы его, на убой, что ли отправляете?» [17, с. 26]. В данном случае мы наблюдаем семантическую составляющую «категоричное указание говорящего на действия желательные для адресата в данной ситуации», относящуюся к ситуации «требование».

Как правило, неискреннее проявление говорящим заинтересованности в судьбе адресата вызвано преувеличением беды или утрированием адресатом своего физического или душевного состояния: «— Эх, Анна Павловна, и смотреть-то на вас тошно, — начал опять Антон Иванович, — вот некому бить-то вас; бил бы да бил!» [17, с. 27]. Языковое оформление ситуации «успокаивание» обусловлено определенными прагматическими характеристиками коммуникантов, а также параметрами самой ситуации общения. В социальной ситуации главным параметром является роль успокаивающего, сочувствующего, его способность эффективно воздействовать на партнера по коммуникации.

Ироническое высказывание говорящего может успокоить партнера по коммуникации, изменив его психическое состояние. Например, на приеме в доме великосветской дамы при разговоре на тему политики хозяйка дома разволновалась и несколько погорячилась в своих суждениях: «— Ах, не говорите мне про Австрию! Я ничего не понимаю, может быть, но Австрия никогда не хотела и не хочет войны. Она предает нас. Россия должна быть спасительницей Европы ... — Она вдруг остановилась с улыбкой насмешки над своею горячностью... [на что один из гостей ответил ироническим замечанием, чем и развеселил, и успокоил ее] — Я думаю, — сказал князь, улыбаясь, — что, ежели бы вас послали вместо нашего милого Винценгероде, вы бы взяли приступом согласие прусского короля. Вы так красноречивы. Вы дадите мне чаю?

— Сейчас <...> — ответила она, опять успокаиваясь» [20, с. 17].

Говоря о языковой репрезентации ситуации «успокаивание», необходимо подчеркнуть, что здесь определяющим фактором является невербальная сторона взаимодействия коммуникантов. Именно благодаря этому фактору между участниками общения устанавливается близкая психологическая дистанция, даже при восходящем статусном векторе. «Невербальные средства, являясь в значительной степени полифункциональными, позволяют уточнить характер диалогических отношений, степень психологической близости между коммуникантами и их актуальное состояние в процессе общения. Отражая индивидуально-психологические свойства личности, которые могут не обнаруживать себя в высказываниях, невербальная сторона взаимодействия способствует их более глубокому пониманию» [6, с. 237]. Именно невербальное поведение в ситуации

«успокаивание» поддерживает оптимальный уровень психологической близости между участниками коммуникативного взаимодействия, усиливая эмоциональную насыщенность сказанного.

Следует также отметить, что в русском языке действует правило: чем короче психологическая дистанция между коммуникантами в общении, тем категоричнее звучит их речь. Считается, что «для русского общения характерна короткая дистанция, которая с точки зрения европейских норм рассматривается даже как сверхкороткая» [10, с. 164].

Авторские ремарки или конструкции с эмотивными предикатами, указывающими на «характер речевых поступков» [14, с. 106], являются одним из главных средств выражения вышеназванной речеповеденческой ситуации, поскольку «невербальные средства представляют собой знаковую систему, которая отличается ярко выраженной национально-культурной спецификой» [6, с. 236]. Этноспецифичность пространства любой речеповеденческой ситуации выявляется лишь при сравнении разных языков и культур. Отнесение успокаивания к пространству константы категоричности в русском языке обусловлено тем, что его составляющие в большей степени относятся к вышеназванному пространству. В английском языке успокаивание большей частью соотносится с константой некатегоричности. Речеповеденческая ситуация «успокаивание» находится в зоне сопряжения пространств некатегоричности и категоричности, что обуславливает наличие как некатегоричного, так и категоричного высказывания как средства ее выражения.

К средствам языковой репрезентации ситуации «успокаивание» в русском языке в большинстве случаев относятся: вводно-модальные слова, устойчивые сочетания слов, выражающие категоричность, уверенность: конечно, точно, несомненно, все образуется, все наладится, все будет хорошо; формы императива: полно дичь пороть, перестаньте, хватит, полно вам; формы эмоциональных обращений с положительной оценкой, представленные широким и разнообразным рядом слов: голубчик, душенька, милый друг и т.д.; авторские ремарки (обняла ее, поцеловала в голову), показывающие степень психологической близости между говорящим и адресатом, а также изменение состояния адресата в процессе коммуникативного взаимодействия. Зачастую авторские ремарки оказываются основным, а иногда и единственным способом описания состояния участников коммуникации.

В английском языке «успокаивание» репрезентируется следующими языковыми средствами: устойчивыми словосочетаниями *these things happen; there, there; take it easy; don't be alarmed*, которые следует считать самыми частотными языковыми средствами репрезентации вышеназванной ситуации в английском языке; эмоциональными обращениями: *my love, my dear*; формами императива: *you must exert yourself, you must not talk so*; авторскими ремарками: *sit down beside me; putting my hand into hers*.

Устойчивые идиоматические выражения или логоэпистемы [1] являются одним из основных этноспецифических средств выражения исследуемой речеповеденческой ситуации в обоих языках. Нельзя не согласиться с мнением ученых Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о том, что «идиоматика речемыслительной деятельности – это ее своеобразие и неповторимость» [2, с. 238].

Поскольку язык – это «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [11, с. 21], сопоставление двух национально-культурных и языковых общностей (русской и английской) через систематизацию разговорно-речевых выражений, помогающих определить «дух народа», позволяет обнаружить определенные совпадения – универсальные черты – и выявить этноспецифические, каждой из них присущие особенности.

К межъязыковым, а, значит, к универсальным долям, формирующим пространство поведенческой ситуации «успокаивание» следует отнести семантические доли таких ситуаций, как: «предложение», «советование», «упрек», «пожелание», «участие», «ирония», «шантаж». Национально-культурные или этноспецифические доли успокаивания в русском языке относятся к следующим ситуациям: «просьба», «требование», а в английском языке к ситуациям «предостережение» и «оправдание». Необходимо также отметить, что среди конститuentов успокаивания в русском языке преобладают составляющие ситуаций «советование» и «предложение», поскольку русскоговорящий субъект допускает вторжение в сферу другой личности, стремясь посоветовать, активно участвуя в судьбе адресата, тогда как в английском языке весьма частотны конститuentы ситуаций «участие» и «пожелание», где говорящий осторожен и сдержан в своих речевых и неречевых действиях. Следует подчеркнуть, что «успокаивание» – это статусно-нейтральная ситуация, а ее составляющие не зависят от статусно-ролевых параметров коммуникантов, словом, не являются социально обусловленными.

Культура, рассматриваемая в широком семиотическом смысле как система отношений, устанавливаемых между человеком и миром, регламентирует поведение человека и определяет его действия в тех или иных потенциально возможных ситуациях, вместе с тем она является системой, обуславливающей процесс моделирования человеком мира и самого себя [15, с. 6 – 7]. Культуру невозможно анализировать вне социально-экономического и политического контекста, поскольку она является его производной. Следовательно, этнические и социальные параметры общества оказываются тесно взаимосвязанными, и только «переплетение (подчас весьма сложное) этнолингвистических и социолингвистических

характеристик в рамках единой лингвоэкологии позволяет представить полную картину функциональной жизни языка» [5, с. 5].

В речевом поведении представителей определенной лингвокультурной общности отражаются отличительные свойства мышления и национального характера. Существование национальных особенностей является общепризнанным фактом, они представляют характерное лишь для одного народа сочетание общенациональных признаков.

Список литературы

1. Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Жизнь в мимолетных мелочах. – СПб.: Златоуст, 2006.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство. – М.: Русский язык, 1990.
3. Верещагин Е. М. Речевые тактики призыва к откровенности // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82 – 93.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1999.
5. Виноградов В. А. Социолингвистическая типология. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛКИ, 2008.
6. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М.: КомКнига, 2007.
7. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158 – 215.
8. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 53000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М., 2003.
10. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006.
11. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007.
12. Топка Л. В. Некатегоричность // Внутренний мир человека: Семантические константы: Коллективная монография к юбилею доктора филологических наук профессора Ю. М. Малиновича. – Иркутск, 2007. – С. 359 – 396.
13. Топка Л. В. Семиотическое пространство константы внутреннего мира человека // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков: Материалы международной научной конференции к 100-летию заслуженного деятеля науки доктора филологических наук профессора А. В. Кунина. 22-23 апреля 2009 года. – М.: Рема, 2009. – С. 167 – 170.
14. Шахнорович А. М. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 99 – 114.
15. Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Б.А. Успенский. Избранные труды: в 3 т. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDEL) /Addison Wesley Longman: Pearson Education Limited, 1999.

Список источников иллюстративного материала

17. Гончаров И. А. Обыкновенная история. – М.: Худож. лит., 1975.
18. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Роман. В 6 ч. с эпилогом. – М.: Просвещение, 1982.
19. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман. В 8 ч. – М.: Правда, 1978.
20. Толстой Л. Н. Война и мир: в 4 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 3 – 4.
21. Austen J. Sense and Sensibility. – London: Penguin Books, 1994.

Языковая репрезентация ядра и периферий концепта культура в языковом сознании носителей якутского и английского языка

В статье представлен анализ ассоциативного эксперимента на примере одного слова-стимула культура, проведенного среди носителей якутского и английского языков. Для выделения ядра и периферии концепта культура в работе применяется метод полевого структурирования концепта. Выявляется общее и специфичное в языковом сознании представителей разных культур.

The analysis of association work among the representatives of Yakut and English cultures is represented in the article on the basis of an example of one word Culture. The method of field effect is used to isolate the core and peripheries of the concept Culture. Basic and specific features of the language consciousness of the representatives of two different cultures are revealed in the article.

Ключевые слова: концепт, культура, языковое сознание, ядро, периферии, слово-стимул, ассоциации.

Key words: concept, culture, language consciousness, core, peripheries, stimulus word, associations.

Структура концепта в когнитивной лингвистике признается многослойной, включающей культурные составляющие. Основной сложностью в исследовании структуры концепта является его динамичность, которая проявляется в сочетании стабильности и вариативности признаков концепта. Проблема структурирования концепта может решаться в 2-х направлениях: в соответствии с уровневым и полевым принципами организации [1, с. 90].

В нашем исследовании мы применяем метод полевого структурирования концепта, который предполагает выделение в нем ядра и периферии. Под ядром структуры концепта понимается его центральный, прототипический смысловой элемент, который характеризуется семантической стабильностью и психологической выделенностью. Когда концепт активизируется в нашем сознании, мы не задумываемся о составляющих элементах его структуры, и лишь оперируя концептом, начинаем выделять его конкретные характеристики. Признаки отражают в сознании объективные и субъективные характеристики предметов и явлений. Они различаются по степени абстрактности, приближенности к ядру. Полевой принцип не предполагает стабильности и неизменности. Компоненты ядра одной системы могут быть перифериями для другой. Через периферию каждая система концептуальных признаков пересекается и переходит в пределы других систем. Таким образом, они образуют непрерывную целостную концептуальную сеть [1, с. 92].

Исследуемый нами концепт КУЛЬТУРА включает 30 слов-стимулов: «култуура / культура – culture», «угэс / традиция – tradition», «айы5ла / природа – nature», «цивилизация / цивилизация – civilization», «айар улэ / творчество – creation», «тыл / язык – language», «пааматынньык / памятник – monument», «наука / наука – science», «история / история – history», «танас-сап / одежда – clothes», «муусука / музыка – music», «дьо5ур / талант – talent», «фольклор / фольклор – folk», «литератуура / литература – literature», «кэрэ эйгэтэ / искусство – art», «итэ5эл / религия – religion», «чел олох / здоровый образ жизни – healthy life», «иьитиннэрэр-сырдатар ситим / СМИ – media», «театр / театр – theatre», «музей / музей – museum», «киинэ / кино – film», «уруьуй / рисование – drawing», «архитектуура / архитектура – architecture», «скульптуура / скульптура – sculpture», «ункуу / танцы – dance», «уерэх / образование – education», «куен-курэс / спорт – sport», «духуобунас / духовность – spirituality», «гуманизм / гуманизм – humanism», «иитии / воспитание – upbringing».

В ассоциативном эксперименте всего приняло участие четыре тысячи человек: две тысячи носителей якутского языка, две тысячи – английского языка. В данной статье приведем пример ассоциативного анализа слова-стимула култуура / культура.

Прежде чем приступить к анализу материалов ассоциативного эксперимента, необходимо отметить, что слова-стимулы отмечены жирным шрифтом, а слова-реакции отмечены курсивом. Первая группа испытуемых далее именуется испытуемые якуты, вторая группа - испытуемые англичане и американцы. Соответственно, нами используются следующие аббревиатуры: ЯАП – якутское ассоциативное поле, ААП - английское ассоциативное поле.

По результатам проведенного ассоциативного эксперимента в среде носителей якутского языка у испытуемых стимул култуура / культура, в первую очередь, вызывает реакцию *театр / театр* (27,5 %). Далее следуют наиболее частотные реакции: *кэрэ эйгэтэ / искусство* (22,5 %), *быьы-майгы / поведение* (15 %), *терут / национальная* (10 %), *ырыа / песня* (5 %), *ункуу / танец* (5 %), *олонхо / олонхо (якутский героический эпос)* (3 %), *сиэр-туом / обряд* (2,5 %), *тылынан уус уран айымньы / фольклор* (2 %), *артыыс / артист* (2 %), *Саха норуота / народ Саха* (2 %), *сахалыы / якутская* (1,75 %), *кулууп / дом культуры* (1,75 %), *норуот / народ* (1 %), *книгэ / книга* (1 %), *быьы-майгы / поведение* (1 %), *оьуохай / осуохай (якутский народный танец)* (1 %), *хомус / хомус (варган, национальный музыкальный инструмент якутов)* (1 %), *сиэр-майгы / этика* (1 %), *этикет / этикет* (1 %) и т.д.

Единичные ответы были следующие: *ыьыах / ысыах* (0,5 %), *эйгэ / среда, сфера* (0,5 %), *киинэ / кино* (0,5 %), *интеллигенция / интеллигенция* (0,5 %), *сахалыы танас / национальная одежда* (0,5 %), *айыл5а / природа* (0,5 %), *киьи / человек* (0,45 %), *уерэх / образование* (0,45 %), *омук / народ*,

нация (0,4 %), *былыргы / древний* (0,4 %), *бастына / якутская корона* (0,3 %), *балет / балет* (0,3 %), *АГИКИ / АГИКИ (Арктический государственный институт культуры и искусства)* (0,3 %), *иитии / воспитание* (0,3 %), *киьи ис туруга / внутреннее состояние* (0,3 %), *ФЯФиК / ФЯФиК (Факультет якутской филологии и культуры)* (0,3 %), *хартыына / картина* (0,3 %), *учугэй / хороший* (0,3 %), *тустуук / борец* (0,2 %), *арыгы / алкоголь* (0,15 %) и т.д.

Для комментирования результатов эксперимента необходимо совершить краткий экскурс в жизнь якутского народа в древности, чтобы понять, что якуты подразумевали под заимствованным позднее словом «культура». Издревле якутский народ ценил в человеке его моральные качества, личные достоинства, честь, репутацию. Быть культурным человеком в понимании якутов – это вести здоровый образ жизни, восхищаться красотой природы, быть в гармонии с ней, быть примерным семьянином, уважать старших, чтить память предков, соблюдать обычаи и традиции своего народа, иметь высокую мораль, быть человеком чести. Существует много якутских пословиц и поговорок, пропагандирующих кроткий нрав, доброту, честность, благородство души: «Уохтаах буору сиемэ сэбулуур, утуэ киһини дьон сэбулуур» (Благодатную почву семя любит, благородного человека люди любят), «Учугэй майгын – кэтэр кынатын» (Добрый нрав – долгий полет), «Учугэй киһи утуэтэ ус уйэ тухары умнуллубат» (Добрые дела долго живут) и т.п.

Вышеупомянутые реакции на слово-стимул культура можно обобщить так: в наше время культурный человек в понимании якутов должен быть интеллигентным, образованным, начитанным, посещать театр, блюсти рамки приличия (идеальное поведение), разбираться в искусстве, но вместе с тем уважать обычаи своей страны. То есть любой народ должен развиваться в культурном плане наряду со всем миром, знать мировую культуру, не отставать от него, но не утрачивать черты и особенности собственной культуры. В данном случае наблюдается влияние культуры высокоразвитых стран на жизнь и культуру якутов. Но примечательно то, что упоминание обычаев и норм поведения гармонизирует восприятие культуры якутами, не позволяет сделать категоричный вывод, что культура воспринимается ими как нечто заимствованное, не присущее народу Саха, не воспринимается ими только как атрибутика западной культуры.

Анализируя единичные ответы, можно выявить как приверженность своей культуре, так и влияние западной культуры. Так, много слов-реакций, характеризующих или составляющих элементы родной культуры: *народ Саха, осуохай, олонхо, ысыах, салама, якутский национальный костюм* и т.д. Наряду с ними заимствованные слова: *балет, артист, духовность, этика, этикет, телевизор, колледж, клуб, пиджак, ильяпа*. А также слова, имеющие отношение к культуре: *вера, религия, ритуал, мораль, разум, спасение, танец, вежливый, хороший*.

У испытуемых англичан и американцев стимул *culture* / культура, прежде всего, вызывает реакции: *art* / искусство (17 %), *theatre* / театр (15 %), *society* / общество (8 %), *music* / музыка (5 %), *civilization* / цивилизация (4 %), *people* / народ (3,75 %), *ancient* / древний (2 %), *class* / класс (2 %), *good* / хороший (2 %), *primitive* / примитивный (2 %), *sculpture* / скульптура (2 %), *book* / книга (2 %), *Shakespeare* / Шекспир (1,75 %), *Dickens* / Диккенс (1,5 %), *Byron* / Байрон (1,5 %), *Beatricks Potter* / Беатрикс Поттер (1,25 %), *I / Я* (1 %) и т.д.

Единичные ответы: *Romeo* / Ромео (0,5 %), *Juliette* / Джульетта (0,5 %), *vulture* / стервятник (перен. хищник) (0,4 %), *etiquette* / этикет (0,4 %) и *society/общество* (0,4 %).

Культура воспринимается англичанами и американцами как духовная деятельность, в частности, как *искусство* (музыка, скульптура). Если объединить реакции *общество*, *цивилизация*, *класс*, *примитивный*, то можно сделать вывод, что культура для англичан – это показатель развитости как индивида, так и общества в целом, из этого следует разделение общества на классы по культурному признаку. Для англичан культура связана с цивилизацией: чем цивилизованней *общество*, тем выше его культура. А негативное выражение «*примитивная культура*» – проявление этноцентризма, то есть англичане берут свою культурную форму как эталон, с которым они соизмеряют все другие культуры: по их мнению, они (другие культуры) хороши или плохи, высоки или низки, правильны или ложны, но всегда по отношению к своей собственной культуре. Упоминание *стервятника* можно объяснить тем, что слова *vulture* и *culture* рифмуются, а также слово *vulture* имеет значение «человек, не ценящий прекрасное».

Англия – страна *Шекспира*, *Мильтона*, *Диккенса*, *Байрона* и *Беатрикс Поттер*, эти реакции на стимул не случайны. *Шекспир*, *Милтон*, *Диккенс*, *Байрон* – общеизвестные титаны в литературе, но англичане очень ценят творчество писательницы *Беатрикс Поттер*, книги которой посвящены животным.

Хотя в Америке существует серьезное *искусство*, оно развивается в основном за счет поддержки со стороны государства и различных благотворительных фондов, процветает здесь искусство *массовое*. Америка производит культуру *из народа*, *для народа*, даже для всех *народов* мира.

Анализ реакций на стимулы *культура* / культура, *culture* / культура позволяет выявить следующие совпадения (корреляты):

ЯАП – якутское ассоциативное поле, ААП – английское и американское ассоциативное поле

	ЯАП	ААП
1	Театр 27,5 %	Theatre 15 %
2	Искусство 22,5 %	Art 17 %
3	Книга 1 %	Book (s) 2 %
4	Этикет 1 %	Etiquette 0,4 %
5	Хороший 0,3 %	Good 2 %

Наличие данных коррелятов способствует выявлению общего в восприятии культуры своими народами. Совпали наиболее частотные реакции: *театр* и *искусство*. Значит, у носителей якутского и английского языков эти понятия неразделимы с понятием культуры. Также образцами культуры принято считать книги и этикет. Прилагательное *учугэй* (якут.) и *good* (англ.) можно перевести как наречие *хорошо*. Тогда смысл реакции можно трактовать как «культура – это хорошо».

Совпадений мало, но, в целом, реакции носителей якутского и английского языков весьма схожие, что свидетельствует о том, что якуты, американцы и англичане воспринимают культуру одинаково. Якуты дают больше реакций, касающихся нравственности, искусства, атрибутов национальной культуры или культуры вообще, а реакции англичан и американцев более конкретные, они приводят конкретные примеры. Упомянуты *антропология*, *социология* и *изучение* в плане изучения культуры разных народов и обществ, газета *The Times*, которая освещает культурную жизнь страны. Также упомянуты слова *желе*, *бульон*, *талия* и *секс*, с точки зрения биологического восприятия культуры.

На наш взгляд, частотные реакции целесообразно распределить по следующим тематическим группам, чтобы сравнить содержательное наполнение ассоциативных полей.

Реакции – персоналии:

ЯАП	ААП
Артист 2 %	Шекспир (1,75 %)
Народ Саха 2 %	Диккенс (1,5 %)
	Байрон (1,5 %)
	Беатрикс Поттер (1,25 %)
	Я 1 %
	Джюльетта (0,5 %)
	Ромео (0,5 %)

Реакции якутов можно объяснить так: *артист* – работник культуры, а словосочетание *культура народа Саха* приемлемо для восприятия народом Саха, не культура якутов или якутского народа, а именно культура народа Саха – оно благозвучней и устойчивей, им часто оперируют в газетах, на телевидении и т.д. Из таблицы видно, что носители английского языка больше дали конкретных реакций-персоналий, нежели носители якутского языка. Можно сказать, что культуру якуты воспринимают в общем, как одно целое. Ассоциации с реакциями-персоналиями у них наблюдаются в более конкретных словах-стимулах, как: «пааматынньык / памятник», «литератуура / литература», «кэрэ эйгэтэ / искусство – art», «иьитиннэрэр-сырдатар ситим / СМИ», «театр / театр», «киинэ / кино», «куен-курэс / спорт».

Реакции, характеризующие качества культуры:

ЯАП	ААП
Национальная 10 %	Ancient 2 %
Якутская 1,75 %	Good 2 %
Хорошая 0,3 %	Primitive 2 %
	Bacterial 1 %
	Crude 1 %
	Dead 1 %
	Ethnic 1 %
	Foreign 1 %
	French 1 %
	Greece 1 %
	Old 1 %
	Pagan 1 %
	Philistine 1 %
	Proper 1 %
	City 1 %

Англичане и американцы, в отличие от якутов, дают много качественных характеристик культуры: *хорошая, древняя, мертвая, старая, этническая, иностранная, французская, греческая, уэльская, языческая, мещанская, городская*. Указание разных наций подчеркивает то, что Англия и Америка – многонациональные страны.

Распределение частотных реакций по тематическим группам обнаруживает некоторые совпадения в ассоциативных полях. Таким образом, анализ частотных реакций на стимул культура позволяет сделать выводы о том, что восприятие данного стимула у обеих групп испытуемых обнаруживает черты сходства.

Анализ ассоциативного эксперимента позволил выявить ядро и периферии концепта культура по критерию частотности.

Концепт КУЛТУУРА / КУЛЬТУРА	
Языковое сознание носителей якутского языка	
Ядро	Периферии
Тыйаатыр / Театр	- кэрэ эйгэтэ / искусство - быьыы-майгы / поведение - терут / национальная - ырыа / песня - ункуу / танец - олонхо / олонхо

У якутских испытуемых ядром концепта культура является *театр*. Перифериями выступают *искусство, поведение, национальная, песня, танец, олонхо*.

В наше время культурный человек в понимании якутов должен посещать театр. Такое явление можно объяснить тем, что в последнее время в республике огромное внимание уделяется театральному искусству, ведущий театр республики – Саха академический театр им. П.А. Ойунского – в 2005 году завоевал несколько призовых мест в различных конкурсах и смотрах международного уровня, в нем ставятся новые постановки, которые интересны не только взрослым, но и молодым людям. Все это повлияло на языковое сознание носителей якутского языка в ассоциировании концепта культуры в первую очередь с театром.

Периферии говорят о том, что каким бы ни был народ, он должен разбираться в искусстве, иметь хорошее, культурное поведение, уважать национальную культуру, танцы, песни – основной атрибут культуры для якутского народа. Примечательно, что олонхо – якутский героический эпос народа Саха, вошедший в список мировых шедевров, высоко ценится носителями якутского языка. Олонхо – древнейшее эпическое искусство якутов – занимает центральное место в системе якутского фольклора. В 2005 году ЮНЕСКО объявило олонхо одним из шедевров устного и нематериального наследия человечества.

Концепт <i>CULTURE</i> / <i>КУЛЬТУРА</i>	
Языковое сознание носителей английского языка	
Ядро	Периферии
Art / Искусство	- theatre / театр - society / общество - music/музыка - civilization/цивилизация - people / народ - ancient / древний

Таким образом, по результатам анкетирования у носителей английского языка ядром концепта *CULTURE* / *КУЛЬТУРА* является *art* / *искусство*, периферии: *theatre* / *театр*, *society* / *общество*, *music* / *музыка*, *civilization* / *цивилизация*, *people* / *народ*, *ancient* / *древний*.

Культура воспринимается англичанами как духовная деятельность, ядром концепта является *искусство*. Если объединить реакции *society* / *общество*, *civilization* / *цивилизация*, то можно сделать вывод, что культура для англичан – это показатель развитости, как индивида, так и общества в целом, из этого следует разделение общества на классы по культурному признаку. Для англичан культура связана с цивилизацией: чем цивилизованней общество, тем выше ее культура. *Театр* у носителей английского языка служит как периферия, когда как в якутской культуре – это ядро исследуемого концепта. Английская *древняя* культура всегда ценится своим богатством и содержательностью.

Выявленные общие признаки позволяют классифицировать культуру как концепт с «плотным ядром» (термин Ю. С. Степанова) [2, с. 147], с логично организованной, динамической структурой с исходными базисными и производными элементами.

Список литературы

1. Воркачѳв С. Г. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память // Теоретическая и прикладная лингвистика. Сер. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – С. 90 – 102.
2. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.

Стихотворение Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...» в русских переводах XIX – начала XX века¹

В статье впервые осуществлен сопоставительный анализ переводов стихотворения Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...» («Не произносите его имя...»), осуществленных в XIX – начале XX века М. П. Вронченко, Д. П. Ознобишиным, А. Н. Плещеевым, Ф. А. Червинским, В. С. Лихачевым, Л. И. Уманцем и неизвестным переводчиком, характеризуется художественное своеобразие каждой из интерпретаций, их созвучность общественно-политическим событиям и литературной жизни России. Стихотворение Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...» оказало влияние на творчество Н. А. Полевого, о чем свидетельствует реминисценция в третьей части его повести «Аббадонна».

The article deals with the firstly made comparison analysis of the Thomas Moore poem «Oh! Breathe not his name...» which was written in the XIX and the beginning of the XX century by M.P. Vronchenko, D.P. Oznobishin, A.N. Pleshcheev, F.A. Chervinsky, V.S. Lihachov, L.I. Umanets and the unknown translator. Each interpretation can be characterized by its artistic originality and the harmony with society-political events and literary life in Russia. Thomas Moore poem «Oh! Breathe not his name...» had a great influence on the artistic career of N.A. Polevoy. The traces of this influence can be found in the form of reminiscences in the third part of his narrative «Abadonna».

Ключевые слова: Томас Мур, поэзия, художественный перевод, международные литературные связи, реминисценция, традиция, межкультурная коммуникация.

Key words: Thomas Moore, the poetry, artistic interpretation, international literary connections, reminiscence, tradition, intercultural communication.

Стихотворение «Oh! Breathe not his name...» («Не произносите его имя...») вошло в цикл «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») Томаса Мура. Цикл публиковался десятью отдельными выпусками с 1807 года на протяжении более четверти века (по 1834 г.) и принес английскому поэту общеевропейскую литературную известность благодаря успешному сочетанию национально-специфических и общеевропейских черт, многообразию форм художественного выражения особенностей романтического мировосприятия литературной эпохи.

«Ирландские мелодии» Томаса Мура, обретя устойчивую и длительную популярность в России, стали символом ирландского освободительно-

¹ Статья подготовлена по проекту НК-441(6)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт №П2568 от 25.11.2009 г.).

го движения конца XVIII – начала XIX веков. Известно, что стихотворения данного цикла не только широко переводились на русский язык [см.: 7, с. 400 – 403; 8, с. 31 – 41; 11, с. 212 – 216; 12, с. 142 – 144], но и фрагментарно включались в поэтические и прозаические произведения русских писателей, использовались в качестве эпитафий [см.: 9, с. 95 – 101; 10, с. 87 – 89]. Авторы переводов привлекали созвучность жизненных представлений ирландского романтика общественно-политическим событиям, происходившим в России, его свободолюбивые мысли.

Четвертое стихотворение цикла «Irish Melodies» «Oh! Breathe not his name...», неоднократно приковывавшее к себе внимание русских интерпретаторов на протяжении XIX – начала XX веков, было посвящено другу Томаса Мура, ирландскому патриоту Роберту Эммету, одному из руководителей ирландского восстания 1803 года, активному участнику левого крыла движения «Объединенных ирландцев», близкому своими гражданскими устремлениями к якобинцам. Роберт Эммет, казненный англичанами, запомнился тем, что накануне казни сказал: «Уходя из этого мира, я прошу лишь об одном. О даре забвения. Пусть никто не сочиняет для меня эпитафии. Но когда моя страна займет достойное место среди других стран земли, только тогда, и не раньше, пусть напишут эпитафию и мне» [цит. по: 14, с. 492]. Близость молодого Мура с Робертом Эмметом, прекратившаяся после исключения последнего из университета, сменилась теплым дружеским чувством, которое поэт сохранил в себе на протяжении всей последующей жизни. Стихотворение «Oh! Breathe not his name...», равно как и другие ранние «ирландские мелодии», пронизано болью и глубоким разочарованием, вызванными трагедией ирландского народа, подавлением его национально-освободительного движения; вместе с тем глубинные протестные настроения словно растворены в задушевном, проникновенном лиризме, изящной грусти, наконец, в характерной элегической тональности, указывавшей на разочарование поэта в жизни и при этом настраивавшей на примирение со свершившимся, со сложившимися обстоятельствами действительности.

Два ранних перевода «Oh! Breathe not his name...» появились практически одновременно: в «Невском альманахе» на 1829 год был опубликован перевод данного стихотворения, выполненный М. П. Вронченко («Умолчим его имя: пусть там оно спит...») [4, с. 255]; на страницах альманаха «Зимцерла» на 1829 год увидел свет перевод Д. П. Ознобишина «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье...» [15, с. 68], выполненный еще в 1826 году. По мнению А. Н. Гиривенко, первые обращения к стихотворению Мура в России носили программный характер («Во всяком случае, и Вронченко, и Ознобишин не стремились просто ознакомить своих соотечественников еще с одним произведением ирландского поэта-патриота» [6, с. 68]), связанный с возникновением в русской поэзии темы поиска могилы декабристов [см. подробнее: 5, с. 540]. В настоящее время часть исследователей

(вслед за А. С. Пушкиным и А. А. Ахматовой) придерживается мнения о том, что пятеро казненных декабристов были тайно зарыты на невском взморье, на Голодае, представляющем собой северную конечность Васильевского острова, отделенную от него рекой Смоленкой (ныне Голодай – остров Декабристов); следы поисков могилы декабристов усматриваются во многих пушкинских произведениях – Евгений из «Медного всадника» похоронен на «острове малом», в котором можно распознать Голодай; в стихотворениях «Когда порой вспоминаешь...», «Стремлюсь привычную мечтою...» с их характерной ностальгией по пережитому, равно как и в повести «Уединенный домик на Васильевском», можно почувствовать проникновенно прорисованную Пушкиным сумрачную атмосферу Голодая [3, с. 211]. Очевидно, возможность соотнесения безымянной могилы борца за свободу ирландцев Роберта Эммета с неизвестными могилами казненных декабристов и обусловила интерес к муровскому произведению со стороны Д. П. Ознобишина, накануне восстания сблизившегося с В. К. Кюхельбекером и Ф. Н. Глинкой, и М. П. Вронченко, командированного в Дерптский университет для изучения астрономии и сдружившегося там со студентом Н. М. Языковым, входившим в круг дружеского общения Е. А. Баратынского и находившимся под несомненным творческим влиянием А. С. Пушкина.

В 1834 году стихотворение Мура было упомянуто в третьей части повести Н. А. Полевого «Аббадонна», действие которой происходило в Германии: на вечере у героини повести Элеоноры, услаждавшей разноплеменных гостей игрой на фортепиано, английский лорд «умолял <...> играть что-нибудь его родное и закрыл глаза рукою, когда после печальной Муровой мелодии: «Oh! breathe not his name, let is sleep in the shade» («О, не вспоминай о нем – пусть мирно покоится он...») Элеонора перелетела тихими аккордами в Шотландские горы и начала романс Кольмы [«Песнь Кольмы» Дж. Макферсона из цикла поэм Оссиана. – Д. Ж.]; глубокое молчание царствовало в зале» [17, ч. 3, с. 32 – 33].

Новые интерпретации «Oh! Breathe not his name...» появились только в 1870 – 1880-е годы, когда произошел всплеск внимания русских писателей и переводчиков к ирландской теме, обусловленный историческими причинами. К этому времени Ирландия, так и не добившаяся независимости, была окончательно превращена в аграрный придаток английской экономики, источник сырья и дешевой рабочей силы, рынок сбыта английской продукции. К тому же система лендлордизма (аренда земли бедняцкой массе на кабальных условиях) порождала в Ирландии «земельный голод», приводивший в упадок сельское хозяйство, и без того подорванное уничтожением домашней промышленности из-за конкуренции английских товаров и многолетними неурожаями картофеля (1877 – 1880, 1886), являвшегося основным продуктом питания ирландцев. Недовольство бедного крестьянства подавлялось британскими властями при помощи

национальной ирландской буржуазии, боявшейся открытых мятежей, но при этом использовавшей проблемные ситуации в собственных целях, истребуя для себя уступок и преференций. Острота проблем российского крестьянства была столь же значительной, и потому, обращаясь к произведениям Мура, русские интерпретаторы акцентировали внимание на проблемах в своем отечестве, в прямом или завуалированном виде говорили о необходимости преодоления вопиющего социального неравенства, пробуждения дремлющего, «темного» сознания крестьянских масс.

Ирландская мелодия «Oh! Breathe not his name...» с ее программностью и открытой иносказательностью заинтересовала А. Н. Плещеева, который, публикуя свой вольный перевод «Не называйте его!» в № 6 «Отечественных записок» за 1875 год [16, с. 367], вероятно, напоминал читателям о трагической судьбе петрашевцев, чье социально-утопическое мировоззрение показалось вредоносным Николаю I. А. Н. Плещеев, осужденный в 1849 году в рамках дела петрашевцев за распространение известного письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю к четырем годам каторги, а затем переведенный рядовым в Уральск в Оренбургский линейный батальон, мысленно возвращался в свою молодость, к поломанным судьбам, погибшим надеждам и мечтам своих друзей, близких кругу М. В. Петрашевского, многих из которых уже не было к тому времени в живых. Символично, что при первой публикации перевода А. Н. Плещеева отсутствовала ссылка, содержащая соотношение содержания английского оригинала с судьбой Роберта Эммета; эта ссылка появилась только в последующих изданиях.

Публикуя в 1887 году в «Вестнике Европы» свой перевод «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» [20, с. 752], Ф. А. Червинский, в отличие от предшественников, в большей мере ориентировался на решение творческих, нежели идейно-политических, гражданственных задач. Стремясь сохранить ритмический строй оригинала, не принципиальный для переводчиков-предшественников, Ф. А. Червинский использовал шестистопный дактиль с его характерной ритмической растянутостью, придававшей тексту ощущение сугубо русской напевности, задушевности. Благодаря использованию стилистических повторов, способствовавших проведению параллелей между первой и второй строфами (например, «Пусть наши *слезы* печальные льются из глаз омраченных / *Тихо*, как перлы *росинок* <...>» и «Падает *тихо роса* <...> / *Тихие* жаркие *слезы* над этой могилой» [20, с. 752]), Червинский мастерски придавал нейтральным словам экспрессивный ореол.

Перевод Ф. А. Червинского был несомненной творческой удачей, что осознавал, в числе прочих, и сам переводчик, опубликовавший «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» в сборнике собственных оригинальных произведений в 1892 году [21, с. 167]. Однако появление данного талантливого перевода не только не притупило интереса интерпретаторов к муровскому произведению, но и во многом способство-

вало усилению внимания к «Oh! Breathe not his name...». В № 9 журнала «Труд. Вестник литературы и науки» за 1893 год увидел свет перевод В. С. Лихачева «Эпитафия» [13, с. 585 – 586]; в ноябрьской книге «Русской мысли» за 1900 год был опубликован перевод Л. И. Уманца «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна...» [18, с. 115]; наконец, в книге «Томас Мур (1779 – 1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений» (М., 1901) был напечатан анонимный перевод «Эпитафия неизвестным» («Не знают люди имени родного...») [2, с. 43]. Символично, что поздние переводчики, стремясь подчеркнуть как содержательную, так и формальную (жанровую) близость этой ирландской мелодии Томаса Мура жанру эпитафии, указывали на данное обстоятельство уже в заглавии, после чего шли по пути установления связей мира живых и мира мертвых, подчеркивали просьбу ирландского барда не тревожить память погибших, тем самым усиливая трагизм от потери сынов отечества.

Первый стих английского оригинала, характеризовавшийся повелительностью интонации («Oh! breathe not his name, let it sleep in the shade» [14, с. 48] [«О! Не произносите его имя, пусть оно спит в тени»]), был вполне точно воспринят всеми русскими интерпретаторами, каждый из которых, однако, по-своему понимал значимую для Мура лексему «shade» (тень, навес), символизировавшую укромное тихое место, могилу. Так, в переводе Вронченко «shade» заменено указательным местоимением «там», предполагавшим в дальнейшем развернутое описание: «Умолчим его имя: пусть там оно спит, / Где без славы, без почестей прах его скрыт; / Пусть во мраке текут наши слезы о нем, / Как роса над могильным холмом» [4, с. 255]. В эмоциональном плане наиболее близок к оригиналу Плещеев, использующий вместо «shade» синтагму «тенистый приют», тем самым создавая эффект умиротворенности и покоя: «Пусть лежит он в тенистом приюте своем, / Где зарыт он без почестей нами» [16, с. 367]; Уманец дословно переводит лексему «shade», однако заменяет глагол «sleep» («спать») поэтическим оборотом «в объятиях сна»: «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна, / Где сложили без почестей прах...» [18, с. 115]. В переводе Ознобишина вместо лексемы «shade» использовался поэтический собирательный образ «безмолвья», усиливавший колорит описания («Не зовите его, пусть спит он в безмолвье» [15, с. 68]); у Червинского символическое обозначение места, где покоится прах, заменено конкретным существительным «гроб»: «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!» [20, с. 752], при этом сохранено восклицание, выраженное междометьем «Oh» и использован инверсивный эпитет «имя дорогое», привносящий мысль о том, что ратный подвиг погибшего надолго останется в памяти потомков; для Лихачева, вообще опускавшего упоминание о тени, было важно, благодаря использованию повелительного наклонения и мастерской постановке пауз, подчеркнуть мысль ирландского поэта о бесполезности

красноречивых слов и невозможности изменить события прошлых лет: «Не надо имени... Пусть он спокойно спит» [13, с. 585].

Почти все интерпретаторы близко к тексту передают муровское описание способа захоронения неизвестного героя – «Where cold and unhonored his relics are laid» [14, с. 48] [Где лежит его холодный, без почестей прах]. Так, в переводах Плещеева, Ознобишина, Уманца и Вронченко сохранено придаточное в значении обстоятельства места, однако при этом у Плещеева опущено упоминание о «холодном <...> прахе» («Где зарыт он без почестей нами» [16, с. 367]), у Уманца акцент сделан на способе захоронения, незатейливость которого, в сочетании с поэтически-возвышенным «сложили <...> прах», формирует продуманный переводчиком отчетливый диссонанс («Где сложили без почестей прах...» [18, с. 115]), у Ознобишина отсутствие почестей заменено «бесчестьем», что далеко не одно и то же («Где хладный с бесчестьем сложен его прах» [15, с. 68]), у Вронченко пропуск перевода эпитета «cold» («холодный») замещается перечислением обстоятельств образа действия, причем дается буквальный перевод эпитета «unhonored» («бесславный»), получающий некое разъяснение, уточнение («Где без славы, без почестей прах его скрыт» [4, с. 255]). В переводе Лихачева стих английского оригинала представлен в качестве обособленного обстоятельства образа действия, в котором, несмотря на своеобразие формы, сохранена мысль о лишенном почестей захоронении героя: «Без почестей зарытый в землю нами» [13, с. 585]. Червинский, используя анафору, характерную интонацию повелительного предложения, а также эпитеты «омраченный», «глубокий» и «вечный», достигает, пожалуй, наиболее сильного эмоционального воздействия на читателя: «Пусть оно спит под землю в глубоком и вечном покое. / Пусть ваши слезы невольные льются из глаз омраченных» [20, с. 752]; здесь анафора подчеркивает синтаксический параллелизм и при этом акцентирует внимание на метрической монотонности. Отметим также, что анафора «Пусть <...> / Пусть <...>», способствующая нарастанию поэтического напряжения, используется и в более ранних переводах Ознобишина, Вронченко, Плещеева.

Сравнительная конструкция, в которой проведена аналогия между слезами горести и печали и ночной росой («Sad, silent, and dark, be the tears that we shed, / As the night-dew that falls on the grass o'er his head» [14, с. 48] [Слезы, что мы проливаем, грустны, молчаливы и печальны, / Как ночная роса, которая падает на могилу к его изголовью]), сохранена в переводе Уманца, который почти дословно передал муровскую характеристику слезы («молчалива, мрачна»), подчеркнул скорбность могильной росы: «Да прольется слеза – молчалива, мрачна, / Как роса на могильных цветах!» [18, с. 115]. Лихачев использует усиливающие мрачный колорит описания слез и могилы неизвестного героя эпитеты «безмолвно-скорбные» и «угрюмая», при этом поэтически-возвышенные слова придают переводу осо-

бую торжественность в сочетании с благозвучием и проникновенным лиризмом: «Кому он дорог был – пусть прах его почитит / Безмолвно-скорбными слезами. / Вспоенная росой в безмолвии ночей, / Угрюмая могила оживится» [13, с. 585 – 586]. Если для Уманца значимо само сравнение слезы и росы, для Лихачева – описание могилы, «вспоенной росой», то для ранних интерпретаторов важно представить в реальном времени, как «упадает» роса на могилу: «Пусть во мраке текут наши слезы о нем, / Как роса над могильным холмом. / Но роса, упадая, и в мраке ночном / На могиле его мураву возрастит» (М. П. Вронченко; [4, с. 255]); «Пусть слезы застынут на наших очах, / Как вечерняя роса на его изголовье» (Д. П. Ознобишин; [15, с. 68]). Плещеев, в отличие от других переводчиков, сначала говорил о «ночной росе» и только потом – о «безмолвной слезе»: «И, как ночью роса, наши слезы о нем / Пусть безмолвными будут слезами!» [16, с. 367]. В интерпретации Червинского возникает множество образов, отсутствующих в английском оригинале, но вместе с тем вполне уместных, в частности, упоминаются о «глазах омраченных», слезы соотносятся с «перлами росинки, дрожащих на ландышах сонных» [20, с. 752].

Отметим, что в восприятии Томаса Мура слезы не только оказывались способными превратиться в росу, но и приобретали живительную силу, помогали сохранить память об ушедшем герое: «But the night-dew that falls, tho' in silence it weeps, / Shall brighten with verdure the grave where he sleeps; / And the tear that we shed, tho' in secret it rolls, / Shall long keep his memory green in our souls» [14, с. 48] [Но слезы, что мы проливаем, хотя и льем их в тиши, / Сделают могилу, в которой он спит, зеленой; / А слезы, что проливаем мы о нем, хоть и тайно, / Сохранят память о нем свежей в душе]. Параллель между свежей зеленью на могиле, вспоенной росой, и слезами соотечественников, способными оживить в сердцах память, почти дословно передана Плещеевым и Ознобишиным. Плещеев использует словосочетание «дерн могил» для перевода муровского «verdure the grave» («озеленить могилу»), сохраняет придаточное предложение уступки («Хоть она и в тиши их роняет»), а также характерную инверсию английского оригинала: «От слезинок росы дерн могил зеленей, / Хоть она и в тиши их роняет... / Так и память о нем в нашем сердце свежей / Сохранить нам слеза помогает...» [16, с. 367]. В интерпретации Ознобишина можно видеть дословный перевод словосочетания «the night-dew» («вечерняя роса») и глагола «to shed» («лить <слезы>»), а также использование придаточных уступки («хоть безмолвно ложится, / <...> / <...> хоть льем их в тиши»), что позволяет переводчику вслед за английским оригиналом осуществить сближение слез и росы: «Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится, / Свежим дерном могила его обновится, / А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши, / Сохранят его память живой для души» [15, с. 68].

О тайно пролитых слезах говорится и в переводе Вронченко, который, дважды называя погибшего героя «другом», привносит новые смысловые

оттенки в свою интерпретацию, подчеркивает силу и глубину переживаний лирического героя: «И слеза, что о друге мы тайно прольем, / Память друга надолго в сердцах сохранит» [4, с. 255]. Особая атмосфера торжественности и печали создана в интерпретации Лихачева, заменяющего обстоятельство места «in silence» («в тишине») поэтическим оборотом «в безмолвии ночей» и использующего однокоренные слова для того, чтобы подчеркнуть связь между живой зеленью на могиле и памятью о погибшем герое: «Вспоенная росой в безмолвии ночей, / Угрюмая могила оживится: / Так и в сердце о нем, слезами без речей, / Живая память сохранится» [13, с. 586]. Уманец по-новому интерпретирует образ слезы, пролитой в тишине, заменяя его синтагмой «сдержанные слезы», и дополняет текст упоминанием о «молчаливом потоке», при этом нарочито используя однокоренные слова и даже повторы слов («молчаливо» и «молчаливый», «оживляет» и «оживит») для усиления параллели между росой и слезой: «Как ночная роса оживляет цветок / Молчаливо над мрамором плит, / Так и сдержанных слез молчаливый поток / Об усопшем мечту оживит!» [18, с. 115]. Наконец, в переводе Червинского последние стихи звучат особенно возвышенно, чему способствует использование экспрессивных прилагательных, нередко выполняющих функцию эпитетов («жаркие слезы», «чуткое сердце», «усопший друг», «пустынная могила» и др.). Интерпретатор усиливает смысловую нагрузку английского оригинала, употребляя контекстуально антонимичные лексемы для описания слезы («тихие, жаркие слезы»), поэтизируя образ луга («ковер изумрудного луга»), – это придает переводу приподнятую восторженность: «Падает тихо роса на ковер изумрудного луга, / Но от нее зеленеет могила усопшего друга; / Тихие, жаркие слезы над этой пустынной могилой / В чутких сердцах оживят его образ волшебною силой» [20, с. 752]. В последних стихах перевода Червинского отмечается как смирение со свершившимся, так и глубина чувств лирического героя, который оплакивает погибшего соотечественника.

Следует особо сказать об «Эпитафии неизвестному», которая, будучи анонимно опубликованной в 1901 году, представляла собой скорее оригинальное стихотворение «на мотив Мура», нежели интерпретацию «Oh! Breathe not his name...». Поэт-переводчик использует мотивы, позволяющие создать близкую произведению ирландского поэта интонацию скорби и печали от бесславной потери защитников отечества. Однако, вместо обращения к людям, оплакивающим могилу неизвестного героя, анонимный поэт-переводчик лишь ссылается на существование «безвестно погибших странников», при этом эпитет «родное имя» призван все же подчеркнуть смысл и значение смерти во имя родины: «Не знают люди имени родного / Тех странников, что путь в безвестности прошли, / И, после трудного скитания земного, / Те путники безмолвно с поприща сошли...» [2, с. 43]. В интерпретации упомянут живительный образ росы, для описания которой использован эпитет «небесная», позволяющий по-новому взглянуть на ее

происхождение и привносящий христианские мотивы в стихотворение. По-мнению анонимного интерпретатора, обо всех подвигах героя осведомлен лишь Господь, приславший «небесную росу» на могилу безвестного героя: «Не слезы канули на тайные могилы, / Роса небесная теперь все орошает их... / И скрытыми остались душ отшедших силы – / Их соберет Господь в обителях своих» [2, с. 43].

Подводя итоги, отметим характерный профессионализм и специфику творческого подхода большинства интерпретаторов стихотворения Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...», разнообразие художественных форм и средств для воссоздания и переосмысления образов и мотивов английского оригинала. И в последующие годы стихотворение Мура «Oh! Breathe not his name...» продолжало привлекать внимание переводчиков, свидетельством чему стали интерпретация М. И. Алигер «О, не шепчите его имя», увидевшая свет в 1975 году в сборнике «Поэзия английского романтизма» [1, с. 305], и перевод Г. С. Усовой «Ты имя его не тревожь», опубликованный в № 5 журнала «Памир» за 1979 год [19, с. 79].

Список литературы

1. Алигер М. И. О, не шепчи его имя // Поэзия английского романтизма. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 305.
2. <Анонимный переводчик>. Эпитафия неизвестным («Не знают люди имени родного...») // Томас Мур (1779 – 1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений. – М.: тип. Общества распространения полезных книг, арендованная В.Кудиновым, 1901. – С. 43.
3. Виролайнен М. Н. Медный всадник. Петербургская повесть // Знамя. – 1999. – № 6. – С. 208 – 220.
4. Вронченко М. П. «Умолчим его имя: пусть там оно спит...» // Невский альманах на 1829 год. Изданный Е.Аладьиным. – СПб.: тип. Департамента народного просвещения, 1828. – Ч. V. – С. 255.
5. Гиривенко А. Н. Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1984. – Т. 43. – № 6. – С. 537 – 543.
6. Гиривенко А. Н. Русская рецепция Томаса Мура: дис. ... канд. филол. наук. – М.: МПГУ, 1992.
7. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. «Ирландские мелодии» Томаса Мура и их русские переводчики 1820 – 1830-х гг. // Литература в диалоге культур – 4: Материалы Международной научной конференции (21 – 23 сентября 2006 г.). – Ростов-н/Д.: РГУ, 2006. – С. 400 – 403.
8. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. К вопросу о русских переводах «Ирландских мелодий» Томаса Мура // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве: сб. научн. трудов, подготовленный к II Международной научно-практической конференции: в 2 т. – Екатеринбург: УрГТУ, 2007. – Т. 2. – С. 31 – 41.
9. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. Традиции творчества Томаса Мура в русской поэзии 1820 – 1830-х гг. // Дергачевские чтения – 2006: Русская литература: национальное своеобразие и региональные особенности: Материалы Международной научной конференции (5 – 7 октября 2006 г.): в 2 т. – Екатеринбург: УрГУ, 2007. – Т. 1. – С. 95 – 101.

10. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. Традиции Томаса Мура в русской прозе 1820 – 1830-х гг. // Альманах современной науки и образования (Тамбов). – 2007. – №3. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 3 ч. – Ч. 1. – С. 87 – 89.
11. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творческой интерпретации П.А. Вяземского и Д.П. Ознобишина // Мир – Язык – Человек: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию факультета иностранных языков ВГГУ (Владимир, 27 – 29 марта 2008 г.). – Владимир: ВГГУ, 2008. – С. 212 – 216.
12. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. Ранние переводы «Ирландских мелодий» Томаса Мура (А.М. Редкин, И.П. Бороздна, В.И. Любич-Романович) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых: в 2 ч. – Томск: ТПУ, 2008. – Ч. 1. – С. 142 – 144.
13. Лихачев В. С. Эпитафия // Труд. Вестник литературы и науки. – 1893. – № 9. – С. 585 – 586.
14. Мур Т. Избранное: [На англ. и рус. яз.] / сост. Л. И. Володарская. – М.: Радуга, 1986.
15. Ознобишин Д. П. «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье...» // Зимцерла: Альманах на 1829 год. – М.: тип. С. Селивановского, 1829. – С. 68.
16. Плещеев А. Н. Не называйте его! // Отечественные записки. – 1875. – № 6. – С. 367.
17. Полевой Н. А. Аббадонна: Роман: В 3 ч. – М.: тип. С.Селивановского, 1834. – Ч. 1 – 3.
18. Уманец Л. И. «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна...» // Русская мысль. – 1900. – Кн. 11 (ноябрь). – С. 115.
19. Усова Г.С. Ты имя его не тревожь // Памир. – 1979. – № 5. – С. 79.
20. Червинский Ф. А. «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 6. – С. 752.
21. Червинский Ф. А. Стихи. – СПб.: тип. «Общественная польза», 1892.

Грамматические особенности внутрифразовых переключений кодов в художественном произведении

В статье рассматривается понятие переключения кодов, морфологические и синтаксические особенности внутрифразовых кодовых переключений в британских и американских художественных произведениях. Описывается структура вкраплений и островных переключений на французский, испанский, итальянский и латинский языки.

The article deals with the notion of code-switching, morphological and syntactic characteristics of intrasentential code-switching in British and American fiction. The structure of insertions and island-switches into French, Spanish, Italian and Latin is described.

Ключевые слова: билингвизм, переключение кодов, матричный язык, гостевой язык, системные морфемы, содержательные морфемы, вкрапление, островное переключение.

Key words: bilingualism, code-switching, matrix language, guest language, system morphemes, content morphemes, insertion, island-switch.

Билингвальные авторы, наделяя художественных персонажей двуязычием, часто используют в своих произведениях переключения кодов. Под переключением кодов (ПК) понимается «специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них [2, с. 48].

По своей структуре переключения не хаотичны, их употребление подчиняется определенным правилам. Одной из наиболее удачных концепций, описывающих структуру ПК, является модель рамки матричного языка, разработанная К. Майерс-Скоттон [15; 16]. Согласно этой концепции, при анализе ПК необходимо различать, прежде всего, матричный язык (МЯ) и гостевой язык (ГЯ). Матричным языком называется принимающий язык, то есть основной язык коммуникации. А язык, единицы которого внедряются в текст на основном языке, называется гостевым. Кроме того, важным является противопоставление системных (функциональных) и содержательных морфем. Системные и содержательные морфемы разграничиваются по трем критериям: 1) квантификация (дейкτικότητα, количественность, выбор временной рамки); 2) управление семантическими ролями; 3) получение семантических ролей [1, с. 91; 16, с. 98 - 99].

Системные морфемы отличаются от содержательных тем, что обладают только свойством квантификации, то есть имеют только грамматиче-

ское значение. В английском языке к этой группе относятся: вспомогательные глаголы, глаголы-связки; предлог передающий значение притяжательного падежа (of); местоимения и местоименные наречия в функции формальных членов предложения (it, there); вопросительные слова; притяжательные прилагательные; детерминанты и остальные слова, которые используются в позиции перед существительным (all, any).

К содержательным морфемам относятся большинство глаголов, предлогов, существительных, прилагательных и местоимений [1].

Модель РМЯ включает систему принципов и гипотез, из которых два самых важных принципа – это «принцип порядка морфем» и «принцип системных морфем». Согласно первому принципу, порядок морфем при грамматически верном ПК должен соответствовать тому, который установлен МЯ. Второй принцип гласит, что все синтаксически и морфологически значимые для структуры морфемы должны быть представлены МЯ [16, с. 83]. Не все переключения подчиняются двум основным принципам. Это связано с тем, что ПК могут иметь разные структурные типы: выбор кода (язык меняется от реплики к реплике), межфразовые, внутрифразовые переключения между частями сложного предложения и внутрифразовые ПК в пределах простого предложения или словосочетания [2, с. 63 – 66].

Рассмотрим более подробно переключения последнего типа. В пределах словосочетания или простого предложения ПК происходят между лексическими единицами, поэтому между грамматикой и лексикой двух языков наблюдается тесное взаимодействие. Такие ПК неодинаковы по количеству и составу, например, все предложение построено на одном языке, а какой-то его компонент выражен на другом языке, или несколько слов на одном языке комбинируются со словосочетанием на другом языке [2, с. 65].

Данный тип переключений подразделяется на два подвида: вкрапления и островные переключения. Под вкраплением понимается одиночная лексическая единица (морфема или слово) ГЯ, которая подчиняется грамматическим правилам матричного языка. Такие ПК встречаются в речевых отрезках МЯ+ГЯ, где грамматику устанавливает МЯ, то есть вкрапления могут быть оформлены системными морфемами МЯ, но не могут содержать системные морфемы ГЯ. Второй подвид внутрифразовых ПК в пределах словосочетания – островные переключения. Они состоят из одной или нескольких лексических единиц ГЯ и/или сочетающихся с ними системных морфем ГЯ.

В рамках нашего анализа была осуществлена выборка примеров переключений с английского как матричного языка на ряд романских языков (гостевых) из двадцати художественных произведений британских и американских авторов. В пределах словосочетаний и простых предложений было обнаружено 673 переключения. Вкрапления составляют 51 % ПК в пределах словосочетаний. В ходе анализа выяснилось, что вкрапления вы-

полняют синтаксические функции дополнения, предикатива, обстоятельства, подлежащего, определения, сказуемого.

В функции дополнения обнаружено 40 % вкраплений. Рассмотрим пример: «But he asked me to tell what I know about a máquina and I told him» [10, с. 59]. В этом примере элемент испанского языка *máquina* (машина, пулемет) является вкраплением, поскольку состоит из одной содержательной морфемы ГЯ – существительного и не содержит системных морфем ГЯ. Это вкрапление функционирует в роли дополнения. 23% вкраплений выполняют функцию предикатива, например: «That which you do is unworthy, Monsieur; is inhospitable – is, is lâche...» [17, с. 568]. Французское прилагательное *lâche* (подлый) не имеет при себе системных морфем ГЯ, то есть является вкраплением, и находится в синтаксической функции предикатива. В функции обстоятельства было обнаружено 16% вкраплений. Например: «Anything happen at the encierro?» [9, с. 184]. Испанское вкрапление *encierro* (загон для быков) находится в позиции обстоятельства места. Подлежащим являются 13% вкраплений, например: «When the Inglés blows the bridge will fragments come this far?» [10, с. 474]. Функцию определения выполняют 7 % вкраплений: «I imagine – for I don't go so far as that – attributing to me anything so unutterably bête as a feeling of jealousy» [12, с. 225]. Функцию сказуемого – 1% вкраплений, например: «Just for the Guy Fawkes show, shall I wantonly enrhumer myself?» [3, с. 59].

Таким образом, большая часть вкраплений обнаружена в функциях дополнения и предикатива. Подавляющее большинство вкраплений представлены существительными (88 %), 7 % составляют прилагательные, 4 % – глаголы, 1 % – причастие. Преобладание существительных объясняется количественным распределением между синтаксическими функциями, которые выполняют ПК рассматриваемого типа. В превалирующих функциях дополнения и предикатива закономерно использование существительных.

Испанские вкрапления в 41 % случаев функционируют как дополнение, 21 % – обстоятельство, 17 % – предикатив, 15 % – подлежащее, 6 % – определение. Во французских вкраплениях превалируют дополнение и предикатив: дополнение – 40 %, предикатив – 31 %, подлежащее – 11 %, обстоятельство – 9 %, сказуемое – 3 %. В виде вкраплений встретились также единицы немецкого, русского, латинского и итальянского языков, однако они единичны, поэтому нельзя описать синтаксические функции, которые им свойственны. Небольшое количество вкраплений на немецком и русском языках обуславливаются прагматическими причинами, а отсутствие итальянских и латинских вкраплений связано со структурой этих языков. Существительные, использование которых преобладает в исследуемых текстах, в итальянском и латинском употребляются со словоизменительными окончаниями, поэтому даже первая форма слова, как правило, не может быть вкраплением. Это относится к испанским, латинским при-

лагательным и французским прилагательным женского рода. Все они содержат словоизменительные аффиксы – системные морфемы, даже в первой форме, поэтому появляются как острова ГЯ.

Острова ГЯ составляют 49 % от внутрифразовых ПК в пределах словосочетания. Островные переключения выполняют разнообразные синтаксические функции: дополнение, предикатив, подлежащее, обстоятельство, часть обращения, сказуемое. Самая распространенная функция, которую выполняют острова ГЯ в нашем материале, – дополнение (43%), например: «Cause he's got la grippe himself!» [4, с. 52]. Элемент ГЯ является островным ПК, поскольку содержательная морфема французского языка *grippe* (грипп) сопровождается системной – определенным артиклем женского рода. Переключение происходит в позиции прямого дополнения. Рассмотрим еще один пример: «It wasn't that way with the granatieri» [8, с. 65]. Единица итальянского языка *granatieri* (гранатометчики) является островным ПК, поскольку в состав слова входит окончание множественного числа существительного *-i*. ПК выполняет функцию предложного дополнения. Предикатив занимает второе место по количественному показателю – 23 %. Пример: «That's the real carta del oro» [11, с. 96]. Функцию предикатива выполняет остров испанского языка *carta del oro* (золотой ярлык). Острова ГЯ выполняют функцию подлежащего в 17 % случаев: «And, as I tell you, uncertainty breeds panic, which is what les Boches are playing for» [4, с. 115], обстоятельства – 11 %, например: «I seem to progress en reculan» [3, с. 118]. Острова ГЯ также встретились в функциях определения – 4%, сказуемого – 1 %, и части обращения – 1 %.

Таким образом, ведущими функциями островных переключений, как и вкраплений, являются дополнение и предикатив.

Острова французского, испанского, итальянского и латинского языков представлены отдельными словами со словоизменительными аффиксами и словосочетаниями. По синтаксическим отношениям между главным и зависимым компонентами словосочетания были выявлены субстантивные, адъективные, предложные и глагольные словосочетания. Острова французского языка представлены субстантивным, адъективным, и предложным типом. Острова латинского языка – субстантивным, глагольным и предложным; испанского – субстантивным, адъективным, предложным и глагольным; итальянского – субстантивным. Были также обнаружены острова русского и немецкого языков, однако количество их примеров недостаточно для выявления синтаксической связи между компонентами таких словосочетаний.

Острова французского языка образованы по следующим моделям.

Словосочетания представлены моделями:

1) прил. + сущ. (27%): «This belle histoire may be a hoax – but it may not!» [4, с. 4]. Остров ГЯ представляет собой субстантивное словосочета-

ние, состоящее из прилагательного ГЯ ж. р. *belle* и существительного ГЯ *histoire*;

2) сущ. + предлог Р.п. *de* + сущ. (26%): «If you and Nicole married won't that be 'l'amour de famille'?» [5, с. 330]. Остров ГЯ состоит из существительного ГЯ с определенным артиклем *l'amour*; предлога ГЯ, передающего принадлежность, *de*; и существительного ГЯ *famille*. ПК представлено субстантивным словосочетанием;

3) предлог + сущ. (7%): «He contented himself with expressing surprise that I, too, was not equally au fait with the situation» [4, с. 72]. Остров ГЯ состоит из предлога *à* с определенным артиклем ед.ч. м.р. *le (au)* и существительного *fait*. ПК представлено предложным словосочетанием;

4) притяжат. прил. + сущ. (5 %): «Monsieur mon neveu – we are all like that» [17, с. 256]. Остров ГЯ состоит из притяжательного прилагательного м.р. *mon* и существительного ГЯ *neveu* и образует субстантивное словосочетание;

5) единичные примеры ПК образованы по моделям: «сущ. + сущ.» (3 %), «сущ. + предлог + сущ.» (2 %), «наречие + прил.» (1 %), «личное местоим. + гл.» (1 %), «наречие + сущ.» (1 %).

Отдельные слова представлены существительными – 23 % («To la femme sentiment is everything – is it not so?» [4, с. 99]). Остров ГЯ образован существительным *femme* в сопровождении артикля ж.р. ед.ч. *La*; прилагательными – 4 % («Last night I found her not so gentile» [9, с. 54]). Остров ГЯ состоит из прилагательного ГЯ *gentile* с окончанием ж.р. ед.ч. *-e*.

Острова испанского языка образованы по следующим моделям.

Словосочетания:

1) сущ. + прил. (26 %): «We killed a pair of guardia civil, he said, explaining the military saddles» [10, с. 46]. Остров ГЯ состоит из существительного *guardia* и прилагательного *civil*. ПК представлено субстантивным словосочетанием;

2) сущ. + предлог Р.п. *de* + сущ. (8 %): «Now he would like to retire like a matador de toros» [10, с. 58]. Остров ГЯ состоит из существительного *matador*, предлога Р.п. *de* и существительного во мн.ч. *toros*. ПК представляет собой субстантивное словосочетание;

3) единичными примерами представлены модели «сущ. + сущ.» (2 %), «указат. прил. + сущ.» (1 %), «наречие + при.» (1 %), «предлог + сущ.» (1 %), «гл. + местоим.-клитика», «числит. + сущ.» (1 %), «гл. + сущ.» (1 %).

Отдельные слова представлены существительными – 57 % («Haven't you heard la gente?» [10, с. 87]). Остров ГЯ состоит из существительного во мн. ч. с артиклем; глаголами – 1% («... but only Viva my father» [10, с. 380]). Остров ГЯ представлен глаголом в 3 л., ед.ч., повелит. накл. Эти грамматические категории передаются окончанием *-a*.

Острова латинского языка представлены следующими моделями.

Словосочетания:

1) предлог + сущ. (29%): «My son, sir, is at this minute chief magistrate of Ramgunge, in the Presidency of Bengal, and touching his four thousand rупees per mensem» [18, с. 43]. Остров латинского языка состоит из предлога *per* и существительного в В.п. ед.ч. *mensem*. ПК представляет собой предложное словосочетание.

2) сущ. + прил. (23%): «Faith, the beauty of Filia pulcrior drove pulcram matrem out of my head!» [17, с. 248]. Первый остров ГЯ состоит из существительного *Filia* в Им. п. ед.ч. и прилагательного в сравнительной степени *pulcrior*. Второй остров ГЯ состоит из прилагательного в В.п. ед.ч. ж.р. *pulcram* и существительного ж.р. в В.п. ед.ч. Островные ПК представляют собой субстантивные словосочетания.

3) сущ. + предлог + сущ. / прил. (14%): «Tis rus in urbe» [17, с. 403]. Остров ГЯ состоит существительного в Им.п. ед.ч. *rus*, предлога *in*, и существительного в аблативном (отложительном) п. ед.ч. *urbe*. ПК представляет собой субстантивное словосочетание.

4) гл. + (предлог) + сущ. / прил. (10%): «Mori pro patria was his device» [17, с. 275]. Остров ГЯ состоит из глагола в форме повелит. накл. ед.ч. *Mori*, предлога *pro* и существительного в аблативном (отложительном) п., ед.ч. *patria*. ПК представляет собой глагольное словосочетание.

Отдельные слова: существительное – 24% («That is right, Harry», he said; «faithful little famuli see all and say nothing» [17, с. 83]). Островное ПК представлено существительным в Им. п. мн. ч. *famuli* с окончанием *-i*.

Латинские переключения-существительные и согласующиеся с ними прилагательные в английском предложении имеют флексию падежа, свойственного латинскому языку для данной синтаксической позиции. Например, «Faith, the beauty of filia pulcrior drove pulcram matrem out of my head!» [17, с. 248]. В первом острове ГЯ существительное стоит в форме Им.п. *filia*, поскольку находится в группе подлежащего, а Р.п., который требуется по смыслу и исходя из того, что ПК является определением к подлежащему, уже реализован через предлог *of*. Единицы второго острова ГЯ в этом предложении стоят в форме В.п., которую предписывает функция прямого дополнения. Прилагательное имеет соответствующее падежное окончание *-am*, а существительное *-em*.

Эту особенность отмечают и другие исследователи [13]. Так, Н. Маклеланд на материале латинских переключений в немецком тексте обнаружил, что латинские существительные всегда имеют окончание соответствующего латинского падежа, а не появляются в первой форме слова [14, с. 512]. На основе англо-финского материала Х. Хальмари делает вывод, что финские существительные в английском тексте достаточно редко инфлектированы правильно с точки зрения финского языка, и обнаруженные примеры, скорее всего, являются устойчивыми формами [7, с. 197]. Н. Маклеланд предполагает, что латинские падежные окончания в

немецком тексте связаны с тем, что латинский и немецкий типологически по системе склонения достаточно схожи, и делает вывод, что в типологически разных языках такое явление наблюдаться не будет. Однако наш материал показывает, что и при МЯ английском, то есть языке, где категория падежа внешне не выражена, существительные синтетического языка с развитой системой склонения сохраняют падежные окончания, свойственные определенным синтаксическим позициям.

Острова итальянского языка образуются по следующим моделям.

Отдельные слова представлены существительными – 68% («I'm not just driving down to the stazione in Milan to see you off» [8, с. 248]). Существительное *stazione* является островом ГЯ, поскольку имеет окончание ед.ч. –*e*; прилагательными – 3% («You're simpatico» [6, с. 12]). Прилагательное *simpatico* образует остров ГЯ, поскольку имеет словоизменительное окончание ед.ч. –*o*.

Словосочетания образуют следующие модели:

1) сущ. + прил. (16 %): «I thought I'd start some pasta asciutta», he said. [8, с. 175]. Остров ГЯ состоит из существительного ж.р. в ед.ч. *pasta* и прилагательного ж.р. в ед.ч. *asciutta*. Словосочетание является субстантивным;

2) сущ. + сущ. (10 %): «A little that way like the number of the first regiment of the Brigata Ancona» [8, с. 79]. Остров ГЯ состоит из существительных в ед. ч. *Brigata* и *Ancona*. ПК представляет собой субстантивное словосочетание;

3) сущ. + предлог Р. п. *de* + сущ. (3 %): «They want to get you the medaglia d'argento but perhaps they can get only the bronze» [8, с. 77]. Островное ПК состоит из двух существительных в ед.ч. *medaglia* и *argento* и предлога Р.п. *d' (de)*.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Во французском и латинском языках в качестве островов ГЯ доминируют субстантивные словосочетания. Испанские и итальянские острова в большем количестве представлены отдельными существительными.

2. Преобладание существительных в итальянских островах объясняется тем, что все существительные там употребляются со словоизменительными аффиксами, поэтому в любой форме будут островными ПК.

3. В ПК на все рассматриваемые языки распространенным является сочетание существительного с прилагательным и двух существительных, связанных предлогом Р. п.

4. Среди словосочетаний на ГЯ преобладающим большинством на всех языках являются субстантивные словосочетания.

Список литературы

1. Чиршева Г. Н. Основы онтобилингвологии: русско-английский материал: дис... д-ра филол. наук. – СПб.: СПбГУ, 2000.
2. Чиршева Г. Н. Двужычная коммуникация. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004.
3. Christie A. Peril at End House. – NY: Pocket Books, 1976.

4. Christie A. *Poirot Investigates*. – NY: Bantam Books, 1979.
5. Fitzgerald F. S. *Tender is the Night*. – M.: Raduga Publishers, 1983.
6. Fitzgerald F. S. *This Side of Paradise*. – M.: Менеджер, 2004.
7. Halmari H. *Government and codeswitching: Explaining American Finnish*. – Philadelphia: Benjamins, 1997.
8. Hemingway E. *A Farewell to Arms*. – M.: Progress Publishers, 1969.
9. Hemingway E. *Fiesta: The Sun Also Rises*. – M.: Междунар. отношения, 1981.
10. Hemingway E. *For Whom the Bell Tolls*. – M.: Прогресс, 1981.
11. Hemingway E. *To Have and Have not*. – M.: Междунар. отношения, 1979.
12. James H. *The Awkward Age*. – GB: Penguin Books, 1976.
13. Knappe J. *Das Deusch der Humanisten* // W. Besch (Ed.). *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. – Berlin: De Gruyter, 1984. – S. 1408 – 1415.
14. McLelland N. *A historical study of codeswitching in writing: German and Latin in Schottelius' Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haupt Sprache (1663)* // *International Journal of Bilingualism*. – Vol. 8. – № 4. – 2004. – P. 499 – 523.
15. Myers-Scotton C. *Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching*. – Oxford: Clarendon Press, 1993.
16. Myers-Scotton C. *Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching*. – NY: Clarendon Press, 1997.
17. Thackeray W. M. *The History of Henry Esmond, Esq.* – M.: Foreign Languages Publishing House, 1954.
18. Thackeray W. M. *Vanity Fair*. – Part II. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1950.

Влияние риторики на школьные программы по русскому языку (XIX–XXI вв.)

В статье показано, что на разных этапах развития российской школы педагогически значимые идеи риторики, проникая в курс отечественного языка, способствовали формированию представления о нём как учебном предмете большой социальной значимости. Введение риторических идей в раздел «Развитие связной речи» ныне действующей традиционной школьной программы по русскому языку соответствует стратегической линии стандартов нового поколения, направленных на сохранение преемственных связей современности с педагогическими традициями прошлого.

It is pointed out in the article that on different stages of the Russian secondary school development pedagogically essential rhetoric ideas which were borrowed by the Russian language course contributed to formation of its interpretation as a school subject of great social importance. Introduction of rhetoric ideas into the «Connected speech development» Chapter of the traditional school programme that is currently in force corresponds to the strategic line of the new generation standards that are supposed to ensure successive ties between the present time and the pedagogical traditions of the past.

Ключевые слова: идеи риторики, школьный курс русского языка, раздел «Развитие связной речи».

Key words: rhetoric ideas, Russian language secondary school course, «Connected speech development» Chapter.

Направленность стандартов нового поколения на сохранение преемственных связей современности с педагогическими традициями прошлого – свидетельство неразрывной связи сегодняшнего дня науки с его влиятельным прошлым. Это имеет прямое отношение и к новому направлению речевого развития юношества, формирующемуся с 90-х годов XX века и получившему название «риторизация» [17]. Этот вектор исследовательской мысли вырастает из понимания необходимости использования педагогически значимых идей риторики в материалах раздела «Развитие связной речи» школьного курса русского языка. Цель статьи - показать, что на поворотных этапах развития отечественной школы педагогически целесообразные идеи науки о красноречии, проникая в курс отечественного языка, способствовали формированию представления о нём как учебной дисциплине большой социальной значимости. Об этом свидетельствуют: 1) первые программы по русскому языку для гимназий, написанные во второй половине XIX века И. И. Срезневским; 2) программы

Наркомпроса, созданные для советской школы в первой четверти XX века; 3) учебные пособия по развитию речи разных лет издания; 4) ныне действующая традиционная программа по русскому языку.

Первый доктор славяно-русской филологии России, академик И. И. Срезневский (1812-1880) в середине XIX века написал первую школьную программу по отечественному языку и словесности. В период с 1854 по 1876 год он создаёт шесть вариантов программы, из которых только два были опубликованы, а четыре хранились в архивах до наших дней [16]. Из риторики в гимназический курс русского языка И. И. Срезневский перенёс, во-первых, основные единицы языка и речи: слово – выражение – предложение – период – текст [20]. Во-вторых, из науки о красноречии было заимствовано понятие о коммуникативных качествах речи, а именно: правильности, уместности, чистоте, выразительности и т.д. [20. л. 45]. Рассматривая их во взаимосвязи, И.И.Срезневский закладывает основы комплексного подхода к формированию коммуникативных качеств речи. В разрабатываемой им методике этот подход реализуется через такой значимый компонент риторической ситуации, как адресат речи, потому что «от лица, к которому обращаемся», зависит выбор слов и выражений [20, л. 45].

В программах И. И. Срезневского формирование коммуникативных качеств речи осуществлялось в направлении от конструирования фраз, используемых в устной разговорной речи, до моделирования таких широко используемых жанрово-композиционных форм текстов, заимствованных из частной риторики, как письмо, записка, учебная лекция. Эти речевые жанры авторских текстов, создаваемые с учётом адресата, способствовали возрождению в методике преподавания отечественного языка такой педагогически ценной идеи содержательной риторики, как единство этоса, логоса и пафоса в процессе создания речевого произведения. Через это единство, соединяющее обучение и воспитание, укреплялись связи уроков развития речи с жизнью, с подготовкой гимназистов к реальному речевому взаимодействию. Ознакомление с этическими нормами общения предостерегало учащихся от ошибок, свидетельствующих о «неосновательности воспитания» [19, с. 99]. Наиболее эффективным методом речевого, умственного и нравственного развития детей (наряду с наблюдением, смысловым анализом текста, изложением и, в меньшей мере, сочинением) И. И. Срезневский считал живой диалог (риторическая традиция, восходящая к Сократу). Этот метод не позволял детям «принимать за истину всё, что кто-нибудь и где-нибудь выдал за истину» [22, с. 256]. Формируя у детей культуру речи, диалог способствовал изучению языка как средства общения, необходимого каждому образованному человеку «для исполнения общественных обязанностей» [19, л. 1]. Так риторические идеи, положенные И. И. Срезневским в основу речевого развития гимназистов,

связывали его школьную программу по русскому языку одновременно и с прошлым, и с будущим.

В начале XX века педагогически значимые идеи науки о красноречии проникают в школьные учебные пособия по развитию речи, усиливая развивающий потенциал обучения и воспитания. Практикой обучения речи были заимствованы следующие риторические идеи: 1) опора на компоненты речевой ситуации при создании текста [7]; 2) античный риторический канон, призванный научить учащихся: а) добывать материал; б) располагать его; в) находить словесную форму [2; 12]. Педагогически целесообразные риторические идеи, используемые советскими методистами в соответствии с возрастными особенностями учащихся и уровнем их подготовленности, становились проводниками важнейших дидактических принципов связи теории с практикой и обучения с жизнью.

Ориентируя учащихся на адресата в процессе создания текста как речевого произведения, А. В. Миртов рекомендовал перед написанием сочинения представить себе читателя, которым мог быть друг, родственник или знакомый, совершенно не разбирающийся в теме. Этот приём повышал интерес детей к выполняемой работе, приближая искусственную среду обучения к естественным условиям общения [12]. В первой трети XX века опора на значимые компоненты речевой ситуации (как вымышленной, так и реальной) практиковалась в рамках ситуативных упражнений, достаточно широко используемых авторами учебных пособий по развитию связной речи. В. В. Голубков продемонстрировал огромное воспитательное значение ситуативных упражнений в образовании младших школьников. Предлагая детям составить рассказ от имени героя прочитанного произведения или того или иного неживого предмета, он заставлял учащихся задуматься над поступками, которые часто совершают люди. Примером того может служить задание написать рассказ от имени рождественской ёлки, которая, очутившись на задворках после новогоднего праздника, рассказывает старой метле свою историю [7, с. 50]. В предлагаемой детям ситуации называется автор моделируемого высказывания (ёлка), адресат (старая метла), уточняется место и время общения. При этом В. В. Голубков умышленно не называет такой значимый компонент речевой ситуации, как коммуникативное намерение говорящего (пишущего). Учащимся предоставляется возможность домыслить его самостоятельно, проанализировав возможные варианты, а именно: а) ёлка может бесстрастно рассказать свою историю; б) посетовать на свою судьбу; в) осудить людей за то, что они сделали с ней после праздника. От понимания детьми целевой направленности создаваемого текста зависели: 1) содержание моделируемого текста; 2) логика расположения материала; 3) выбор речевых средств; 4) отношение к описываемому событию, выявляющее нравственную позицию пишущего. Так ситуативные упражнения стали проводником в практику школьного обучения педагогически ценной идеи античной риторики ориентироваться на

единство этоса, логоса и пафоса в процессе создания авторско-адресного текста.

Другим видом упражнения на развитие речи с использованием речевой ситуации был пересказ текста от имени одного из его героев. После прочтения рассказа «Самые лучшие груши» В. В. Голубков предлагал детям написать изложение от имени барина, рассказывающего сворим знакомым о том, почему он прогнал слугу [8, с. 10]. Такое задание требовало изменений в расположении содержания материала исходного текста и введения в создаваемый учащимися вариант оценочного компонента, передающего отношение рассказчика к описываемому событию и выражающего его эмоциональное состояние. Так в упражнении, направленном на развитие мышления и речи, прорастала традиция содержательной античной риторики ориентироваться на логос, пафос и этос как основу создаваемого текста.

Характерной особенностью методики речевого развития, формирующейся в первой трети XX века, было переосмысление и творческое использование риторических идей отжившей свой век «старушки» риторики. Примером этого являются правила и приёмы «разумного письма», разработанные А. В. Миртовым с опорой на логические основы риторики. По убеждению учёного, методика обучения сочинениям в школе должна в большей мере использовать глубинные межпредметные связи школьного курса русского языка и риторики. Реализовать это направление исследовательской мысли помогают педагогам образцовые тексты писателей-классиков, построенные на логических основах риторики. При обучении сочинениям описаниям А. В. Миртов анализирует фрагмент из книги Л. Н. Толстого «Детство и отрочество», демонстрируя учащимся логическое расчленение понятия «классная комната». Затем школьники используют этот механизм при составлении плана собственного сочинения-описания [12, с. 54]. Эту же методику использует В. В. Голубков. Он предлагает детям проанализировать созданное Ф. И. Достоевским описание квартиры штабс-капитана Снегирёва, а затем отразить особенности построения этого текста в плане, на основе которого написать своё сочинение [8, с. 63 - 64]. Так, анализируя художественное описание, учащиеся постигали механизм построения описательного текста, а затем подражали мастерам слова, создавая своё речевое произведение (методическая традиция, заимствованная школьным курсом русского языка из риторики). В современной методике продолжением этой традиции является такой вид упражнения, как стилистический этюд. Введение логических основ риторики в канву урока развития речи, способствуя развитию мышления учащихся, формировало у них умения: 1) производить логическое разделение понятия; 2) строить суждения, умозаключения и силлогизмы.

В первой четверти XX века возрождению риторических идей в школьном обучении способствовало стремление педагогов поднять учащихся на более высокий уровень речевой культуры, который был необхо-

дим им для активного участия в жизни молодого советского государства. Об этом свидетельствуют первые программы Народного комиссариата просвещения (1918 и 1921 гг.), предметом пристального внимания которых становится живое слово. Этими государственными документами был взят курс на развитие у школьников умений: а) владеть устной и письменной речью для приобретения элементарных навыков общественной деятельности; б) вести деловую почтовую переписку и простейшее делопроизводство. Ориентиром в педагогической деятельности словесников становятся приложения к этим программам, содержащие методические рекомендации по организации учебного процесса. Если обучение деловому письменному общению осуществлялось посредством таких форм работы, как составление отчётов, заполнение журналов и т.д., то мастерство живого слова приобреталось при помощи таких активных методов обучения, как: 1) драматизация литературного материала и сцен из школьной жизни; 2) импровизация. Эти методы были проводником педагогически значимой риторической идеи ситуативного обучения, которая реализовывалась по-разному в зависимости от уровня подготовленности учащихся. Если на начальной ступени обучения (в третьем классе) дети импровизировали, сочиняя загадки, пословицы и поговорки, то на продвинутом этапе им предлагалось принять участие в импровизационных митингах и собраниях [15]. Умение оратора импровизировать высоко ценилось классиками античной риторики и рассматривалось как показатель высокого уровня речевого развития. Закрепление этой риторической традиции в программе по русскому языку, разработанной для отечественной школы в первой четверти XX века, свидетельствовало об осознании на государственном уровне необходимости приближения процесса обучения к жизни, к реальной практике использования языка как средства общения. Поэтому в 20-30 годы интенсивно разрабатывается методика обучения мастерству устного и письменного живого слова на материале разговорной и публицистической речи, народных фольклорных произведений и сцен из школьной жизни [1; 13]. Активизируются методы, приближающие искусственную среду обучения к реальным условиям общения, среди которых, помимо ситуативных упражнений, особой популярностью пользовались импровизация и экскурсия [5; 6; 11; 23]. Из частной риторики школьным курсом русского языка заимствуются такие наиболее распространённые жанры разговорного, делового и публицистического стилей речи, как дружественное письмо, объявление, справочник-путеводитель, дневниковая запись, заметка в газету. На материале народных фольклорных произведений учащиеся совместно с учителем создавали пьесу, в процессе работы над которой учились эффективному общению [1; 3; 4; 5; 13].

Ярким событием, которым завершается период активного освоения риторических идей школьным курсом русского языка в первой половине XX века, стало появление книги В. А. Добромыслова «Изложения и сочи-

нения в семилетней школе» (1946), автор которой обосновывает возможность обучения школьников результативной речи. Реализацией этой риторической идеи было умение говорящего или пишущего донести определённое содержание до читателя или слушателя, достигая при этом поставленной цели убедить адресата в чём-либо. Так формировалась школьная методика моделирования текста как единицы общения. По убеждению В. А. Добромыслова, выход на этот уровень мог осуществиться только благодаря формированию у школьников, во-первых, коммуникативных качеств речи, значимость которых для речевого развития юношества отмечал И. И. Срезневский; во-вторых, коммуникативных умений. Так, опережая своё время, В. А. Добромыслов назвал стратегические направления речевого развития школьников на основе педагогически целесообразных идей риторики. К сожалению, намеченная им программа речевого развития учащихся полностью не была реализована в практике работы школы.

В 60-е годы XX века идея В. А. Добромыслова о речевом развитии школьников на основе коммуникативных умений была воплощена Т. А. Ладыженской в рамках программы школьного курса русского на материале раздела «Развитие связной речи». Положенные в его основу знания и были заимствованы из риторики, а именно: обдумывание темы и её границ, определение основной мысли, сбор и систематизация материала и т.д. Из риторики в практику обучения школьников сочинениям вошли такие типы речи, как повествование, описание и рассуждение, и наиболее употребительные речевые жанры разговорного, публицистического и делового стилей речи, например, письмо, заметка в газету, объявление. Направление речевого развития, заявившее о себе после длительного отсутствия в программе школьного курса русского языка целенаправленной работы по развитию связной речи, имело прогрессивное значение для своего времени, несмотря на то, что оно не сохранило идею ситуативного обучения, утратив, таким образом, реальный жизненный смысл.

В конце 90-х годов под влиянием возрождающейся риторики Т. А. Ладыженская, начиная с 26-ого издания традиционного учебника русского языка (1999), корректирует задания к упражнениям на развитие связной речи, соединяя их с ситуацией общения. Так были сделаны первые шаги, направленные на восстановление и укрепление глубинных связей школьного курса русского языка и риторики. Этот вектор исследовательской мысли, названный «риторизацией», должен получить своё дальнейшее теоретическое обоснование и развитие, опираясь, с одной стороны, на опыт использования риторических идей в школьных программах отечественного языка, начиная с первой программы И. И. Срезневского, а с другой – на достижения современных речеведческих дисциплин, лингвистики и неориторики. В XXI веке укрепление раздела «Развитие связной речи» педагогически значимыми идеями классической и современной риторики

поможет вывести методику речевого развития на более высокий уровень, адекватный требованиям времени. Возрождение риторических идей в практике школьного обучения поможет в полной мере реализовать образовательные и воспитательные возможности русского языка как учебного предмета. Укрепление идей риторики в практике обучения русскому языку поможет реализовать одну из центральных идей государственного стандарта нового поколения, а именно: соблюдение преемственных связей современности с педагогическими традициями прошлого.

Список литературы

1. Абакумов С. И., Афанасьев П. О. Как вести работу по развитию речи в начальной школе // Серия инструктивно-методических писем школьного сектора НКП РСФСР. Письмо 4. – М.: Учпедгиз, 1933.
2. Абакумов С. И., Шапиро А. Б. Как писать сочинения. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1928.
3. Бархин К. Б. Живое слово в образцах и заданиях. Рабочая книга по развитию речи. Для городской школы 1 ступени. – М.-Л.: 1929. – Ч. 1.
4. Бархин К. Б. Живое слово в образцах и заданиях. Рабочая книга по развитию речи. Для городской школы 1 ступени. – М.-Л.: 1930. – Ч. 2.
5. Бархин К. Б. Культура слова. Методическое пособие для преподавателей 2 ступени. – М., 1930.
6. Бархин К.Б. Методика русского языка в средней школе. – 3-е изд. – М., 1937.
7. Голубков В. Пособие для ведения устных и письменных сочинений. Изложения и перделки рассказов. Для младших классов среднеучебных заведений, для городских, для земских училищ, для торговых школ и т.п.. – М.-Кострома, 1913. – Вып. 1.
8. Голубков В. Пособие для ведения устных и письменных сочинений. Повествования. Составление рассказов. Описания. Для младших классов среднеучебных заведений, для городских, для земских училищ, для торговых школ и т.п. – М.-Кострома, 1913. – Вып. 2.
9. Добромыслов В. А. Изложения и сочинения в семилетней школе. – М.-Л.: АПН РСФСР, 1946.
10. Русский язык: Учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская [и др.]. – 26 изд., перераб. – М.: Просвещение, 1999.
11. Малаховский Вс. Импровизационный метод в развитии речи // Родной язык в школе. – 1927. – № 6. – С. 196 - 204.
12. Миртов А. В. Как научить и научиться писать сочинения. – СПб., 1913.
13. Миртов А. В. Сочинения в школе. – Харьков, 1923. – Вып. 1. Уроки коллективного творчества.
14. Основы методики русского языка в 4-8 классах / под ред. А. В. Текучёва и др. – М.: Просвещение, 1983. – С. 224 - 242.
15. Программы Единой трудовой школы 1-й ступени. Объяснительная записка. – Валуйск: Изд-во Валуйского УОНО, 1918; Программы семилетней единой трудовой школы. – М., 1921.
16. Семячко Л. Н. Из методического наследия академика И. И. Срезневского // Русский язык в школе. – 1983. – № 6. – С. 48 – 54.
17. Семячко Л. Н. Риторизация раздела «Развитие связной речи» в курсе «Методика преподавания русского языка в средней школе» // Российская наука в конце XX столетия: Материалы международной научной конференции. – Соликамск: Изд-во СГПИ, 1996. – С. 84 – 85.

18. Срезневский И. И. Наставление преподавателям русского языка и словесности в гимназиях С.Петербургского учебного округа (1852) // Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. – СПб.: [б.и.], 1854. – С. 98 – 104.

19. Срезневский И. И. Цель и направление (1854) // ЛО Архива АН СССР (н. Санкт-Петербургское отделение Архива Российской Академии наук), ф.216, оп.2, 1854, д.540, л. 1 – 3.

20. Срезневский И. И. Заметки по грамматике русского языка (1855–1858) // ЦГАЛИ СССР (н. Российский государственный архив литературы и искусства), ф.436, оп.2, ед.хр.1, л. 1 – 45.

21. Срезневский И. И. О преподавании русского языка (1858) // ЦГИА СССР (н. Российский центральный государственный исторический архив), ф.734, оп.2, 1858, д.3, л.186 – 191.

22. Срезневский И. И. О научных упражнениях студентов (Письмо по поводу записки профессора Дройзена) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1869. – Ч. 146. – № 12. – С. 247 – 265.

23. Танкова Л. «Картинная выставка» в школе как средство развития устной речи // Родной язык в школе. – 1927. – № 2. – С. 246 – 249.

Обучение польских специалистов русскому языку делового общения в свете новых тенденций Совета Европы

В статье представлены новые тенденции в обучении иностранным языкам вообще и русскому языку делового общения в частности в связи с новыми требованиями документов Совета Европы. Предлагаемая Советом Европы модель обучения включает лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую компетенции как неотъемлемые составляющие коммуникативных языковых компетенций. В связи с этим появилась также тенденция обучения при помощи задач. В данной статье сделана попытка представить пример такого обучения при помощи конкретной задачи составления дискурсивного события переговоров.

The paper presents new tendencies in teaching foreign languages in general and Business Russian particularly in accordance with the new demands for documents of the European Council. The model of teaching requested by the European Council provides for linguistic, sociolinguistic, and pragmatic competences as integral parts of communicative language competences. Task-based language learning (TBLL) is gaining importance due to that fact. The paper is aimed at presentation of such kind of teaching on the basis of certain task in communication event schedule of negotiations.

Ключевые слова: русский язык делового общения, обучение языку, компетенции, задача, коммуникативные стратегии и тактики.

Key words: Business Russian, language teaching, competences, task, communication tactics and strategies.

Начиная статью, нам кажется необходимым сказать несколько слов об обучении русскому языку бизнеса в Институте русской филологии университета гуманитарных и естественных наук Яна Кохановского в г. Кельце (Польша) на отделении русского языка бизнеса, готовящего специалистов для дальнейшей работы в фирмах в качестве торговых представителей, референтов-переводчиков. Это отделение было открыто в связи с возросшими контактами польского бизнеса с зарубежными странами, в том числе, с Россией. При этом оказалось, что чисто филологических знаний недостаточно для работы в фирмах. Кроме того, Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина в Москве, с которым мы сотрудничаем много лет, было предложено сертификационное тестирование по специальности русский язык делового общения. Студенты, овладевшие таким языком на одном из трех сертификационных уровней (базовый (B1), средний (B2) и продвинутый (C1) могут сдавать экзамен на сертификат, соответствующий Европейским стандартам сертификации владения языком, который является важным документом для приема на работу. Поэтому кроме филологических знаний наши студенты получают также специаль-

ные знания из области экономики и бизнеса, а практические занятия по русскому языку помогают усвоить предметные знания в этой области на русском языке. Сказанное отвечает новейшим тенденциям документов Совета Европы, определяющим важные факторы в обучении иностранным языкам, среди которых особо отмечаются прагматический, социокультурный и дискурсивный. Это особенно важно для подъязыков специальности, которым является русский язык делового общения. Правда, все эти факторы были определены как составляющие коммуникативной компетенции в Европейской системе описания обучения иностранным языкам («Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка», 1997 г.). Однако модель, регламентируемая этим документом в 2001 году (2003 – польск. перевод) [4], предлагает систематизировать понятия, связанные с обучением языку. Следует также отметить, что в последнее время как в России, так и в Польше, и в Европе, начали уточнять понятие коммуникативности и коммуникативной компетенции, являющейся и в настоящее время одним из основных понятий в обучении иностранному языку.

Большое внимание здесь обращается на компетенции обучаемых, а особенно на коммуникативные языковые компетенции (измененный термин заставляет несколько иначе взглянуть на это понятие (ср. коммуникативная компетенция), что, как отмечает, например, Й. Зайонц, представляется очень важным: не остается сомнений, что термин имеет составляющие и носит языковой характер. Предлагаемая модель обучения включает три элемента: собственно лингвистическую компетенцию – лексическую, грамматическую, фонологическую, орфографическую; социолингвистическую компетенцию, относящуюся к социальному параметру языковой коммуникации, а также прагматическую компетенцию, включающую дискурсивную и функциональную часть. Как отмечает далее Й. Зайонц, эта модель несомненно более прозрачна и более упорядочена по сравнению с предыдущей, однако ее главным плюсом является «уровневость» владения языком: от А1 до С2 [6, с. 28] [перевод здесь и далее наш. – *И.Р.*].

Говоря о новых методических тенденциях, которые появились в рамках коммуникативного подхода, следует, прежде всего, назвать, например, обучение при помощи задач [5]. Создатели «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком...» определяют задачу как каждое целенаправленное действие, необходимое для решения какой-либо проблемы, выполнения обязательства или реализации стремления [4, с. 21].

Следует обратить внимание на то, что одновременно с обязательными умениями, связанными с обучением языку (лингвистическая и социолингвистическая компетенции), все большее внимание обращается в современной дидактике на прагматическую компетенцию. Прагматическую

компетенцию можно определить как компетенцию правильного употребления языковых единиц с целью достижения определенной цели в данной коммуникативной ситуации. Это важно, так как каждое высказывание кроме семантического наполнения, имеет также прагматическое, необходимое для правильной интерпретации конкретной ситуации и для достижения поставленных целей. И в связи с этим авторы «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» говорят, прежде всего, о дискурсивном и функциональном компонентах. Дискурсивный – понимается как умение правильного порождения, составления или проведения дискурса независимо от его формы, то есть умение применять стратегии взаимодействия, высказываться, развивать тему, учитывая логическое и грамматическое единство высказывания. Второй компонент – функциональный – связан с использованием устных и письменных форм дискурса в коммуникации, проводимой с определенной целью. Функциональный успех в коммуникации определяется двумя качественными факторами: беглость и связность, то есть умение начать и продолжить высказывание, а также умение выйти из трудной ситуации, а также точность высказывания, то есть умение так формулировать свои мысли, чтобы их значение было ясным и выразительным [6, с. 28].

Чтобы проиллюстрировать сказанное, возьмем устную форму дискурсивного события переговоров в рекламном агентстве, в котором участвуют PR-менеджер компании и менеджер рекламного агентства. Дискурсивным событием мы, вслед за Гришаевой и Цуриковой, называем совокупность всех коммуникативно значимых речевых и неречевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели – слушающего и говорящего [1]. Итак, переговоры проводятся на тему разработки и размещения рекламных материалов компании. Такое задание дается нами на продвинутом уровне русского языка делового общения (С1). Цель переговоров – обсудить варианты размещения рекламы в СМИ и ее стоимость, выбрав самый оптимальный и выгодный вариант. Коммуникативные задачи этого диалога следующие: 1) информирование менеджера рекламного агентства о целях рекламы; 2) обсуждение возможных вариантов рекламных материалов; 3) обсуждение условий договора с рекламным агентством; 4) подписание договора с рекламным агентством. Каждая такая задача включает в себя также подзадачи: 1) в связи с информированием о целях рекламы: повысить продажи данной торговой марки или разрекламировать какой-то определенный продукт/услугу; в условиях острой конкурентной борьбы пытаться перепозиционировать свой товар/бренд. Учащийся должен: 1) знать основную лексику, связанную с данной задачей, а также иметь определенные предметные знания о рекламе и ее составных частях, видах рекламы, рекламоносителях, а также о брендах и их позиционировании; 2) в связи с обсуждением возможных вариантов рекламных материалов учащийся должен ориентироваться в составлении тек-

ста рекламы, используемых в ней языковых средствах, объеме рекламы, месте рекламы; 3) в связи с обсуждениями условий договора должен знать, как формируется стоимость рекламы, частотность появления рекламного объявления (ролика, радиорекламы); 4) в связи с подписанием договора с рекламным агентством – знать составные части договора и уметь обсуждать их. Учащийся должен научиться предоставлять и запрашивать нужную информацию, уметь выражать свое мнение, пожелания и предпочтения, согласиться/не согласиться с услышанным.

Важным является обучение иностранных учащихся стратегии устного взаимодействия с использованием различных тактик (начинать, завершать, подтверждать/опровергать, переключаться с темы на тему, уходить от ответа). При этом они должны ясно, четко и логично выражать свои мысли, правильно вербализуя речевые интенции: высказывая свое мнение, аргументируя его, спрашивая, переспрашивая, соглашаясь / не соглашаясь с услышанным; при необходимости прибегать к парафразам, объяснениям, уточнениям. Следует добавить, что стратегия взаимодействия в отличие от просто говорения как монологической речи предполагает диалогическую и полилогическую речь, при которых происходит частичное совпадение продуктивного и рецептивного процессов. При взаимодействии происходит так называемое «накопление», то есть участники диалога / полилога в процессе обсуждения проблемы или ситуации все больше сходятся в понимании проблемы и концентрации на основных моментах [3, с. 55]. Кроме того, они должны уметь пользоваться выражениями речевого этикета, необходимыми для установления контакта, представления, реакции на представление, прощания. Поскольку для обучения такого вида диалогам мы используем ролевые игры, учащиеся должны уметь выступить в разных ролях (и сотрудника рекламного агентства, и менеджера). Кроме понимания конкретных поставленных перед ними задач и тактик их осуществления, они должны уметь находить и использовать надлежащие языковые средства выражения. Так, они должны знать лексику по данной теме, о чем мы уже говорили выше, а также следующие стандартные выражения: *давать/дать рекламу (куда?) – в газету, в журнал, в СМИ, но – на радио, на телевидение; помещать/поместить (размещать/разместить рекламу (где?) – в газете, журнале, но: на радио, на сайте, на телевидении* (ср. польск: *w radiu, w telewizji*). Поскольку, как мы видим из последнего примера, у поляков может в некоторых конструкциях возникать интерференция (в данном случае на грамматическом уровне), целесообразно вводить данные конструкции в сравнении их с аналогичными польскими. Кроме названных для составления рекламного текста, следует знать некоторые штампы: *Предоставляем значительные скидки; Ищем региональных дилеров; Доставка ж/д транспортом; Высокое качество гарантируется; Оплата наличными и безналичными* и т.д., а также рекламные слоганы, используемые с целью привлечения внимания: *Вниманию деловых людей!*;

Быстро, качественно, надежно!; Цены производителя!; Ждем вас уже сегодня! и др.

Следует также заметить, что в обучении стратегиям продукции обращается особое внимание на планирование высказывания (письменного или устного) с учетом воздействия на ее адресата. Приведем пример. На ответ партнера: *«К сожалению, не можем себе позволить такие затраты на рекламу» – Я бы так же думал, если бы никто не объяснил мне, как эти затраты могут окупиться за счет полученной выгоды. Если Вы хотите, я представлю это Вам в цифрах».* На возражение: *«Это слишком дорого» – «Некоторые виды рекламы действительно очень дорогие. Однако они могут вам и не подходить. Давайте обсудим вместе, чего Вы хотите достичь при помощи рекламы, и мы на основании этого выберем для Вас подходящий вариант».* На возражения человека, заказывающего рекламу, который считает ее слишком дорогой, рекламодатель может возразить: *«Но за качество надо платить. Как вы думаете, лучше дать рекламу в каком-нибудь третьеразрядном журнале или же в нашем, имеющем широкий круг читателей?».* Здесь особенно важна логика высказывания, четкость изложения, последовательность. Необходимо обратить внимание учащихся на конструкции, формулирующие, например, запрос информации (*Скажите, пожалуйста, ... Вы не могли бы мне объяснить, ... Сколько будет стоить реклама в ближайшем номере журнала? и др.*); выражение просьбы (пожелания) – *Я хотел бы, чтобы Вы (+инфинитив) ..., Вы не могли бы (+ инф.) ..., Я хотел бы попросить Вас (+ инф.)*; выражение согласия: *Хорошо. Конечно. Обязательно*; согласие + уточнение сроков исполнения: *К какому сроку это нужно сделать? Когда Вы хотите разместить рекламу? В каком номере журнала? и т.д.*; выражение точки зрения: *Я думаю (считаю), что....*; выражение совета (предложения): *Я бы предложил..., Я могу посоветовать....* и др.

Грамматика, необходимая для заданий такого рода, включает в себя формы и виды глаголов: *предлагать, предоставлять, осуществлять, оформлять, размещать, продавать, доставлять* и некоторые другие; устойчивые словосочетания глагол + существительное; существительное + прилагательное; существительное + существительное: *предоставляем скидки; предлагаем квартиру; продаем офис; оплата производится; фирма предлагает; минимальные цены, безналичный расчет, выгодные условия; форма оплаты; рассрочка платежа, гарантия качества*; образование отглагольных существительных, прилагательных от существительных и наоборот; сослагательное наклонение; формы долженствования; построение вопросительных предложений и некоторые другие. Здесь следует обращать внимание на интерференцию польского языка, поэтому необходимо показывать возможность возникновения грамматической интерференции при продукции.

Для обучения студентов продуцированию подобных устных текстов и овладения ими коммуникативными стратегиями и тактиками используется деловая игра, помогающая совершенствовать умения и навыки устной речи, слушания, а также и письма. Между участниками такой игры распределяются роли, задается конкретная ситуация, дается время на подготовку – после чего участники игры высказываются по разным вопросам. Представляют свои точки зрения, доказывают, возражают, аргументируют. Здесь присутствует и монологическая речь (отстаивание позиции), и диалогическая, и полилогическая (если в переговорах принимают участие несколько человек). Принимая участие в такой игре, иностранные учащиеся активизируют пассивно усвоенную лексику и речевые образцы, расширяя тем самым сферу речевой деятельности.

Здесь следует отметить так называемый «принцип кооперации» (по Г.П. Грайсу), при котором коммуникативный вклад на каждом шагу диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога [2]. Важно следовать постулатам этого принципа: количества, качества, отношения и способа, что связано с объемом, истинностью, с тематической заданностью информации.

Подытоживая сказанное выше, мы хотели бы сделать следующие выводы.

1. В свете новых тенденций Совета Европы следует обучать иностранных учащихся русскому языку делового общения при помощи поставленных перед ними определенных задач.

2. В этих задачах должны содержаться: главная задача (коммуникативные цели); подзадачи (что должны уметь учащиеся в связи с реализацией главной задачи).

3. Важным является обучение иностранных учащихся стратегиям устной продукции и устного взаимодействия с использованием различных тактик (начинать, завершать, подтверждать/опровергать, переключаться с темы на тему, уходить от ответа). При этом они должны ясно, четко и логично выражать свои мысли, правильно вербализуя речевые интенции: высказывая свое мнение, аргументируя его, спрашивая, переспрашивая, соглашаясь / не соглашаясь с услышанным, при необходимости прибегать к парафразам, объяснениям, уточнениям. Кроме того, они должны уметь пользоваться выражениями речевого этикета, необходимыми для установления контакта, представления, реакции на представление, прощания.

4. Учащиеся должны овладеть также прагматической компетенцией, предполагающей правильное употребление языковых единиц с целью достижения определенной цели в данной коммуникативной ситуации. Для этого в обучении используется деловая игра.

5. Следует обратить внимание на дискурсивный и функциональный компоненты прагматической компетенции, где дискурсивный понимается как умение правильного порождения, составления или проведения дискур-

са независимо от его формы, учитывая логическое и грамматическое единство высказывания, а функциональный связан с умением начать и продолжить высказывание, а также умением выйти из трудной ситуации; важна также точность высказывания, то есть умение так формулировать свои мысли, чтобы их значение было ясным и выразительным;

6. В обучении русскому языку делового общения важна также предметная компетенция, предполагающая владение предметными знаниями по данной теме.

Список литературы

1. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2004.
2. Пивонова Н. Е. Речевые и письменные коммуникации. – СПб., 2005.
3. Ускова О. А., Трушина Л. Б. Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция. Лингводидактическое описание целей и содержания обучения. Русский язык как иностранный. Продвинутый сертификационный уровень. – М., 2003.
4. Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie. – W.: Rada Europy, 2003.
5. Komorowska H. Programy nauczania w kształceniu ogólnym i w kształceniu językowym. – W.: Fraszka Edukacyjna, 2005.
6. Zajac J. Komunikacja – Dyskurs – Zadanie. Nowe akcenty w glottodydaktyce // Nauczanie dwujęzyczne w Polsce i w Europie /pod red. Z. Dzięgielewskiej. – W., 2007. – С. 25 – 33.
7. Nauczanie dwujęzyczne w Polsce i Europie /pod red. Z. Dzięgielewskiej. – W., 2007. – [Электронный ресурс]: http://www.bc.ore.edu.pl/Content/35/Dwujezyczne_polska.pdf

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 821.161.1-14

Е. А. Кучина

Тема творчества в молитвенной лирике А. С. Пушкина

В свете православного типа духовности как доминанты в отечественной культуре рассматривается тема творчества и предназначенности поэта в молитвенной лирике А. С. Пушкина, отмечается устремлённость поэта к духовно-аскетическому мироосмыслению.

There is a long tradition in studying of the maintenance of artistic texts which means that art texts are connected with the Holy Writ. Pushkin's poems reflect spiritual and ascetic world's comprehension.

Ключевые слова: поэтическая молитва, творчество, молитвенные темы, Священное Писание, духовно-аскетическое мироосмысление.

Key words: poetic prayer, works, prayer teams, the Holy Writ, spiritual and ascetic world's comprehension.

Молитва как обращение к Богу встречается и в стихах, и в прозе А. С. Пушкина: «19 октября 1827 года», «Я вас любил...», «Подражания Корану», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Анджело», «Капитанская дочка» и др. В пределах данной работы мы ограничимся темой творчества и предназначения поэта в молитвенной лирике Пушкина.

Молитвы в лирике поэта не остаются незамеченными пушкинистами. Так, И. Ю. Юрьева исследует жанр молитвенной лирики поэта [5]. Она рассматривает две формы молитвенной лирики поэта – молитвы-пожелания и молитвы за друзей. В научной литературе целостного осмысления и подробного описания молитвенной лирики нет. Тем не менее, в течение последних десятилетий в литературоведении наблюдается стабильная заинтересованность в изучении художественных текстов в контексте православной христианской традиции. Это труды И. А. Есаулова, В. С. Непомнящего, В. Н. Захарова, В. А. Котельникова, Т. А. Кошемчук, Г. В. Мосалевой и др.

Не пренебрегая достижениями текстологов, фактографов двадцатого века, мы изучали пушкинские тексты по дореволюционным изданиям, с правописанием, сохраняющим глубинные смыслы русской православной культуры, в частности, стихотворения «Пророкъ», «Поэть», «Памятникъ».

8 сентября 1826 года Пушкин пишет стихотворение «Пророкъ», напечатанное в 1828 году в «Московском вестнике». Это произведение сфокусировало основные мотивы, которые продолжатся во всём творчестве Пушкина и сконцентрируются в его лирике последних лет. Формально это стихотворение не является молитвой – молитва словесно не оформлена; но

молитва есть, и она выражена несколько иначе. «*Духовной жаждою томимь, / Въ пустыни мрачной я влачился...*», — так передано поэтом молитвенное состояние: молитва-молчание как абсолютное или временное уклонение от земного и предельная внутренняя жажда Бога и богообщения. И Господь послал Своего вестника: «...*И шестикрылый серафимъ / На перепутье мнѣ явился...*», а после откликнулся Сам: «*Восстань, Пророкъ, и виждь, и внемли...*» [2, II, с. 214-215]. Наверное, не было бы «вопросания», томления «жаждующего» — не было бы явления Небесной Силы, не было бы Божьего ответа, призыва-благословения.

В. А. Котельников и А. Н. Архангельский правомерно считают, что стихотворение «Пророкъ» восходит не столько к ветхозаветной традиции (к пророку Исаие), сколько к молитве святителя Иоанна Златоуста из «Последования» к Таинству Святого Причащения [1, с. 324]. Следовательно, «*угль, пылающій огнемъ*» есть символ Святых Тайн Христовых и Нового Завета. Тогда поэт в стихотворении «Пророкъ» — новозаветный проповедник, призванный апостол: «*Исполнишь волею Моей*». Пророку не даётся право выбора — теперь он идёт путём послушания, путём христианской веры и проповеди, передачи слова Божьего: «...*И, обходя моря и земли, / Глаголомъ жги сердца людей*» [2, II, с. 214-215]. Выражение такого глубокого религиозного содержания передано посредством мастерски исполненной поэтической формы. Справедлива мысль В. А. Котельникова о том, что «в движение лирического дискурса Пушкина широко вовлекается аскетическая традиция», и слово поэта «становится столь духовно упорядоченным, прозрачным, что в нем просвечивает Логос. <...> Это стиль, — рассуждает учёный, — продолжающегося откровения Святого Духа, о чем говорил Григорий Богослов <...>. То есть это язык Церкви. Пушкин выступает создателем русского “православного языка”» [1, с. 324].

Такое понимание писательского труда, которое характерно для литературной формации XI–XV веков, то есть для средневекового сознания, А. Н. Ужанков назвал синергетическим типом творчества, где «*творчество осмысливается как Божественный акт*» [курсив А. Н. Ужанкова. — Е.К.], а «писатель, точнее — «съповедатель, выступает *по послушанию* как посредник в передаче в письменах сакрального смысла, открытого ему по Благодати» [4, с. 86]. Пушкин осознанно возвращается к древнерусской традиции — к мировосприятию летописца.

В 1827 году 15 августа появляется стихотворение «Поэтъ» (опубликовано в «Московском вестнике» в 1827 году). Здесь поэт пишет: «*Но лишь божественный глаголь / До слуха чуткаго коснется, / Душа поэта встретенется...*» [3, IV, с. 255]. Пророк «ждёт» божественного глагола, божественного призыва, чтобы быть «оглашённым» словом Творца. Дар поэта — дар Божественной воли, отличительная черта от «детей ничтожных мира». Так, лира должна быть святой. Главное — душа поэта. «Святая лира» и «чуткий слух» по благодати призваны и рождают благодатное, очищенное, непорочное — «звуки сладкие и молитвы». А в 1829 году в «Московском вестнике» было напечатано стихотворение под названием «Чернь» (1828).

Только при подготовке нового издания стихотворений в 1836 году, которое тогда не вышло в свет, поэт даст иное название стихотворению – «Поэть и толпа», где и скажет: «...*Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитвь...*» [2, II, с. 498]. Само творчество названо молитвой.

Одним из самых последних законченных стихотворений Пушкина является «Памятникъ» (1836). Стихотворение восходит к традиции римского поэта Квинта Горация Флакка, которую продолжали многие русские лирики. Однако Пушкин отступает от образцов. Сюжет стихотворения составляет жизнь и творчество поэта, осмысленные духовно. Если «Памятникъ» считается духовным завещанием поэта, то необходимо и понимать его с позиций заложенного в нем духовного смысла. Стихотворение концентрирует в себе многие мотивы, разрабатываемые им на протяжении всей жизни. Это дружба, милость, послушание, суд, закон, земная жизнь, смерть и др. Пушкин глубоко проник в существо национального духа: «...*И долго буду тѣмъ любезенъ я народу / Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ...*» [3, IV, с. 44]. Своим творчеством Пушкин пробуждал «чувства добрые», «милость к падшим». Здесь поэтическое слово лишено произвольной мечтательности, оно следует духу и строю церковного слова о бытии человека. Это слово у Пушкина сдержанно, целомудренно, не избыточно в подробностях образных картин.

Итак, стихотворения о творческом труде и предназначении поэта составляют единый смысловой контекст. Пушкин чуток к традиции и к воплощению её образов в слове. Это и лексика, и символика, и логико-семантическая композиция, мелодика слога, единство высокого стиля, смысловая точность, что говорит о верности духу предания и религиозной мысли. Лексическая наполненность лирики имеет прямую соотнесенность с реминисценциями из Священного Писания. Церковнославянская лексика не утяжеляет слог, она является органической частью нового мироощущения – соотнесённости личного пребывания в мире с заданностью такового Божественным произволением. Пушкину был дан дар «внимать» гласу Божиему. Он несёт на себе таковой божий дар свыше («душа въ *завѣтной* лирѣ», «его *святая* лира») – от имени одного Пушкина-человека это было бы невозможно. Молитва, молитвенное обращение, молитвенность – это наивысшее проявление «божественного глагола» в лирике поэта.

Список литературы

1. Котельников В. А. Христианский реализм Пушкина // Духовный труженик: А. С. Пушкин в контексте русской культуры. – СПб.: Наука, 1999. – С. 323 – 329.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений / под ред. С. А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908 – 1910.
3. Пушкин А. С. Сочинения. – Петроград: Имп. АН, 1916.
4. Ужанков А. Н. О специфике русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации. – М.: Языки славянской культуры, 2009.
5. Юрьева И. Ю. Молитвы в текстах Пушкина // Духовный труженик: А. С. Пушкин в контексте русской культуры. – СПб., 1999. – С. 329 – 338.

Сведения об авторах

Бакланова Ирина Ивановна – доцент, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Москва); ibaklanova@yandex.ru

Бандурина Наталья Сергеевна – преподаватель, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина (г. Иваново); anna_261203@mail.ru

Богданова Елена Владимировна – преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва); bogdanova@gmail.com

Буглак Сергей Иванович – профессор, Государственная полярная академия, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); buglak3@yandex.ru

Волкова Анастасия Евгеньевна – аспирант, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград); nastenka_volkova@mail.ru

Горло Евгения Анатольевна – доцент, Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова, кандидат филологических наук, доцент (г. Таганрог); shenetshka@rambler.ru

Дубровская Ольга Георгиевна – доцент, Тюменский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Тюмень); o_dubrovskaya@inbox.ru

Дудкина Анастасия Игоревна – соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); anastasiadudkina@mail.ru

Духанина Людмила Николаевна – преподаватель, Московский политехнический колледж № 39 (г. Москва); pr.dukhanina@gmail.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич – профессор, Пензенская государственная технологическая академия, доктор филологических наук, профессор (г. Пенза); ivb40@yandex.ru

Карасева Анастасия Сергеевна – соискатель, Волгоградский государственный педагогический университет (г. Волгоград); anastasiylive@mail.ru

Кириловская Елена Габдульнуровна – преподаватель, Марийский государственный технический университет (г. Йошкар-Ола); a.kirilovsky@yandex.ru

Козловская Наталия Витальевна – докторант, Институт лингвистических исследований РАН, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); saga@kodeks.com

Кучина Елена Александровна – соискатель, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); eakuchina@mail.ru

Кысылбаикова Марина Ильинична – старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Институт зарубежной филологии и регионоведения (г. Якутск); kysylbaikova@mail.ru

Лапинская Ирина Петровна – доцент, Воронежский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); comendant2005@mail.ru

Малзурова Сэсэгма Даша-Нимаевна – аспирант, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ); sesega_malzuropa@mail.ru

Малых Вячеслав Сергеевич – аспирант, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); viaclaf@yandex.ru

Мамуркина Ольга Викторовна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург); elkala@inbox.ru

Мишинцева Ирина Юрьевна – аспирант, Череповецкий государственный университет (г. Череповец); irahighspirits@mail.ru

Налдеева Ольга Ивановна – доцент, старший научный сотрудник, Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, кандидат филологических наук (г. Саранск); naldeeva_oi@mail.ru

Оганезова Тамара Самсоновна – аспирант, Астраханский государственный университет (г. Астрахань); oganezova.elt@mail.ru

Ошева Елена Анатольевна – аспирант, Прикамский социальный институт (г. Пермь); sweetyhel@mail.ru

Роляк Ирина Леонидовна – адъюнкт, Университет гуманитарных и естественных наук Яна Кохановского, Институт русской филологии, кандидат филологических наук (Польша, г. Кельце); irene41@rambler.ru

Самохина Анна Александровна – соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург); samanna21@mail.ru

Семячко Лидия Николаевна – доцент, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», кандидат педагогических наук (г. Дубна); lns@dubna. ru

Серета Полина Витальевна – преподаватель, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар); polinapost@list.ru

Снеткова Екатерина Алексеевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург); ritta24@yandex.ru

Соколова Александра Александровна – доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, кандидат географических наук, доцент (Санкт-Петербург); falcones@list.ru

Спиридонов Дмитрий Владимирович – доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат филологических наук (г. Екатеринбург); dspiridonov@mail.ru

Тиллоева Саодат Махмадकुловна – доцент, Российский государственный профессионального-педагогический университет, кандидат филологических наук (г. Екатеринбург); saodat9@mail.ru

Топка Лариса Владимировна – доцент, Иркутский государственный лингвистический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск); lavtop@list.ru

Филиппова Елена Вадимовна – преподаватель, Самарский государственный архитектурно-строительный университет (г. Самара); makua@rambler.ru

Яшина Татьяна Анатольевна – доцент, Пензенская государственная технологическая академия, кандидат филологических наук (г. Пенза); yashina_tanya@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 4

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 15.12.2011
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 16,25
Тираж 500 экз.
Заказ 718